

PÉRIODIQUE
Prix : 6 Francs

REVUE MENSUELLE
№ 189 - Septembre 1967

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Ежемесячный
литературно-политический журнал*

№ 189

СЕНТЯБРЬ 1967 ГОДА

Свѣтлана Аллилуева
(См. передовую статью)

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées (V:11*)
Tél. : 350-06-03

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
ВѢЧНАЯ РОССИЯ. Редакціонная статья	5
Иван ЛУКАШ. Зеленый остров. (Окончаніе)	7
Виктор СВЕН. Семен Осипович	30
А. ГОРСКАЯ. Поединок	51
Алексѣй УГРЮМОВ. Александр Блок, Евгений Иванов и их окру- женіе. (Окончаніе)	53
Алексѣй УГРЮМОВ. Блоковіада. (Приложеніе к статьѣ) . . .	67
А. М. ПЕТРУНКЕВИЧ. С. Ф. Платонов — историк “Смутнаго времени”	72
А. ТЕРНЕ. Особое Совѣщаніе по оборонѣ государства 1915-1916 годов	96
Б. СИБИРСКИЙ. “Трескотня” — и другое	106
П и с ь м о в р е д а к ц і ю	123
В. Ф. САЛАТКО-ПЕТРИЦЕ. Смысл “культурной революціи” в Китаѣ	124
Б. БОРИСОВ. По “ту” сторону	130
Я. Н. ГОРБОВ. Л и т е р а т у р н ы я з а м ѣ т к и: Борис Филиппов “Тусклое оконце” — Валентин Галин “Бли- же к родинѣ” — Евгения Квесит “Голубыя дороги” .	141
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Д ѣ л а и Л ю д и: Свистопляска на Кубѣ — “Защищать границы Родины” — Послѣдніе тормаза	152

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничных дней.
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.

Подписка, продажа, справки и объявленія.

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Ежемесячный
литературно-политический
журнал*

Выходит при ближайшем участии

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКАГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 189

СЕНТЯБРЬ 1967 ГОДА

P A R I S

73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél. : 359-06-03.

*ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССИИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ*

ВОЗРОЖДЕНІЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦІОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

*ОСНОВАН 3 ІЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВ-
НОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН
В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ІЮНЯ 1940 ГОДА,
НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАН-
СКОЙ АРМІИ, ИЗДАНІЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕ-
КРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 ГОДА И ДО ДЕКАБРЯ
1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ
РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ
ЕЖЕМѢСЯЧНО.*

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE MENSUELLE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction
PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 189
SEPTEMBRE 1967

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : 359-06-03.

Всю переписку просят направлять по адресу:

«La Renaissance» — 73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8

Статті неприняття к напечатанію не возвращаются, и Редакція не вступает в переписку по их поводу.

Прием в Редакции: по вторникам и пятницам от 16 до 18 час

ВѢЧНАЯ РОССИЯ

Диктаторская власть, готовящаяся праздновать 50-лѣтіе своего существованія, испугалась — женщины. Всего только одна женщина покинула — физически — родину, унося с собой ея дух и ея муку запечатлѣнными в рукописи, и весь партійно-пропагандный аппарат сначала не находил, что сказать, потом стал, неуклюже и грубо, клеветать на нее перед русским народом, наконец, попытался, тоже неудачно, запутать дѣло в заграничных издательствах, — чтобы только самые дни “великаго юбилея” не омрачились появленіем книги Свѣтланы Аллилуевой.

Растерянность и испуг несомнѣнны. И их нельзя объяснить только тѣм, что эта женщина — дочь Сталина. Главное в том, что духовный путь, ею пройденный, это — путь современной Россіи, ея свидѣтельство это — свидѣтельство о возрожденіи вѣчной Россіи, приобретающее, конечно, особую драматичность и силу оттого, что это пишет дочь Сталина.

Міровое общественное мнѣніе это поняло. Вот что пишет, например, один из лучших міровых знатоков совѣтской жизни, Эд. Крэнкшау:

“На 50-м году революціи, не разоблаченій касающихся их собственной жизни приходится бояться со стороны Свѣтланы Аллилуевой нынѣшним совѣтским руководителям... Они должны бояться — и бояться — страшной картины народа, гдѣ каждый человекъ заключен в своего рода духовной тюрьмѣ, и гдѣ народ все же торжествует потрясающимъ доказательствомъ того, что можно калѣчить и ломать тѣла и умы, но человеческій духъ убить нельзя”.

Таков всенародный русскій опыт и уже начинающееся русское торжество. Как отмѣтил другой выдающійся иностранный журналист, на этот раз американец, Джэмс Рестон, в “Геральд Трибюн”, — то, что пишет Аллилуева, “полно мучительнаго состраданія с русскимъ народомъ и от этого, почти только случайно, но с тѣмъ большею силой, оно становится антикоммунистическим”.

Душевную пустоту, создаваемую коммунизмом, которую ощутила она, ощущаетъ нынѣ едва ли не весь русскій народ. И как она, все больше и больше русскихъ людей заполняютъ эту пустоту религіей. Этот фактъ подчеркнул тот же Эд. Крэнкшау уже при первомъ ея выступленіи в Америкѣ. Приведемъ еще только одно подтвержденіе. Со Свѣтланой Аллилуевой, принявшей крещеніе пять лѣтъ тому назад, перекидается письмо совсѣмъ молодыхъ людей изъ Ленинграда, на этихъ дняхъ опубликованное в “Посѣвѣ”:

“Мы — вѣрующіе, хотя и готовимся работать в совѣтской прессѣ... Крестились всего два года назад. Раньше мы не имѣли возможности и не имѣли права. Родители ждали, пока намъ будетъ 18 лѣтъ. Послѣ 18 лѣтъ мы, какъ взрослые, сами можемъ рѣшать за себя. Вот мы выросли — и крестились”.

Конечно, это не политика: это выше и больше. Не политика в прямом смысле также и то, что в лицѣ Свѣтланы западный мір, по совершенно единогласным своим оцѣнкам и отзывам, встрѣтил тончайше культурную русскую женщину, выросшую в Совѣтском Союзѣ. И всѣм понятно, что эта культурная русская женщина ощущала травлю Пастернака, как “позор”. Но о том же издѣвательствѣ над культурной жизнью Россіи рѣчь идет и в послѣднем — подпольном — стихотвореніи Вознесенскаго “Стыд”, гдѣ вспоминается и совѣтскій властелин, увы, представлявшій как бы Россію перед міром и снимавшій башмак “на трибунѣ Собранія”...

Так духовное возрожденіе вѣчной Россіи неизбежно ведет и к политическим выводам, — пусть “почти только случайно”, по выраженію Рестопа, но ведет. Возрожденная культурность заставляет видѣть вещи, как онѣ есть, возрожденная вѣра в Бога заставляет говорить о них правду. Просто поэтому, Свѣтлана Аллилуева должна была высказать то, что политически страшнѣе всего для партійной диктатуры: она не оправдывает своего отца, но, конечно, правда то, что он не был — не мог быть — “единственным виновником страшных убійств, происходивших при нем в Совѣтском Союзѣ... Порицанія заслуживает весь строй, вся коммунистическая идеология”.

Достаточно перечестъ героическое письмо Солженицына, чтобы убѣдиться, что вокруг этого теперь и разворачивается борьба внутри Россіи: тѣ, кто валит на одного Сталина всю отвѣтственность, стараются продлить безправіе сталинских лѣт, а тѣ, кто требует права, отлично сознают, что развѣнчаніе одного человѣка еще не упразднило безправія самой “системы”.

Упразднит его дух вѣчной Россіи, теперь прорывающійся в Совѣтском Союзѣ на каждом шагу, Россіи подлинно вѣрующей и человѣколюбивой, Россіи Матери для всѣх народов, связавших с нею свою судьбу. Не случайно — см. об этом обзор Б. Борисова — прославленіе Солоухиным духа вѣчной Россіи встрѣтило горячій отклик и у татар, и у евреев, и у “всякаго сущаго в ней языка”. “Снова Россія, вѣчно Россія”, — как тоже совсѣм недавно писал Вознесенскій, котораго теперь — неужели вслѣд за Аллилуевой? — собираются чуть ли не окончательно выслать из СССР.

Но только круглые “идіоты”, по выраженію того же Вознесенскаго, могут думать, что подобными мѣрами можно отстоять пятидесятилѣтній эксперимент вопреки тысячелѣтней исторіи, теперь уже совершенно несомнѣнно продолжающейся у нас на глазах.

„В”

ОТ РЕДАКЦИИ: обращаем вниманіе читателей на новыя цѣны подписки на 1968 г. (см. на оборотной сторонѣ журнала).

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВ

ИСТИННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ И СТРАДАНІЯ РУССКАГО ШТУРМАНА
АЛЕКСѢЯ МОРОЗОВА

(Окончаніе)*)

Крылатое чудовище, с сѣрым и плоским как у гранитнаго негра лицом, с глазами красными, круглыми, точно недвижные провалы, перелѣзало через борт. Темное крыло подогнулось, захрустѣло...

— Встаньте, он вас не тронет, — позвал меня голос Андрэ. — Встаньте, говорю вам...

Капитан Андрэ стоял в желѣзных дверях лабораторіи.

— Кто?.. Кто он?.. — спросил я, поднимаясь на ноги, еще дрожа.

— Безмолвный, — отвѣтил Андрэ.

Бѣлыя ноги чудовища показались мнѣ двумя столбами. Я едва достигал головой до его бѣлаго живота.

Его крылья походили на огромные, сѣроватые плавники, руки чудовища приросли к ним, и торчали из-под крыльев только концы когтистых пальцев.

Вставая, я наступил ему на крыло... Оно было мягким, как студень: моя нога увязла. Безмолвный не шевельнулся, я стал разсматривать его без страха.

Если бы не ритмическое движеніе мускулистаго живота — если бы не дыханье — можно было подумать, что это страшное изваяніе: крылатый огромный сфинкс, стоящій на задних лапах.

Но его глаза открыты: красные, с черными зрачками, рыбы глаза без рѣсниц — глаза нѣмоты и безмолвія.

— Вы можете теревить его за крыло, — крикнул Андрэ. — Можете наступать на ноги, кричать — он будет недвижим.

Я не повѣрил.

Отбѣжал. И, конечно, это мальчишество, — но издали показал Безмолвному язык. Красные зрачки, не дрогнув, смотрѣли на меня — не на меня, развѣ я знаю куда...

Я крикнул ругательство, погрозил кулаком. Мускул не тронулся на плоском лицѣ гиганта.

Злость превратила меня в раздраженную обезьяну.

Я кривлялся перед Безмолвным. Осмѣлѣвъ, я дернул его за крыло — оно было холодным, скользящим.

Я наступал ему на ноги. Бил кулаками по твердому, как камень, животу. Я кусал его за икры, царапался. Слѣд зубов исчезал мгновенно,

*) См. Возрожденіе" № 188.

как на бѣлой резинѣ. Зубы отскакивали от эластичнаго тѣла. В бѣшенствѣ я выхватил из-за спины кирку... Размахнулся... Заточенный конец вонзился и отскочил от бѣлаго бедра.

Безмолвный не двинулся, не стронул когтитыми лапами.

Рыбы зрѣлки в безмысленной нѣмотѣ смотрѣли на меня.

И тогда в отчаяніи я упал.

— Так было и со мной, — услышал я голос Андрѣ. — Ужас, ярость, отчаяніе...

— Кто он?

— Один из тѣх, кто заглядывал вчера в окно каюты... Безмолвные изрѣдка прилетают сюда... И тогда я слышу свист сѣрых крыльев, четкіе удары когтей о палубу. Они совершенно нѣмые. Ни звука... Я не знаю откуда они... С Золотого Пика... Может быть... Там они устраивают игры. Тогда видно в бинокль кипящее сѣроватое облако над скалой. Но они только слетаются туда... Я думаю, что они с Созвѣздія, которое низко горит над островом. Может быть это первые гости на землѣ. Но земля для них — зеленое ущелье и всѣ ея обитатели — вы да я... Он вас не тронет...

— Я его убью, — со стиснутыми зубами я отстегнул ремень парабеллума.

— Оставьте, — капитан слегка хлопнул меня по рукѣ. — Если бы даже были у нас скорострѣльные пушки, — вдвоем мы не справимся... Я видѣл как Безмолвные, играя, перекидывают по воздуху старые корабли. Они ломают желѣзные мачты... Да и зачѣм убивать?.. Не забывайте, один из них подхватил вас над пропастью и принес в зеленое ущелье...

Тут взлетѣла кохинхинка, забилаь вокруг моей головы, взбѣшенная от ужаса.

Мимо нас, мягко подсакивая, прошел Безмолвный. Крыло едва шевелилось как сѣрый плавник кита.

Он чуть оттолкнулся и поднялся в воздух.

Распластав громадные сѣрые арки крыл, он медленно и тяжело полетѣл над зеленым кладбищем кораблей, к синей дали холмов, к Золотому Пикуну...

— Ободритесь, — сказал капитан. — Эти нѣмыя чудовища вовсе не страшны. Только их крылья шумят... Они, как тяжелыя облака ходят вокруг нас не касаясь... Правда, иногда их лапы задѣвают на полетѣ провода электрических батарей... Крылатые не боятся трав...

Мы дошли до дверей каюты. Андрѣ отпустил мою руку.

— Теперь я оставляю вас... Я могу пропустить минуту охлаждения температур... Тогда мой опыт кончится неудачей... И у нас не будет третьяго человѣка для борьбы с зеленой смертью.

Он говорил разсѣяннo, его глаза блуждали, на скулах нервно двигалась смуглая кожа. Он и не замѣтил моих мокасин. Старик, вѣзoятно, помѣшался на своих опытах...

Я подождал пока он скроется в своей лабораторіи и перекинул ногу через борт... Меня больше не испугает Безмолвный. Я найду, найду дорогу к океану...

Созвѣздіе стояло высоко, когда я снова добрался до ледяных развалин города...

Глыбы мраморных ступеней, разбитыя статуи... Одна стояла далеко во льду. Вокруг прекрасной головы ясно горѣлъ вѣнец из мѣдных лучей, точно солнечный диск.

Я тихо шел вдоль прозрачной стѣны...

Тянулись пустыри, руины, мраморныя арки, ступени лѣстниц, нагроможденные друг на друга, как послѣ землетрясенія.

На ступенях я увидѣлъ брошенную статую, прекрасную, мраморную богиню... Я взглянул... И мой крик внезапный, горячій, испугал меня — я увидел у статуи волосы, темные, каштановые волосы, разкиданные по мраморным ступеням. Солнце свѣтилось в них бронзоватым дымом.

Я кричал... Я царапал лед, кровь бросилась из-под содранных ногтей, я бился головой, я звал, чтобы она, спящая, отвела рукой волны каштановых волос со ступеней и повернула ко мнѣ лицо... Я сошел с ума.

И вдруг, послышался надо мною холодный шорох.

На скалѣ, оперев локти в колѣни, охватив цѣпкими лапами лицо, сидѣлъ Безмолвный, — тот, который гнался за мной. Опушенные крылья как сѣрые, застывшіе потоки спадают с плеч. Он смотрит куда и я: на спящую во льду.

Я со стоном подполз к нему. Я умолял об одном ударѣ крыла, чтобы разбить этот прозрачный саркофаг.

Безмолвный не отводил глаз от бѣлѣющаго тѣла. Я бился у его ног.

Надо мной сѣроватыя ступни свѣшивались со скалы, как плоскія днища двух башен.

Он смотрѣлъ на нее.

Семь оранжевых чаш Созвѣздія дрожали на острых льдах миллиардами огней: я бѣжал к кораблю в вихрѣ холодных факелов, трепетавших вокруг меня, под ногами и надо мной...

— Дѣвушка! Дѣвушка! — кричал я, задыхаясь от бѣга. — Отворите!

Я бил ногами в дверь лабораторіи. Желѣзо выло, вздрагивало.

Дверь поддалась внутрь. Вырывались клубы пара как из нагрѣтой бани.

— Отворите!

Сжатый горячій воздух ожег лицо.

Я отступил.

Из желѣзных дверей, пригибаясь, вышел рослый голландскій матрос. Он рвал на груди черную куртку, он жмурился, захлебывался, дышал...

Его оливковое, изрытое бороздами лицо было налито темной кровью. Жесткіе, черные волосы острыми концами падали на глаза.

Матрос прошел мимо, не видя меня. Я слышал свист его дыханья. Он шел, как пьяный, наискось. Стучали его красные, подбитые мѣдными гвоздями каблуки.

Матрос упал ничком. Его плечи заколыхались...

Я вцѣпился в желѣзный косяк, я крикнул в темноту, в пар лабораторіи.

— Мертвый встал, мертвый!

— Не мертвый, а спящій...

Щурясь от свѣта, Андрѣ показался на порогѣ. Он опускал засученные рукава халата. Он был похож на хирурга послѣ операціи. Мокрые волосы космами прилипли ко лбу. Лицо было влажным, красным, и улыбалось каждой рѣзкой морщиной.

— Опыт оправдал все. Вы видите, он проснулся...

— Анабіоз, — прошептал я, — анабіоз.

— Да, я вернул замерзшему нормальную температуру...

— Там, у Золотого Пика, во льду лежит еще замерзшая... Дѣвушка...

— Знаю.

— Вы должны...

— Смотрите, он приходит в себя...

Матрос сидѣл на колѣнях, раскачиваясь. Долетало его гортанное, хриплое бормотанье. Слова были смутными, тяжелыми, они напоминали старинный нѣмецкій языкъ.

Мы издали наблюдали за матросом. Вот он подпрыгнул, заплясал, гортанно гикая, вот повернулся на красных каблуках, увидав нас...

И оливковое лицо заметалось от изумленія и тревоги. Волосатый кулак ухватил костяную рукоять ножа, висѣвшаго в кожаных ножнах у пояса.

Андрѣ выступил вперед. Голландец, трясаясь, упал на живот, распластал руки.

Как прибитая собака, на животѣ, подполз он к Андрѣ.

— Да благословит тебя небо, что выпустил меня из тюрьмы... Ван-Киркен не виноват... Господин, за что меня держали в тюрьмѣ, в темнотѣ... Ван-Киркен обмер от мороза и голода...

— Встаньте, вы ошибаетесь, — Андрѣ коснулся его плеча. — Я не держал вас в тюрьмѣ...

Голландец бросил быстрый взгляд на меня. Желтоватые бѣлки блеснули.

Созвѣздіе стояло высоко. Оранжевая заря потускнѣла. У бортов корабля, как толпы призраков, плыл туман.

Ван-Киркен сидит на корточках, покачиваясь.

Он бормочет.

Андрэ и я стоим у борта... Кохинхинка и крыса тоже выбрались слушать. Онѣ тревожно смотрѣли на новаго человѣка с оливковым узким лицом.

— Клянусь вѣчными муками, господин, на мнѣ нѣтъ вины... — глухо и сипло выкрикивает ожившій. — Мы вышли из Роттердама в ночь на девятое февраля, я помню — едва минул мѣсяц со дня Крещенія Господня.

— А в каком году? — тихо спросил Андрэ.

— Думаю, что год, а то два назад, — матрос сосчитал на пальцах. — В 1698 году, господин... Так будет точно.

Я быстро взглянул на Андрэ. Старик откинул сивую прядь со лба над сѣрым шрамом и улыбнулся.

— Наш бриг взял индѣйскіе шелка, мѣдныя пушки, ядра и музыкальные часы из Женевы. Такой товар требовал молодой царь Московіи Петер... Мы вышли в море к московитским портам. Говорили, что в московитских водах гипербореи крадут в бурю христіанскіе корабли... Уносят их по воздуху.

— Кто? — переспросил я.

— Гипербореи, которые живут в странах вѣтра и льдов...

— Географія семнадцатаго вѣка, — Андрэ усмѣхнулся.

Был смутен рассказ матроса... Цынга и буря в Бѣлом морѣ. Люди хотѣли отогрѣться, люди разбили капитанскую бочку с ромом... Капитан убил из пистолы рулевого Якоба Хорста — на бригѣ вспыхнул мятеж. Они выбросили капитана в море. Они повернули обратно. Брат Якоба — Андреас поднял на мачтѣ черное знамя пиратов. Они пировали шесть ночей. На седьмой налетѣл шквал... Ван-Киркен ничего больше не помнит. Его ударило сорванным гротом...

Мы не могли объяснить Ван-Киркену, что минуло больше трехсот лѣтъ с той ночи, как его оглушило мачтой. Он слушал, а желтоватые бѣлки его глаз недоувѣрчиво поблескивали. Губы, под жесткими усами, кривились злобно. Иногда он хватался за костяную рукоять ножа.

— Вы нам не вѣрите, — вскрикнул я, теряя терпѣніе. — Так гдѣ же вы, наконец?

— Я не мертвец, гнившій триста лѣтъ... Я милостью неба живой человѣкъ... Я знаю гдѣ я, — меня украли гипербореи... Вы гипербореи, — пробормотал Ван-Киркен, и, пригнув голову, как заяц, кинулся в пшеницу.

— Он убѣжал от нас, капитан.

— Он вернется. Но он никогда не поймет нас... Идем в каюты.

Трубы органа гудят. Льется металлическій ливень, раздувается, гремит, рушится торжественным шествіем. Никогда еще капитан Андрэ не играл так прекрасно.

Его сивые волосы откинуты со лба, точно от дыханія грозы.

— Капитан, там у Золотого Пика лежит замерзшая дѣвушка, — говорю я, кладя руку ему на плечо.

Он медленно обернулся.

— Я знаю, что там лежит дѣвушка. Так что же?

— Вы должны разбудить ее как разбудили матроса...

— Это потом... Мнѣ пора к ним... Скоро товарищи будут со мною.

— Капитан, я не понимаю вас, но прошу — разбудите ее...

Худое лицо капитана свѣтится.

— Сегодня мой праздник. Я побѣдил. Так же как матрос и они скоро будут со мной.

— Капитан, разбудите дѣвушку.

— Вы о ней.. Подождем... Другое дѣло ждет меня...

— Нѣтъ, я требую! Если ваши опыты, весь этот анабіоз, в котором я ничего не понимаю, дали вам способ оживлять замерзших, — вы должны, вы не смѣете отказать мнѣ... Это жестоко... Это жестоко, безчеловѣчно.

— Что с вами?

Мы оба замолчали. Потом я тихо сказал:

— Умоляю вас, капитан, разбудите ее.

Морщина-звѣзда, веселая усмѣшка замигала на щекѣ капитана. Он живо пожал мнѣ руку:

— Хорошо, не будем ссориться... Я попробую разбудить и ее.

Андрѣ вымѣрил шпагатом ледяную глыбу, гдѣ лежала спящая:

— Это вѣсит больше тонны... Попробуем... Рубите! — и размахнулся и вонзил кирку в лед.

Осколки брызнули, как голубыя искры. Я ударил за ним. Зазіяли трещины, лед звенѣл, лопался, с грохотом осыпался острыми глыбами...

Мы врубались в голубоватый коридор. Лед визжал под пилами.

И не помню, на пятый или на шестой день, на осколках льда выросла цѣлая мастерская: мы построили походный шалаш, перенесли с корабля динамо-машину, провода, блоки...

Стальной канат задрожал, натянулся на воротѣ и квадратный кусок, гдѣ лежала замерзшая, стронулся с мѣста.

И когда на блоках "Саркофаг Спящей", как мы прозвали его, двинулся по снѣгам, ослѣпительно сіяя, как гигантскій хрусталь, — над нами зашумѣли крылья. Пролетал тот Безмолвный, котораго я застал тогда на скалѣ. Я назвал его Мыслителем...

Саркофаг, покачавшись в воздухѣ на ржавых крючьях подъемнаго крана, плавно опустился на палубу...

Гулко стрѣляли, тараторили перебоями электрическіе моторы. На палубѣ стоял туман. Из желѣзной двери лабораторіи лились потоки темной воды: там оттаивал лед.

“Саркофаг Спящей” уже вторую недѣлю на корабль и вторую недѣлю Андрѣ не отпирает дверей...

Он сказал, что справится один. Он просил меня найти Ван-Киркена и начать с ним жатву: желтая пшеница на палубѣ уже созрѣвала. Обливаясь потом, я косил днем и ночью. Колосья с тихим, послушным шумом ложились влѣво от меня.

Это были тѣ дни, когда в глазах моих, не отходя, стояло ледяное видѣніе: спящая на мраморных ступенях...

Как часто я бросал косу и ходил слушать к желѣзным дверям. Там я проводил и мои долгія ночи. Андрѣ не покидал лабораторіи.

В узкую щель, у дверей скобки, свѣтился тусклый свѣтъ. Я смотрѣлъ часами из моей засады: трубы резервуаров, электрическія лампочки, которыя вращались как багровыя солнца, все смутно колебалось в щели. Туман разсѣкала иногда быстрая тѣнь Андрѣ.

Мое сердце стучало. В тѣ дни я думал, что мое сердце разорвется: — Проснись, дѣвушка, проснись, — бормотал я.

Дверь открывалась и Андрѣ в дымящем халатѣ торопливо, всей грудью глотал воздух.

— Там жарко... Я знаю, что вы стучите, но не могу вас пустить: герметическая камера рассчитана на одного. Принесите мнѣ воды, хлѣба: я проголодался. Этот случай труднѣе. Она спит, может быть, тысячи лѣтъ... Ждите... Ступайте за хлѣбом.

Я ставил хлѣб к желѣзным дверям, принимался за косу.

И в пшеницѣ, на палубѣ, наткнулся я на голландца. Он спал на войлокѣ, свернувшись в клубок, обросшій черными волосами, оборванный...

Коса звякнула над его головой.

Голландец схватился за нож.

— Проклятый Гиперборея.

Он прыгнул мнѣ под ноги... Что-то горячее ожгло мнѣ плечо... Натмаш, рукоятку револьвера, я отбил его руку.

Матрос кинулся в пшеницу. Она ложилась волнами от его бѣга, извивалась.

— Ван-Киркен, вернись, — позвал я, зажимая раненое плечо. Мои руки и грудь темно заблестѣли от крови...

Вот он несется вниз, по бѣлым тропам, к зеленому туману пропасти.

Его потныя лопатки лоснятся, жесткіе волосы черными пиками хлещут по вѣтру.

Я прицѣлился. Сталь ослѣпила на миг.

Что мнѣ стоит убить его? Он скользит вниз, как черная кошка, он весь на виду, в воздухѣ. Убить третьяго из нас на Зеленом Островѣ... За что?.. Дикій матрос считает меня за фантастическаго гиперборея... Я опустил оружіе. Пусть убѣгает. Вот он спрыгнул на холм, — маячит внизу, как черный мураш...

А на плечѣ у меня ноет ожог раны от его стариннаго лезвія. В кают-салонѣ, из холщевой куртки Андрѣ, я нарвал зубами бинтов.

Остров Созвѣздія, страна сновидѣній, незаходимый, солнечный бред...

Горѣла рана моя на плечѣ. Я туго стянул ее бинтами, мои изсохшія губы потрескались от жара и жажды: ржавый нож голландца прорѣзал широкій раскаленный слѣд.

В горячей дремотѣ я слышал как будто зовущіе голоса, торжественный вопль органа, плеск крыльев, смѣх, заглушенный топот ног...

Всѣ силы напряг я и поднялся и пошел...

Корабль был окутан громадными, зыбкими облаками, он точно плыл по воздуху в бѣловатой мглѣ. Слетѣлись Безмолвные.

Они тѣснятся, они толкают друг друга, крылья подгибаются, как гибкія арки. Палуба окутана бѣловатым туманом, шумят, вѣют холодныя крылья...

Я прыгаю через бѣлыя ступени, гдѣ дышат витыя вздутыя жилы, упираюсь ладонями в бѣлые животы, бѣгу...

Мнѣ навстрѣчу, между рядами Безмолвных, точно по аллеѣ бѣлых колонн, идет Андрѣ, а с ним дѣвушка из Саркофага.

Андрѣ ведет ее под руку. Андрѣ несет ее. Ея глаза закрыты.

— Помогите, скорѣе, — зовет меня капитан. — Она проснулась, но еще без сознанія...

Мы подняли ее на руки.

Некуда ступить: наши головы натыкаются на тяжкія колѣна, на каменные носы, на каменные локти Безмолвных.

Вцѣпив когти в колѣна, они пригнулись к нам. Сотни зрачков, немигающих красных фонарей, в пристальной нѣмотѣ смотрят на дѣвushку...

Мы опустили ее на палубу. Мы окружены.

Андрѣ замахал руками, точно отгоняя птиц:

— Ш-ш-ш-ш-ш... Безмолвные задавят нас как слоны... Вперед!

Хрустѣли колѣнные чашки Безмолвных, гдѣ кожа тверда, как броня черепах, надавливали на грудь.

Точно Самсоны, содрогаясь от напряженія, мы пытались раздвинуть колоннады, мы обороняли узкую площадку, гдѣ лежала дѣвушка... Я поднялся, упал на колѣно. Я видѣл как Андрѣ с хрипом давит еще ладонями в жилистыя ноги чудовища.

И тогда один из Безмолвных, я узнал его — это был тот, Мыслитель, кто смотрѣл на Саркофаг Спящей, — поднял над нами крыло, точно давая знак. И всѣ Безмолвные с тяжелым грохотом устремились за ним.

Крылья скрещивались, трещали в тѣснотѣ, когти ног, отталкиваясь, скрежетали о палубу.

Безмолвные взвились. В выши́нѣ закипѣл туман, хаос летящих чудовищ...

Только этот чудовищный сфинкс, накрывшій нас холодным крылом, остался на кораблѣ...

В кают-салонѣ мы сдвинули изодранные кресла — постель для Спящей.

Андрѣ и я сидим, не отводя от нея глаз.

В окно уже крались лучи Созвѣздія, когда ея рѣсницы слабо подражали в тихом усиліи.

— Пульс слышен, — шепчет Андрѣ, — 74... Нѣтъ, 75... 76... 80...

И дрогнули косо рѣсницы, пріоткрыв скользящій блеск глаз. Распахнулись.

Дѣвушка темно и дико обвела глазами зало. Быстро приподнялась на локтѣ. Медленно подняла ко мнѣ прекрасное лицо.

— Встала, — гортанно и горячо крикнул Андрѣ.

Я протянул к ней руки и вдруг хлынул в глазах горячій огонь и погас...

Андрѣ в бѣлом халатѣ мѣрит комнату шагами, а в ногах у меня сидит дѣвушка.

Ея волосы завязаны в тяжелый узел. Солнце дымит в них бронзой.

Мнѣ смѣшно, что она в бѣлой курткѣ капитана, которой когда-то несомнѣнно владѣл корабельный кок.

— Вы могли бы сказать о вашей ранѣ, — недовольно ворчит капитан, но в его глазах прыгают веселые огоньки. — Я терял надежду, я думал, что вы не очнетесь...

У дѣвушки золотистое смуглое лицо, а брови, как полукруглые арки над строгими, дикими глазами.

— Как ваше имя? — говорю я и протягиваю руку.

Она высвобождает из халата пальчики, подает свою и молчит.

— Ее зовут, как будто, Ионгайя... По крайней мѣрѣ мнѣ слышались такіе звуки, — шепчет капитан.

Ионгайя, Ионгайя, — говорю я, закрывая глаза.

Андрѣ наклоняется ко мнѣ:

— Она не знает ни одного из человѣческих языков... Я цитировал ей Виргилія и Аристотеля... Греческій язык ей как будто что-то напомнил, но так мало, что я стал учить ее по-англійски: со слуха этот легче всего... Изрѣдка она повторяет мои слова. Неправда ли, Ионгайя, вы понимаете нас...

— Нас, — тихо повторила дѣвушка.

— Кто вы, откуда? — говорю я...

Она молчит. Боже, она полунѣмая...

Ея ладони строго лежат на колѣнях. Она сидит у моего кресла, как бѣлая богиня...

— Ионгайя, Ионгайя, — неужели вы не помните ничего?

— Ничего...

Ея отвѣтъ как эхо. Эти узкіе пальцы, смуглые и продолговатые к концам, точно веретенца, этот профиль, напоминающій головы Дидоны или Діаны-охотницы.

Мифы Платона, книги старинных путешественников, рассказы капитана Андрэ о океанском течении, несущем к Зеленому Острову потонувшіе корабли, древній город во льду — мгновенно все пронеслось в моей головѣ. Точно вдохновенье дунуло холодом на волосы. Я приподнялся и крикнул:

— Атлантида!

Легкія стрѣлы рѣсниц дрогнули. Дѣвушка посмотрѣла на меня темно и пугливо. Андрэ поморщился.

— Вы испугали ее...

— Да, да, Атлантида... Она дѣвушка с потонувшаго таинственнаго острова... Там во льду, у Золотого Пика развалины Атлантиды. Ионгайя оттуда... — Ионгайя, Ионгайя — Атлантида — развѣ не помнишь, не знаешь?

Рѣсницы раскинулись горестно, широко. Она молчит.

— Нѣтъ, тут что-то другое, — говорит сурово Андрэ. Его бѣлыя брови мигают, как клубки молній.

— Может быть тут была когда-то Атлантида, — перебиваю я, — тысячелѣтія ледяного сна погасили ей память... Вспомни, Атлантида!

Дѣвушка задрожала, сползла к колѣням, охватила мои ноги и прошептала трудно и смутно.

— Атлантидас...

— Капитан, она вспомнила, — я радостно оглянулся на Андрэ.

Он стоял за мной, суровый и грозный, с нависшей на глаза сивой гривой.

— Нѣтъ, она только повторила ваши слова.

Прижимая горячее лицо к моим ладоням, что-то смутное и гармоничное бормотала Ионгайя.

Звук ея голоса замирал, подымался. Но это были тяжелые, непонятные стоны нѣмого.

Андрэ, слушая, зажал в кулак бѣлые ручки бороды.

— Так, так, — ворчал он.

— Вы поняли ее? — тихо спросил я, когда дѣвушка умолкла...

— Мгновеньями — да... Нѣтъ, эта дѣвушка не с Атлантиды... Другое, великое, непонятное свершилось в этом ущельѣ... Я что-то понял... Нѣкогда на Зеленом Островѣ жили люди... Они бились с травами... Гибли... Она, ея отец, ея мать, они были послѣдними. Их охватили, опутали травы... Тут была великая катастрофа. Она бѣжала в горы,

во льды... Это мои догадки, я знал, что ущелье живое, что оно кишит людьми, превращенными в травы... Я разбужу его, я подыму всѣх...

Костлявыя руки Андрѣ забились над головой, затряслись, глаза безумно пылали:

— Всѣ будут живы, всѣ... Мнѣ только найти — человѣческую клѣтку в растеніи... Побѣда будет за мной. Побѣда! Побѣда!

Вдруг Андрѣ умолк, приложив палец к губам и страшно повел глазами:

— Но почему темно в окнах?

Он безшумно подбѣжал к люку. Его губы задрожали:

— Моя иллюминація, моя электрическая свѣтъ... Все погасло! Тьма!

И вдруг крикнул:

— Травы! — и бросился на палубу.

Я и Ионгаія поднялись. Под лѣпным потолком каюты билась как лохматая громадная бабочка, кохинхинка. Крыса, с разбѣга, прыгнула ко мнѣ на плечо...

Палуба потемнѣла. Над бортами подымались темныя гривы трав, точно готовые обрушиться волны.

Онѣ ползли снизу, с трясин, огромные концы змѣились, курчавились... Наш корабль как будто погрузился в мутныя зеленыя воды...

Электрическая свѣтъ перегорѣла и травы без преград шли на приступ.

Гигантскіе гибкіе корни, ежась, ползли по бортам, по желѣзу, качались, пиная, как связки зеленых удавов на рѣшетках, на окнах кают.

— Бейте из батареи! — издали крикнул Андрѣ. — Я осмотрю провода!

Облако разрыва, треск, струя огня, тошный дым. Это похоже на безшумный артиллерійскій бой. От огня и жара накалилось желѣзо, бѣлыя стѣнки кают. В дыму я видѣл Ионгаію. Топором, наотмашь, она рубила зеленые канаты.

Дѣвушка была ужасна и прекрасна...

Мы отбили первый штурм. Из дыма вынырнуло лицо Андрѣ, почернѣвшее от копоти.

— Провода сорваны Безмолвными, они зацѣпили их когтями! Бейте!

Мы вдвоем припали к нашей батарее.

А на носу корабля, окутанный дымом, озаряемый пламенем, высился тот Мыслитель. Красноватые лучи его взгляда, сквозь дым, всюду слѣдовали за дѣвушкой...

В сѣдых волосах Андрѣ запутались зеленые стебли, он хрипло шепчет:

— Вывали цѣлый километр проводов... Это похоже на катастрофу, но не сдаваться! Я смѣню вас...

Я сѣл без сил у нашей странной батареи. Ионгаія принесла воды,

она мочит мнѣ обожженный лоб, говорит что-то. В смутной, поющей гармоніи ея непонятных звуков, я слышу слова простыя и вѣчныя, как слова Библии или ребенка. — Вода. Огонь. Люблю... Ионгайя полунѣмая дѣвушка из льдов. Нѣтъ, я не сдамся.

Я подымаюсь, отстраняю Андрѣ от рычагов.

— Пустите, я отдохнул... Вы должны исправить провода...

И вдруг крик Ионгайи заставил нас оглянуться. Она указывает пальцем на борт... Мы оба взглянули туда и отшатнулись.

Из зеленого тумана, из косматого прибоя трав, взбиралась по трапам громадная жаба.

Она ползла, волоча за собой космы водорослей. На ея мясистых горбах тускло мигают зеленые желваки.

— Жаба, — прошептал Андрѣ. — Как, в ущельи есть гады?

Жаба забралась на третье колѣно трапа, встала на заднія лапы. Чудовище выше меня. Его лапы опутаны влажными стеблями, травы тянутся за ним по ступенькам.

Я отстегнул с ремня парабеллум.

— Господи-ди-и-и, — донесся вдруг гортанный звук.

Это был голос голландца... Мы бросили ему веревку.

Матрос тяжело перевалил через борт и грохнул на половицы зеленой и влажной грудой мхов, осоки и корней, сочащих бѣлый сок.

Из-под его тѣла, из-под этой дышащей горы травы — растеклась темная болотная жижа...

— Скорѣе! — крикнул капитан, — я буду стрѣлять, а вы рвите наросты мхов с его спины, обрубите корни от рук...

Куски влажной студенистой зелени, эти бугры, приросшіе к спинѣ Ван-Киркена, присасывались к моим рукам тысячами устьиц — я отрывал их ногтями, — сбрасывал за борт...

Скоро в ржавой болотной лужѣ лежало перед нами освобожденное тѣло Ван-Киркена — изсохшій скелет, обтянутый коричневой кожей. На лѣвой рукѣ, на темной плети, бросилась мнѣ в глаза побѣлѣвшая синяя татуировка: двѣ пушки со скрещенными знаменами и русалка, у которой рыбій хвост раздвоен жалом.

Под впалыми вѣками поворачивались глазныя яблоки. Матрос покосил запекшими губами и вздохнул.

Не выпуская из рук мѣднаго рычага, Андрѣ позвал его.

— Ван-Киркен, куда вы бѣжали?

— Ван-Киркен бѣжал на темную рѣку, в ущелье, — прохрипѣл матрос, вращая темными бѣлками. — Там корабли... Я надумал бѣжать из плѣна Гиперборейцев... Да... То был хорошій корабль на трясинѣ... Но ваши травы охватили меня... Стебли опутали ноги... Я не мог подняться... Оплели живот. Травы тянули из меня соки, пили меня. Клянусь, я рвался, корчился, но ваши травы сильнѣе... И тогда ваша птица — она желѣзная, у нея два мѣдных глаза, — упала с неба и по-

трясла болото. Лопнули корни на моих ногах. Я пополз к лѣстницѣ на ваш желѣзный замок.

— Да.

— Безмолвный, — прошептал я.

— Да, желѣзная птица. Ее принесла под сѣрым крылом другая, у которой красные глаза... Она сбросила желѣзную птицу вниз.

— Привидѣнія, лихорадка, бред, — крикнул Андрѣ, повертывая рычаг.

Сверкал огонь безшумных электрических выстрѣлов.

Мы прижались к стѣнкѣ каюты.

Пламя озарило коричневое страшное лицо Андрѣ, черную голову матроса, блѣдное тонкое лицо Ёнгайи...

“Желѣзная птица, желѣзная птица, странный бред”. — Я посмотрѣл через борт.

Внизу зеленая мгла, шум трав, идущих прибоем. И там, на послѣдней ступенькѣ трапа, два желтых огня.

“Вот она птица с мѣдными глазами... Бинокль, если бы бинокль”.

— Капитан, гдѣ бинокль? — говорю я.

— Тут, на шнурѣ, — снимите сами...

Я повертѣл мѣдную нарѣзку бинокля, навел стекла и дрожа от радости, схватил Андрѣ за сухую кисть.

— Что с вами?

— Вот бинокль, смотрите... Я смѣню вас у рычагов.

— Куда смотрѣть?

— Вниз к трапу...

— Пойдите, я там вижу два желтых огня.

— Да.

— Это — мѣдь. На ней отблеск зари.

— Да.

— Крыло.

— Да, стальное крыло.

— Но это... Но там... Как это у вас называется. Я читал...

— Там аэроплан, капитан... Там люди, спасеніе!..

Над трясиной, зацѣпив крылом лѣстницу, повис летательный аппарат.

Мы втроем сбѣжали к нему, прорубаясь топорами в зарослях.

Обвѣшанные стеблями, зелеными волокнами, в кусках мокрого мха, — оборванные, тяжело дышащіе, мы походили, вѣроятно, на лѣших...

Но аппарат пуст... Ни одного слѣда на сырой травѣ. Дверка кабинки открыта... Людей нѣтъ. Окно разбито.

В кабінкѣ, на кожаном маленьком креслѣ, брошены пустыя консервные банки, помятые бидоны с бензином, инструменты...

Обшивка потерта, но виден черный номер 2... Вторая цифра точно сдарапана.

Сброшенная машина с помятым мотором, с разбитыми стеклами, говорит о крушении, о гибели в туманѣ.

Безмолвные принесли в ущелье этот стальной остов, так же как невѣдомое подводное теченіе выносит сюда потонувшіе корабли.

На мѣдных частях моторов, которые лоснились маслом, я отыскал выпуклыя буквы: “Ролл-Ройс”.

В кабинкѣ, капитан Андрэ поднял стопку листов.

Тут же, у колес, мы рассмотрѣли находку. Эти тонкіе листки, вѣроятно, были вырваны из записной книжки. Бумага просвѣчивала водяным знаком — лев на глобусѣ.

Записи карандашом, почерк торопливый, скачущій. Стерты концы строк:

“3.100 кило груза. 5 часов вечера, на борту...”.

“Туман...”.

“10 часов вечера. Запад”.

“Половина бензина истрачена”.

“Если это 88° 31' сѣверной широты...”.

“Туман...”.

“Ледяныя горы”...

— Люди, — изслѣдователи, — тихо сказал я...

— Они погибли у ледяных гор, — также тихо сказал Андрэ, — 88 ° 31' сѣверной широты... Еще до полюса... Они не долетѣли до тѣх бѣлых полей, куда теченіе принесло вашу шхуну... Вѣчная память...

Андрэ прочел краткую заупокойную молитву.

— А теперь назад, иначе травы захватят нас...

— Но, капитан, мы подыдем машину на борт, — говорю я твердо.

— Хорошо, если вы хотите.

— И мы исправим ее.

— Кажется, это не трудно.

— Тогда мы... — я не могу говорить, судорога радости стиснула мнѣ зубы.

Сѣдые брови Андрэ косо взлетѣли:

— Тогда вы улетите.

— Да. Мы всѣ.

Он ничего не отвѣтил. Он быстро вбѣжал по лѣсенкѣ в кабинку, мелькнул за рулем.

Его глаза влажно и радостно засіяли.

— Это лучше воздушнаго шара, моего дряхлаго слона.. Это прекрасно.

— Пилотом будете вы, капитан.

Андрэ засмѣялся:

— Посмотрим.. Но скорѣе за работу.

Как мы звали Ван-Киркена...

Мы придумывали сотни ласковых имен, умоляли, выкрикивали ругательства, ярые проклятія, я даже стрѣлял...

Но Ван-Киркен исчез.

Втроем мы втянули машину к нам на корабль.

С инструментами, клещами, отвертками, измазанный машинным маслом, я лазал по аппарату. Работа так поглотила меня, что я забыл все.

В баках был бензин — если я успею собрать машину, если я успею...

Юнгайя не отходит от меня. Она мнѣ мѣшает.

— Да не мѣшай ты! — прикрикнул я на нее.

Дѣвушка протянула ко мнѣ руки, она зовет...

В ее голосѣ — тревога, — глаза полны слез.. Что-то недоброе.

Я выбрался из аппарата. Дѣвушка тянет меня за рукав к лабораторіи Андрѣ.

Не сразу я увидѣл капитана. Он лежал во весь рост, лицом к полу. Сухія плечи колебалось тяжелое дыханье.

Кругом разбросаны книги, разбитые микроскопы, осколки приборов, обрывки...

Я опустился на колѣни.

— Вам дурно... Вы больны?

— Оставьте меня.

Андрѣ сѣл на пол, по турецки. Его глаза горячо блистают. Сѣдые волосы прядями падают на измученное лицо.

— Капитан, что случилось?

— Он — он... Все разбил, все растоптал... Ненависть, бѣшенство уничтожили работу долгих лѣт...

— Ван-Киркен?

— Да.. Он словно отомстил за свое пробужденіе... Все потеряно... Но я найду, найду...

— Конечно, найдете, — говорю я. — И потом мы все равно...

— Полетим?

— Я исправлю машину.

Погасшій старческій взгляд равнодушно скользнул по мнѣ.

— Хорошо... полетим...

Его бѣлая голова трясется. Я теперь вижу тысячи мелких морщин, паутина дряхлости, темными тропинками пересекают его лицо...

Я говорю ему о полетѣ, о провіантѣ, о маршрутѣ. Мы вмѣстѣ разсматриваем арктическую карту, которую я отыскал у него на полках.

— Подумайте, вы увидите землю... Как она измѣнилась за эти тридцать лѣт...

— Да, да, — покорно качает он сѣдой головой.

— Голоса живых, птицы, смѣх, улицы, смѣны ночи и дня... Мы увидим разсвѣт, дождь промочит нас до нитки... Ваши старые, сѣдые друзья — они еще живы — встрѣтят вас.

— Да, да...

— Я знаю, я вѣрю, мы долетим до людей... Ободритесь капитан...

И я спѣшу к аппарату. Ионги не отходит от меня. Крыса бѣгает за ней, как котенок, а курица сидит у нея на плечѣ.

От голода и усталости глаза дѣвушки, как черные факелы...

Ионги, Ионги, полунѣмая дѣвушка из льдов...

Послѣдняя гайка ввинчена...

По крылу аэроплана сползаю к рулю. Дрожат тросы.

Вдруг свистнуло что-то у головы. Широкий нож вонзился в обшивку кабинки. Я узнаю это широкое, старинное лезвіе... Ван-Киркен.

Он здѣсь, на кораблѣ, он слѣдит, охотится за нами... Все равно. Машина собрана.

На мѣдных моторах скользящій блеск: они смѣются мнѣ багряной улыбкой. Сердце колотится как горячій кулак. Я нагибаюсь к пропеллерам... Пальба, свист оглушает меня. Вѣтер вздул волосы:

— Ионги, берегись, Ионги.

Радостный гром канонады, салют освобожденія: машина в порядкѣ.

Пот, слезы, грязь текут у меня по лицу. Я глотаю слезы и хохочу, хохочу...

Вихрем проносятся скользящія, коричневые лопасти пропеллера — завертѣлось колесо надежды.

— Ионги! — мѣха, карты, воды, хлѣба.. Н-е-е-си...

Вдалекѣ, вдоль стѣны какут пробѣжал Ван-Киркен. Волчье, темное тѣло, со впалым животом, обмотанным тряпками. В зрачках желчь, смѣшанная с кровью...

Желѣзная балка просвистѣла мимо меня, со звоном разбила стекло в кабинкѣ.

Я прыгнул с машины. Запустил в матроса стамеской... Он скрылся.

В два прыжка я был у лабораторіи Андрѣ. Он вышел мнѣ навстрѣчу. Мы столкнулись.

Капитан обмотан мѣдными проволоками, его руки, его голова трясутся.

— Капитан, машина готова.

— Я нашел провод.

Он не слышит, он быстро проковылял мимо.

— Ионги! — зову я. — Хлѣба, воды, карты.

Она несет. Она вынырнула из пожелтѣвшаго поля, которое я так и не скосил. Жатвы мы не дождемся. Мы увидим другія поля, мы увидим мокрых грачей, телеграфные столбы... Ласточки... Радость... Земля...

Я смѣюсь, я плачу. Ионги помогает мнѣ сваливать в кабинку провіант. Она тоже смѣется и плачет... Ионги, Ионги полунѣмая...

Но гдѣ капитан?

— Капитан! капитан! — я соскакиваю, бѣгу в лабораторію. Толкаю желѣзную дверь...

— Капитан, откуда свѣтъ?

Андрѣ повернул ко мнѣ голову. Его сухое лицо ярко озарено.

— Иллюминація снова в порядкѣ, — говорит он.

Его волосы бѣлой бурей подняты над головой.

— Но машина исправлена, капитан. Пора в дорогу...

Андрэ встает опираясь на стол. Он незнает: его дряхлость исчезла. Что-то гордое и что-то стремительное в поворотѣ головы. Что-то непобѣдимое в стиснутых губах, в том, как твердо прижаты к столу смуглыя, крѣпкія ладони... Он усмѣхается:

— Я остаюсь.

— Вы шутите не во-время, капитан.

— Нѣтъ, я остаюсь...

Эта покойная улыбка, эта гордая бѣлая голова, это старческое лицо, озаренное сильным пылаіем ламп, на миг бѣсят меня.

— Тогда я возьму вас силой...

Сжав кулаки я иду на него.

— Остановитесь, выслушайте... — капитан отстраняет меня рукой.

— Хорошо, я буду слушать... Но бензин выгорает... Скорѣе.

— Ван-Киркен уничтожил все... Мнѣ удалось возстановить... И я двинулся дальше. Я очень близок к концу.

— К какому концу? Я моряк и в ваших ученых изслѣдованіях ничего не понимаю... Торопитесь... Бензин выгорает...

— Я буду говорить просто... Тут на кораблѣ два холма, могилы Стринберга и Френкеля... В них колышятся и дышат мои товарищи... Их тѣла растеклись по растительным клѣткам, по неисчислимым волокнам... Они превращены в травы, но я огородил их, я знаю гдѣ они... А зеленое ущелье, громадные шиповники, папоротники, водоросли, влажныя трясины... А смутный рассказ Іонги... А Ван-Киркен, обросшій мхами как жаба.. А травы, которыя без усталы идут на приступ... Поймите, весь этот Зеленый Остров кишит тысячами душ... Когда-то здѣсь была человѣческая жизнь. Но растенія побѣдили... Может быть, тот ледяной город у Золотого Пика послѣдній слѣд человѣка. Травы стерли тут человѣческую жизнь, она растеклась по миллионам нитей-волокон, напоила корни, согнулась в узлы зеленых вѣтвей... Но кругом нас — люди, живые люди, превращенные в травы — и в ущельи, на кораблях, в трясилах — души героев, вождей, воинов, жрецов — слышите, они колышятся, шумят...

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что смерти нѣтъ, что Стринберг и Френкель живы... Годы бродил я тут один с этой мыслью... Я многое нашел. Вы видѣли, что я разгадал сон льда, побѣдил замерзаніе. Но это открытіе меня не утѣшало... Я искал и я скоро найду обратный путь от травы к человѣку, от смерти к жизни. Тогда в тѣх двух могилах я снова найду товарищей... Как замерзшіе проснулись в моих конденсаторах, так и они сольются и встанут в моих цинковых формах... Я уже знаю систему температур и пульсацій, вызывающих живое дыханье... Будет

день, когда из темной лабораторіи выйдут на солнце мои товарищи, засмѣются протирая глаза, и скажут: — Андрэ, как долго мы спали без снов. Почему ты не будил нас...

— Безуміе! — крикнул я, закрывая ладонями лицо, точно защищаясь от призраков.

— Нѣт!

Лицо капитана в пыланіи ламп, запавшее, изсѣченное морщинами, с пустынным огнем остановившихся глаз — ужасно и величественно дрогнуло, точно от удара молніи.

— Нѣт, не безуміе. Будет так. Будет.

И тогда донесся подавленный вопль. Я задрожал: это голос Юнгайи.

Мы оба бросились из каюты...

У лѣстницы в трюм мы наткнулись на комья сѣрых куриных перьев в крови. Слѣд, слѣд...

По лѣстницам, гдѣ мѣдные поручни сверчены в жгуты, я сбѣжал в глубину темных колодез-трюмов. Андрэ отстал...

Пробоина в борту.. Края заросли косматым крапивником, точно из воздушного грота видна зеленоватая мутная даль острова.

В косых столбах свѣта из пробоины, как миллионы ржавых игл, кружатся сѣмена трав...

Тут на желѣзном полу, дорожкой красных монеток, замелькали капли крови.

Слѣд, слѣд...

И у трюма я наткнулся на Математика.

Крыса лежала на спинѣ, с подогнутыми в сухія горсточки лапками. Шерсть сбилась на животѣ от сгустков крови. Голова разможжена.

Ярость затрясла меня.

Сжимая парабеллум, я крался в трюмы.

Из-под босой ступни осыпался песок, шуршали вороха свисающих водорослей...

Тьма трюмов, пасти желѣзных пещер... Стѣны сочат влажную плѣсень... На желѣзный пол, мнѣ на голову, каплет противная, теплая слизь, травяная жижа.

Я крадусь между бочек, ящиков, обросших мхом, давно превращенных в мягкіе скаты, курганы...

Внезапно во тьмѣ подо мной мигнул красноватый туман огня...

По отвѣсным ступенькам я неслышно соскользнул вниз. Повис...

Подо мной у костра стоит Ван-Киркен. Его морщинистое темное лицо с запавшими глазницами, почернѣвшее от копоти и дыма, — наклонено над Юнги... Она связана, рот забит куском черного сукна.

Обглоданное крыло тлѣет на угольях.

Я прыгнул, рукояткой ударил голландца по головѣ.

— Вор, убійца!

Он поднялся — мы вцѣпились, мы покатались, грохоча, по желѣзному полу, он отбросил меня. Поднялся оскаленный, черный от копоти...

— Не подходи! — я навел парабеллум. — Или, клянусь Богом, я уложу тебя...

— Пистоль... У гипербореев пистоль, — пробормотал голландец. Его зубы залязгали.

— Ван-Киркен, за что ты убил мою птицу, — отвѣчай!

— Господин, пощади... Мнѣ хотѣлось ѣсть...

— А крысу?

— Проклятая бросилась на меня, когда я подхватил курицу. Я только отбивался от укусов.

— И ты украл дѣвushку... Ты негодяй и звѣрь, Ван-Киркен.

Он пополз ко мнѣ с хриплым визгом:

— Пощади, пощади...

— Ступай прочь, — я оттолкнул его ногой.

Ван-Киркен вдруг подпрыгнул, блеснули желтые бѣлки.

Что-то ударило меня по груди... У него желѣзный болт... Он поднял Ионги на руки... Он бѣжит вверх...

Как я гнался за ним по винтовым лѣстницам, коридорам...

У пролома я наткнулся на Андрѣ.

Он приподнялся, потирая плечо.

— Этот сумасшедшій сбил меня с ног...

На палубѣ в два прыжка я нагнал матроса. Он обернулся, обдав гнилым, горячим дыханьем. Он притиснул Ионги одной рукой к груди, от отбивается — гудит желѣзный болт... Он идет на меня, защищаясь тѣлом Ионги... Куда стрѣлять, куда?

И вдруг, сѣрое облако накрыло и било Ван-Киркена с ног. Чудовищная, когтистая лапа опустила рядом со мной Ионги...

Безмолвный стоит над нами. Согнуты в локтях руки, приросшія к крыльям сотнями жил, подобных вздутым канатам.

Безмолвный держит Ван-Киркена в когтистых лапах. Он близко поднес его к красным зрачкам. Высоко извивается матрос, как черный червь.

Гигантскія руки Безмолвнаго, эти жгуты мускулов, похожих на витые столбы, медленными толчками разгибаются, по воздуху просвистало скорченное, темное тѣло Ван-Киркена.

Безмолвный швырнул его в туманную пропасть, в зеленые трясины — туда, откуда он пришел к нам...

— Скорѣй, на машину! Капитан, скорѣе!

Я несу Ионги, я оглядываюсь. Капитан все еще потирая плечо стоит у дверей лабораторіи.

— Умоляю, капитан, летим...

— Нѣтъ... Я останусь. Я буду работать и ждать товарищей... Передайте мой привѣтъ землѣ.

Он отвернулся, он быстро уходит... Его шаги тверды, треплется халат, вѣтер метет бѣлые волосы, но старчески не сгибаются ноги в стоптанных туфлях...

Загремѣл мотор... Ионги очнулась. Я бережно опустил ее на кожаное кресло в кабинкѣ.

И сквозь гул и перебои мотора, донеслось до меня торжественное дыханіе органа, расплавленные потоки металла. Так прощался с нами Андрѣ.

Я сѣл неподвижно, не мог нажать рычаг руля, слезы текли по лицу...

И тогда руки Ионги охватили мнѣ голову, тонкіе пальцы бились в ужасѣ, я оглянулся...

В окно кабины смотрѣл огромный, красный глаз, — ширился, сжимался... Безмолвный, Мыслитель... Не на меня, на Ионги он смотрит... Я нажал рычаг, машина качнулась, побѣжала по палубѣ...

Замелькали зеленые пятна, бѣлые мостки, стекла какот, — все косо понеслось вниз...

И тогда раскат грома, взрыв рева, затряс машину.

Мы — в воздухѣ.

Палуба скользит, блещет под нами. Там сѣровой горой, опираясь на согнутое крыло лежит Мыслитель...

Громадное лицо поднято, рот движется черной ямой.

Другой громовый раскат настиг нас.

Безмолвный заговорил...

Призыв, отчаянье, мольба, гнѣв — развѣ я знаю, что гремит в его страшном ревѣ, но не меня зовет он, а Ионги, дѣвushку, на которую он смотрѣл может быть тысячелѣтія сквозь лед Саркофага у Золотого Пика.

Я знаю, я знаю, он гонится за Ионги...

Выше. Холодный воздух рвет грудь.

Гром Безмолвнаго глухо роем облака, — это мертвое, клубящее море, над которым несется дрожащей тѣнью моя машина.

Внизу, в клубах сѣдого дыма, горит багровая игла Золотого Пика...

Гудит мой пропеллер, — выше, выше... выше!

Там, в золотистых туманах под нами, мечутся косые, острые паруса-крылья Безмолвных. Небо кипит. Погоня...

Гигантская стая летит тѣсным роем — углом — вожак впереди.

Я знаю — это Мыслитель, он гонится за Ионги...

Пальцы мои коченѣют. Машину рвануло, накренило. Лопнул ремень. Когтистая лапа в голубых канатах жил — накрыла руль.

Из воздушной бездны на меня смотрит Мыслитель. Плещут красные глаза. Его лапа повертывает машину... Дуло моего парабеллума скользит по красному глазу, как по выпуклому корабельному стеклу, я вдавил дуло и пустил заряд за зарядом...

Лапа в корчах сорвалась.

За Игл-Сити, за рѣкой Іокон я бросил нашу замерзшую, распатанную бурями машину.

Мы с Іонги шли в снѣгах. Она скоро выбилась из сил. Я ее нес. Нас подобрала в Игл-Сити...

Да, я принес на Землю нѣмую дѣвушку... Ни движенія, ни звука, ни тѣни человѣческаго слова: одно дыханье и мерцающая глубина глаз. Золотистое смуглое лицо Іонгаи, на котором живут только глаза остывшие тишиной рѣсниц — Лик Вѣчной, Печальной, — мое вдохновеніе, моя жизнь...

А когда я очнулся в госпиталѣ, в Фриско, доктор, — у него лоснящійся, чисто выбритый подбородок и багровая шея, — сказал мнѣ, что та дѣвушка, о которой я говорю, — умерла, что я принес ее мертвой, замерзшей...

А потом он сказал, что никакой дѣвушки не было, что в бреду тифозной горячки я принимал за нее сестру милосердія...

— Вам пора подыматься, парень, — говорил мнѣ доктор. — На казенную койку охотников много...

Я замолчал и отвернулся к стѣнѣ. Я понял, что потерял моего звѣря, мою птицу, мою нѣмую невѣсту, что теперь я один на землѣ.

Когда в конторѣ госпиталя мнѣ выдали сверток помятой, прожженной дезинфекціей, одежды, — я узнал мою матросскую синюю фуфайку, мокасины, мѣховые сапоги, тѣ самые, в которых я вылетѣл с Зеленаго Острова.

Я порылся в карманѣ мѣховой куртки, там должны быть листки, которые мы выбрали в брошенной машинѣ. “Не все потеряно” — подумал я. Поправляясь я читал газеты и не сомнѣвался, что аэроплан, сброшенный на Зеленый Остров Безмолвными, был одним из тѣх, которые оставил во льдах Амундсен...

Но листов не было.

— Скажите, а гдѣ листки? — спросил я конторскаго служителя, рябого парня с золотой пломбой во рту.

— Не знаю о чем вы говорите... Поторопитесь, пожалуйста...

— Да, я готов... Но не скажете ли вы, как я попал в Сан-Франциско?

— Вас привезли с сѣвера... Нашли в снѣгу, на берегу океана... Вѣроятно, вас еще живым выбросило море... Вы, вѣроятно, с китолова... Желаю вам счастья.

Я поблагодарил и ушел. Я знал куда мнѣ ѣхать: — к Амундсену.

У моряков есть добрый обычай: безработнаго товарища всегда пустят на корабль и провезут в трюмѣ и накормят тайком, если ему надо убраться из одного порта в другой...

Дрожащій от слабости, с лихорадочными глазами, блѣдный, с го-

ловой обритой послѣ тифа, я сошел на берег в Осло, в старой Христианіи.

В корабельной конторѣ я узнал, что винтовая шхуна “Святой Маврикій”, капитана Петерсена, пропала без вѣсти со всей командой год назад...

Закатныя сиреневыя облака, по краям — ясное золото, — стояли громадами над сонной вечерней водой, когда я подходил к дому Амундсена.

Дом его у фіорда.

Роальд Амундсен, великій изслѣдователь, в домашней шведской курткѣ, в туфлях, работал в саду. Вы знаете, что он сам ухаживает за цвѣтами.

Я остановился у калитки... Слегка зашуршал гравій. Амундсен подошел ко мнѣ. Вблизи, его морщинистое обритое с глубокими полосами у носа лицо — похоже на простое лицо деревенскаго учителя или капитана парусника...

— Вы матрос? Вы больны? — отрывисто спросил он и поискал мизинцем в жилетном карманѣ, чтобы подать мнѣ монету.

— Капитан, я оттуда, с полюса... Я нашел ваш брошенный аэроплан.

Его высокий, загорѣлый лоб слегка поблѣднѣл. Он посмотрѣл мнѣ твердо и пристально в глаза.

Мы молча вошли в дом.

Он слушал мой разсказ, не разжимая с лица крѣпких рук.

Когда я заговорил об Юнгайи, я заплакал.. Простите, я плачу и теперь.

С жалостью и печалью посмотрѣл на меня Амундсен.

— Хельхейм... Я слышал от шведских моряков эту древнюю легенду викингов о Хельхеймѣ...

Там, за сѣверным полюсом, лежит страна забвенія и смерти, Зеленый Остров безмолвія, куда выносит со всѣх океанов затонувшіе корабли, гдѣ витают души всѣх погибших в морях... Хельхейм, страна сновидѣній, тишина...

— Да, я был там... Я принес вам привѣт от воздухоплателя капитана Андрэ. Он жив.

— Тише, тише, — Амундсен сжал мнѣ руку, — молчите, товарищ... Мнѣ очень жаль вас... Вы видѣли то, чему никто не повѣрит... Нам нельзя говорить о том, что мы видим сквозь мглу льдов и снѣга за полярным кругом... Нам не повѣрят... Пусть лучше думают люди, что мы ищем там только эту бѣлую, мертвую точку на картѣ, этот сѣверный полюс...

Он встал и, пожимая мнѣ руку, повторил:

— Мнѣ очень жаль вас... Прощайте, бѣдный товарищ... Я готовлю новую экспедицію. Вы полетите со мной механиком... Я тоже буду в Хельхеймѣ...

Тогда я поклонился ему и вышел из дома.

Вы видите, я снова играю на окраинѣ в матросском ресторанѣ... Свищу разныя пѣсни вот на этом черном звѣрькѣ, в эти дырочки, обведенныя серебром... Я совершенно один. Амундсен обѣщал взять меня механиком в экспедицію. Но что ж? — я готов... Только никогда, никогда я больше не встрѣчу Ионгайи, нѣмой...

Может быть в 1926 году мы долетим до Зеленаго Острова и вернемся с картами, фотографіями Хельхейма*). И может быть на стальном канатѣ примчим сюда по воздуху одного из плѣнных: Безмолвнаго.

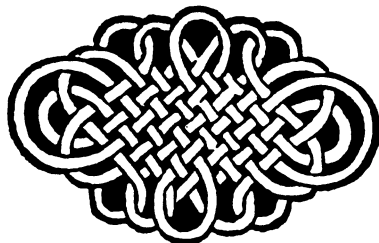
И когда его прохладное, крылатое чучело поставят за стеклянныя витрины музея, — только тогда всѣ люди повѣрят, что есть Страна Сновидѣній, Зеленый Остров...

Но я боюсь, что капитан Андрэ не захочет вернуться оттуда к нам на землю.

Иван Лукаш.

1926 год.

*) Земля Савинкова, о которой пѣли еще викинги: свѣтлый теплый остров, посѣщаемый птицами, названный в тѣ времена Hellheim (свѣтлая страна).

СЕМЕН ОСИПОВИЧ

I.

В том году июль выпал тоскливо-сѣрый, с температурой в десять градусов. Календарь показывал разгар лѣта, а лѣта не было. Ко всему прочему — дожди не выпускали за порог дачной веранды.

Что оставалось дѣлать? Надѣясь на будущіе хорошіе дни, можно было бы торчать в кафе или ресторанѣ. Да только накладно! И потому стал прикидывать: а не вернуться ли в город?

Как-то вот так ежился, слушая перестукиваніе дождя по подоконнику, и до того захотѣлось тепла, что сорвался с дивана, кинулся к хозяйкѣ, притащил ее в свою неуютную комнату и потребовал:

— Приказали бы печку растопить, что ли!

Фрау Вагнер удивленно подняла брови, потом милостиво улыбнулась и сама захопотала. А когда загудѣло в трубѣ, принялась выкладывать теорію погоды, основанную на авторитетѣ бурно-сенсационной газетки “Блитццейтунг”.

Фрау Вагнер уважала печатное слово и преклонялась перед мудростью своей любимой газеты. Помѣщаемыя там замѣтки раскрывали ей не только сущность вчера происшедшаго, но и помогали предугадывать развитіе грядущих событій. Совершенно точно. И потому в мір сенсаций с его убійствами примитивно-скучными и убійствами из ревности, она входила увѣренно, как в знакомый магазин. Встрѣтив же недовѣрчивую улыбку, немедленно хваталась за “Блитццейтунг”.

Фрау Вагнер не особенно терялась, если толкованія и пророчества ея ея сбывались. И потому как-то брошенную мною реплику, что давнее сообщеніе газеты о начальникѣ охраны Кремля, великолѣпно подготовившем план убійства Молотова, оказалось выдумкой, фрау Вагнер разрушила с быстротой ловкаго діалектика:

— А развѣ не мог быть полковник, замышлявшій покушеніе на Молотова? Прямо удивительно, что до сих пор не застрѣлили этого смутьяна, мѣшающаго жить не только в Россіи, но даже вот здѣсь, в этих горах, куда пріѣзжают отдыхать такіе симпатичные господа. Конечно, немножко удивительно, что газета...

Фрау Вагнер посмотрѣла на печку и с удовольствіем воскликнула:

— Вот уже и тепло! А все остальное из-за него. И погода...

— Из-за Молотова?

Оказывается, если бы так хорошо подготовленное, но почему-то не состоявшееся (трудно понять славянскую душу!) покушеніе произошло, то и погода была бы отличной.

— Смѣяться нечего! — разсердилась ффрау Вагнер. — Все вѣрно! Такая погода из-за атомной и водородной бомбы. Об этом было в газетѣ. И о дождѣ. Потому нѣтъ солнца, хотя господа аккуратно платят за комнаты и не отказываются от курортнаго налога даже тогда, когда... А не будь Молотова, никто бы не занимался атомными совѣщаніями и стоимость бандеролей...

— А вы часто посылаете посылки?

— Я? Никогда! Но зачѣм поднимать цѣны?

И в этом случаѣ связь с атомом была доказана. Да и вообще вліяніе атома ффрау Вагнер обнаруживала чуть ли не на каждом шагу.

— Да, да. Добра не жди! Непріятностей тьма. Вот и сына пора женить, и прекрасная дѣвушка есть. С капиталом. А он купил мотоцикл и поѣхал на выставку собак. Зачѣм эти Женевскія и прочія совѣщанія?

Моя улыбка обидѣла хозяйку.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, — сказала она с раздраженіем. — И сидите в комнатах без солнца. Около печки... Ауфвидерзеен!

Но отворив дверь, она вдруг остановилась.

— Знаете что? Тут у нас живет ваш компатріот. Совсѣм старик. Собственную виллу имѣет... Вот и познакомьтесь. Вдвоем-то скучать веселѣй!

Держась за ручку двери, ффрау Вагнер с точностью справочника описала не только внѣшніе признаки виллы, но и доложила, что старик днем, с часу до трех, дремлет, а потом, если солнце, сидит в своем садикѣ или на верандѣ...

2.

Когда погода нѣсколько улучшилась, я вспомнил совѣтъ ффрау Вагнер и ея проницательскія слова: "Вдвоем-то скучать веселѣй!".

Дѣйствительно, почему бы не познакомиться? Мысль была заманчивой. К тому же ффрау Вагнер успѣла передать мнѣ нѣсколько занятных исторій, очень похожих на замѣтки в ея газетѣ. Из этих исторій я узнал, что старик, не будь он русским, мог бы сойти за настоящаго, чистокровнаго нѣмецкаго барона.

Для полноты сходства с бароном нужен и замок. Охотно согласившись с таким моим замѣчаніем, ффрау Вагнер пояснила, что великолѣпная вещь и просто деньги. Каким капиталом владѣл когда-то старик, она не знает, но что он нѣкогда слыл человѣком состоятельным — всѣм извѣстно.

С восторгом вороша прошлое, ффрау Вагнер вспомнила время, когда старик (тогда еще не совсѣм старик, поправила хозяйка) не только много путешествовал, но даже (тут ффрау Вагнер подняла руку) держал повара и вина получал из Франціи...

Здѣсь я должен отмѣтить, что моя хозяйка не любит революцій, уважает твердую валюту и терпѣть не может самозванцев, объявляющих строительство новаго міра по планам то ли нацизма, то ли коммунизма.

Она против таких архитектурных проектов. А если кому невтерпѣж экспериментировать, пожалуйста, только не на нѣмецкой землѣ!

Фрау Вагнер никогда не забудет “Хайль Гитлер”... Гнусное время... Отвратительные годы... Спасибо, что все это уже сдано в историческій музей... Жаль только, что послѣ таких вот экспериментов старик оказался в бѣдности... Только и осталось у него, что вилла, маленький садик да бѣленькая, пушистая собачка. Шпиц...

Это и все... А может быть и не все, добавила фрау Вагнер, потому что к нему через день навѣдывается женщина, убирает комнаты, моет стекла окон и шкафов, присматривает за цвѣтами.

Фрау Вагнер подозревает даже, что эта женщина разыгрывает роль няньки, явно надѣясь получить кое-что в наслѣдство: родных у старика нѣтъ, а лѣтъ ему много...

— Женщины — онѣ такія! — мрачно пояснила фрау Вагнер. — Я их знаю... Учтите...

— А мнѣ чего учитывать? У меня ни виллы, ни капитала, ни собачки! Да и нянька мнѣ пока что не нужна...

— Как хотите! Но предупреждаю...

Послѣ таких зловѣщих слов меня особенно сильно потянуло к этому отшельнику. Сознаюсь, через нѣсколько дней я уже не только изучил виллу и садик, но раза два видѣл и самого старика, сожальѣя, что не подворачивался повод затѣять разговор.

Помогла, как обычно, случайность... Однажды я остановился у низенькой, свѣтлой ограды *его* садика, в котором недавно, может быть только вчера, буйно расцвѣл жасмин. Вам не кажется, что цвѣток жасмина напоминает бѣлоснѣжный мрамор, чьей-то волей превращенный в живую, трогательно задумчивую улыбку? А я вот об этом подумал *тогда*, и вдруг, слѣва от себя, увидѣл старика. Владѣльца виллы.

Нѣсколько смущенный, я пустился в объясненія... Прошу, дескать, великодушно извинить... К тому же, дескать, мы дѣти одной родины... Вы — одиноки... Я — одинок... И так далѣе... Что я еще говорил, теперь уже не помню, но свою импровизацію закончил, примѣрно, так:

— Считаю долгом предупредить, что как только вы повернетесь ко мнѣ спиной, я приму вид равнодушнаго пѣшехода, не покушавшагося завязать знакомство...

Старик снял очки. Оцѣнивающим взглядом он посмотрѣл мнѣ в лицо и с улыбкой произнес:

— Кажется, у Марка Твена: “Слухи о моей смерти преувеличены”. И тут то же: слухи о моей мрачности не вполне достовѣрны. Поэтому, сдѣлайте два десятка шагов, войдите вон в ту калитку и, не

пугаясь шумного возмущенія Бѣлки, моего шпнца, двигайтесь сюда...

Я с благодарностью воспользовался приглашеніем. Не успѣлъ я затворить за собой калитку, как ко мнѣ со звонким, прямо-таки серебряным лаем несясь снѣжно-мохнатый клубок. Памятуя совѣтъ хозяина, я двигался спокойно, и уже через минуту Бѣлка вертѣлась рядом, подскакивала, игрушечными лапками наступала на мои ботинки, явно требуя обратить на нее вниманіе.

Она добилаь своего. Наклонившись, я взял Бѣлку на руки и с пей подошел к хозяину.

— Мнѣ кажется, — сказал он, — мы с вами можем стать друзьями...

— Искреннее спасибо, — отвѣтил я. — Хотя еще не понимаю...

— Она вас отрекомендовала... Она у меня... фیزیонмист, что ли. Не знаю. Но ее не проведешь. Если она, моя Бѣлка, к кому-то с предубѣжденіем, то... Вас это может удивить, но... но к тому человѣку и я с холодком подхожу...

Было ясно, что старик очень привязан к своей Бѣлкѣ. Понятны, потому, были и его теплыя и нѣсколько торжественныя слова, кому нибудь даже смѣшныя. Но только не мнѣ. Эти слова взволновали меня, заставили сказать, что я, в далеком прошлом, был... ну, был человѣком, котораго понимали и с которым дружили собаки и лошади...

— Может быть... Все может быть... А Бѣлка моя... она у меня особенная, — задумчиво произнес старик...

3.

Так завязалось это знакомство, которое, как вы узнаете потом, имѣло самое непосредственное отношеніе к моей дальнѣйшей судьбѣ, перенесшей меня вот в этот домик, или виллу, как здѣсь говорят.

Нѣсколько слов об этом городкѣ. Почти цѣликом его можно обозрѣть из окон. Курорт? Так утверждают. Но тут нѣтъ никаких источников, нѣтъ специальных лечебниц. Я даже сомнѣваюсь, есть ли здѣсь хоть один путевый врач, потому что, это легко замѣтить, аборигены народ крѣпкій и здоровый, а стремящіеся сюда — больны развѣ только тоской по воздуху, освобожденному от копоти и пыли, и по тишинѣ в старом сосновом лѣсу, покрывающем эти невысокія горы.

И еще одна особенность этого дачно-курортнаго мѣста. Слѣзжаются сюда пожилые люди с нѣсколько задумчивыми глазами. Потому и поставлено здѣсь все серьезно, без мишуры и повизгивающих оркестров, хотя деньги, представьте себѣ, деньги нужны и тут. А когда их мало, онѣ обладают удивительной способностью исчезать незамѣтно. Я это испытал на себѣ. Даже привык к тому, что кошелек не позволяет мнѣ

задерживаться тут больше трех-четырех недѣль. Но вот на этот раз, когда пришла пора прощаться с этими горами, я искренне огорчился: знакомство с владѣльцем виллы только-только состоялось и... нѣтъ, уѣзжать мнѣ не хотѣлось.

Сознаюсь: старик меня взял в плѣн с перваго же дня. Но какой это был плѣн! Бѣжать из него я не помышлялъ, но как-то пересчитав свой капитал, установив, что он лишь чуть-чуть больше стоимости железнодорожнаго билета, я горестно вздохнул и... и не буду теперь излагать свои тогдашнія мрачныя мысли, хотя бы потому, что герой моего повѣствованія не я, а он, этот старик, владѣлец виллы.

Он уже давно нашел упокоеніе в чужой землѣ. Близких у него не осталось, а это и позволяет мнѣ, в мѣру моих способностей, рассказать о нем, о человѣкѣ непростой судьбы, человѣкѣ... прошу вас, не улыбайтесь, я говорю серьезно о человѣкѣ, в руках котораго была если не *тайна*, то нѣчто вродѣ *ключа* к тайнѣ, нѣчто такое, чему мнѣ хочется вѣрить и чему я не могу до конца повѣрить. Парадокс? Но об этом позже. Постепенно. Начав с того, что случай столкнул меня с Семеном Осиповичем Нар-Чуржанским, владѣльцем виллы, уже стариком в тѣ годы, когда я с ним познакомился...

Да, он — из тѣх Чуржанских, в литовско-татарскую кровь которых, во времена ли Грознаго или нѣсколько позднѣе, добавилась русская боярская кровь, заодно создав и эту двойную фамилію.

Но это между прочим. О древности рода, о семейных преданіях Семена Осиповича вспоминалъ рѣдко, да это к моему разсказу и не имѣет отношенія.

Так вот. Этот потомок литовско-татарско-русской крови за нѣсколько лѣтъ до Первой міровой войны вынужден был замѣнить мундир кирасира штатским костюмом... Шерше ла фам... Хотя много времени с тѣх пор прошло, хоть все уже было под обломками имперіи, но есть вещи, о которых благовоспитанные люди молчат. И потому этих страниц своей жизни Семен Осипович не тревожил. Их как-будто и не было, хотя отсутствіе цѣлой главы в біографіи ощущалось очень явственно. Но это — замѣчаніе попутное, так, вродѣ напоминанія, что цензор существует не только в системѣ строгой власти. В каждом из нас должен быть свой и для себя цензор. Незримый цензор и был вѣчным соучастником наших вечерних бесѣд, ровных, спокойных и очень тихих. А начинались онѣ, обычно, так. Семен Осипович приносил папки с рисунками. Со свѣтлой грустью разсматривал он их, потом, задумчиво, тот или другой передавал мнѣ. И при этом одна, рѣдко двѣ фразы. Так, видимо, говорят о дорогих, уже ушедших из жизни людях...

Он не был художником, Семен Осипович. Это был талантливый диллетант, весьма сильный в портретах и жанровых набросках. На отдѣльных рисунках, на альбомных листах — даты и лаконичныя пометки, похожія на строчки из дневника...

Как сейчас вижу Семена Осиповича... Он берет рисунок, смотрит...

Но как смотрит? В тѣ минуты мнѣ казалось, что он обо всем забывает. И обо мнѣ. И о Бѣлкѣ. Должно быть, и о самом себѣ...

Чего там не было в этих набросках? Вязьма и Париж. Мурманск и Лондон. Порт Артур и Константинополь. Олени и экспрессы. Пароходы и телѣги. Собачьи упряжки и кони чистых кровей... Правда, не было в его альбомах самолетов: в то время они только-только учились отрываться от земли.

Семен Осипович говорил вродѣ бы не о себѣ, а о своем двойникѣ, много видѣвшем и много пережившем.

Слушая Семена Осиповича, я думал: так нѣкогда рассказывали древніе лѣтописцы, для которых прошлое смотрѣлось настоящим, и в этом настоящем исторія куда-то в тѣнь отодвигала самого повѣствователя...

Но я нѣсколько увлекся и забѣжал вперед: к таким выводам я пришел позже... Много позже... А в тот момент, о котором я вспоминаю, мнѣ приходилось покидать Семена Осиповича послѣ только что состоявшегося знакомства!

Тяжело было думать, что я, быть может, не услышу больше его бесѣд, как бы вырванных из большой книги воспоминаній, написанной мастером...

Когда все уже было готово к отъѣзду, я пошел прощаться... С первых слов сказать Семену Осиповичу, что это мое послѣднее посѣщеніе, я не смог. Промолчал, обманывая самого себя, что впереди еще много, много часов.

И мы, словно не было ночного поѣзда, который увезет меня в город, совсѣм обычно усѣлись в кресла. Семен Осипович начал рассказ о песках Большой Орды, а я с напряженіем слѣдил за часовой стрѣлкой, которая, так мнѣ казалось, стала двигаться не по-обычному быстро, незамѣтно перечеркнула “девять” и устремила къ “десяти”. Странное что-то творилось со мною...

Ровно в десять я поднялся, протянул руку и сказал, что уѣзжаю в город, уѣзжаю с чувством благодарности за вечера, проведенные вот здѣсь, в этом домикѣ, к которому так близко подобрался старый сосновый лѣс.

— Уѣзжаете? — удивился Семен Осипович. — Что за нужда? Погода отличная. Почему бы не остаться еще на недѣлку-другую?

Какіе я выставил доводы, сейчас не помню, но, понятно, я промолчал, что все дѣло в кошелькѣ... То-есть — в пустом кошелькѣ... При этом я с горьким сожалѣніем подумал о печальной необходимости на шестом десяткѣ лѣт заботиться о случайных заработках. Как будто угадав мои мысли, Семен Осипович сказал:

— Знаете что? Когда у вас выпадут свободные дни, пріѣзжайте... Посидим, стариннѣ косточки перемоем... Пріѣзжайте просто так, прямо ко мнѣ. Я вам отведу мой кабинет, и вы будете избавлены от скучной необходимости думать о пансіонѣ. Идет?

4.

Зимы тут настоящей нѣтъ. Так, слякоть. И только когда в городок врывается заснѣженный автомобиль — узнаешь, что там, в горах, зима...

В такое слякотное время я и поѣхал к Семену Осиповичу... Провел у него нѣсколько дней и, уѣзжая, дал слово в самом ближайшем будущем опять навѣстить его уютный домик.

Обѣщать я обѣщал, но дальше все очень нескладно получалось, а если говорить откровенно — не было денег. А тут пришло письмо от Семена Осиповича с коротеньким: “Жду”.

В отвѣтъ я написал что-то очень извиняющееся, путаное, вродѣ каких-то особых, чрезвычайно важных обстоятельств, которые не позволяют мнѣ покинуть город.

И вдруг прибывает заказное... В нем — нѣсколько довольно крупных кредитных билетов... Семен Осипович Христом Богом закликает разыскать и купить для него такія-то и такія книги и привезти их без промедленія. И тут же приписка: “У вас, думается, туговато с деньгами. Остаток суммы, пожалуйста, оставьте, как кредит до лучших времен”...

Пошнырял я по магазинам достаточно и, наконец, у букиниста нашел что нужно...

Семен Осипович встрѣтил меня упреком:

— Почему так поздно? Ждал к обѣду, а теперь, смотрите, уже ночь. Вижу, по глазам вижу, что начнете оправдываться. Да только не надо. Спасибо, что приѣхали, но обѣд — завтра... Поголодайте...

Голодать, конечно, не пришлось. Послѣ отличного, легкого ужина, около полуночи, мы разошлись по своим комнатам.

Так уж повелось, что постель мнѣ устраивалась в библиотекѣ. Здѣсь, кромѣ дивана, было лишь три кресла и небольшой письменный стол. По моим наблюденіям, почти половину полок в них занимали французскія, нѣмецкія и англійскія книги.

Хотя это к дѣлу не относится, но сейчас мнѣ почему-то вспомнился шутливый рассказ Семена Осиповича о том, как и почему он изучил англійскій.

Однажды в обществѣ завязался разговор об Америкѣ и Семен Осипович, когда кто-то упомянул Лонгфелло, процитировал по-русски нѣсколько строчек из “Гайоваты”. Присутствовавшій при этом профессор, сердито хмурясь, поправил его и буркнул:

— Чтобы понять прелесть “Гайоваты”, надо читать в подлинникъ...

Семен Осипович взглянул на сѣдины знатока западной литературы и промолчал. Но не думайте, что он забыл о пренебрежительном замѣчаніи старика-профессора. Сам по себѣ пустячный, этот эпизод за-

ставил Семена Осиповича прилежнѣйше изучать англійскій, чтобъ “понять прелесть Гайоваты”.

Уже постигнувъ тонкость разговорнаго языка, уже увѣренно пускаясь в плаваніе по страницамъ мозаичнаго Оскара Уайльда, Семен Осиповичъ не прикасался къ Лонгфелло. А когда прошло еще два-три года и когда Семен Осиповичъ самъ себѣ разрѣшилъ взяться за “Гайовату”, ему уже ничего не оставалось сдѣлать, какъ глубоко вздохнуть: профессор-старикъ умеръ и нѣкому было сказать о силѣ русскаго поэтическаго слова...

Я опять отвлекся. И это потому, что весь Семен Осиповичъ — это удивительный, многогранно талантливый и вѣчный диллетантъ. Подходя нарисовать его портретъ — нельзя... и потому возвращаюсь къ тому времени, когда я, приѣхавъ къ Семену Осиповичу съ купленными для него книгами, остался въ бібліотекѣ. Один. Передъ приготовленной на диванѣ постелью.

У меня масса дурныхъ привычекъ, и самая безобидная изъ нихъ — это потребность передъ сномъ выкурить папиросу, шагая изъ угла въ уголъ. И въ тотъ разъ — курю, хожу и поглядываю на книжные шкафы. И вдругъ останавливаюсь въ недоумѣніи: изъ-за стекла глядятся пять томовъ нѣмецкой философіи. Что такое? Сомнѣніи нѣтъ: точно такіе, которые я нѣсколько дней разыскивалъ и по магазинамъ и у букинистовъ. Но мнѣ не хочется вѣрить! И потому что я отказываюсь вѣрить, я отворяю дверцы шкафа и вынимаю книгу за книгой. Все совпадаетъ! Даже цвѣтъ переплетовъ и одинъ и тотъ же годъ изданія. Разница лишь въ томъ, что на привезенныхъ мною томахъ явный отпечатокъ и времени, и неряшливости владѣльца...

Теперь все понятно... Вотъ, говорю я себѣ, вотъ вы какой, Семен Осиповичъ. Подъ видомъ покупки якобы нужныхъ вамъ книгъ, вы всучаете кредит, а я... я везу вамъ то, что уже давнымъ-давно стоитъ въ шкафу вашей бібліотеки...

5.

Этотъ эпизодъ не помѣшалъ мнѣ уснуть, но на слѣдующее утро я попробовалъ было попрекнуть имъ хозяина виллы. Вы думаете, онъ смутился? Ничуть. Онъ пустился убѣждать меня, что хотѣлъ получить совсѣмъ не тѣ книги, которыя я доставилъ, а какія-то другія, но въ письмѣ...

— Понимаю, — остановилъ я его. — Въ письмѣ, по разсѣянности...

— Совершенно вѣрно, именно по проклятой разсѣянности, хотя... — тутъ Семен Осиповичъ развелъ руками и улыбнулся: — Позвольте признаться: опростоволохился! А когда вспомнилъ, что въ моемъ шкафу пять томовъ — родные братья томамъ, привезеннымъ вами, то замечать слѣды уже было поздно. Понадѣявшись на русское авось, рѣшилъ:

сойдет! Кто же мог предполагать, что послѣ дороги, послѣ поѣзда вы будете бродить поздней ночью по библиотекѣ и разглядывать корешки книг...

Вот вам и еще одна черточка к портрету Семена Осиповича... А вообще — тот пустячный эпизод с философскими томами имѣет непосредственное отношеніе ко всему дальнѣйшему, а еще проще — к моей жизни. Но об этом — потом. Пока что напомним, что все, рассказываемое Семеном Осиповичем — это не стенограмма. Были паузы, подчас очень длительныя, в нѣсколько недѣль. Но стоило мнѣ опять появиться у него, он каждый раз приступал к продолженію своего рассказа как-то по-новому, ничуть не заботясь, что связи с предыдущим нѣтъ. Я к этому скоро привык, как привыкает, видимо, человек по отрывочным фразам разгадывать сущность уже закончившагося происшествія. И потому не удивился, когда он однажды, прямо-таки ни с того, ни с сего, принялся рассуждать о самой прозаической нуждѣ.

— Гнусная штука, — говорил Семен Осипович, — оказаться без средств. Я это ой-как испытал, и поэтому... Нѣтъ, не поэтому, а потому понимаю, как доходит человек до чорт знает какого состоянія. Так что гамсунскій “Голод” вполне правдивая книга, и отрицать это могут только блаженненькіе, тихо прожившіе жизнь... Да что там Гамсун! У нас есть свой отечественный образ — Раскольников!

Семен Осипович умѣл рассказывать с таким вдохновеніем, что невольно думалось: он обращается не ко мнѣ, его единственному слушателю, а к своему прошлому, к тѣм, кто жил в этом прошлом. То, уже давно ушедшее, он восстанавливал с таким мастерством, что я как будто чувствовал и себя сопричастным “к дѣлам давно минувших дней”...

— Послѣ голода в неволѣ, — продолжал Семен Осипович, — я освободился от неволи, чтобы оказаться в положеніи, хуже котораго и вообразить нельзя! В самом дѣлѣ, что может быть гаже: знать, что у тебя хорошій рост, прекрасно работающія легкія и... и не имѣть... Иронизирую: хлѣба и зрѣлиц! Я не имѣл хлѣба, а зрѣлица — в преизбыткѣ, ежеминутныя, на любой вкус... Вот он, играя селезенкой, мчится рысак, с легкостью балерины отрывающій подковы от торца... Вот дамы, в ушах которых переливаются брилліанты только для того, чтоб подчеркнуть изгиб шеи... А зеркальныя витрины магазинов? Развѣ это не зрѣлище? А рестораны? Не обонаніем, всѣми порами своего тѣла я воспринимал запахи чахохбили, бифштексов, куропаток, запахи — струившіеся неизвѣстно откуда... Если я останавливался перед меню у входа в ресторан, сразу начинала кружиться голова и приходилось прислоняться к стѣнѣ. Когда прекращалось головокруженіе, я кривил губы и думал, что повар Максим, перебивавшій сюда из московскаго Яра, обманывает публику, скрывает самое лучшее, что есть на свѣтѣ: борщ и кусок мяса в нем. Да, самое замѣ-

чательное — это борщ и кусок мяса. О-о, шептали мои пересохшія губы, я когда нибудь устрою пир, разрѣшу себѣ такую роскошь: борщ... Ну, да, смѣялся я над собой, об этом можно мечтать. Сегодня, сейчас бы, здѣсь — кусок бы хлѣба! Если бы имѣть этот кусок хлѣба...

Семен Осипович закурил и передернул плечами.

— Да, вот этот парад брилліантов, эта торопливая смѣна зрѣлищ на Крещатикѣ, эти...

— Как? — с удивленіем воскликнул я. — Кіевскій Крещатик? Когда?

— Да, в Кіевѣ, — отвѣтил Семен Осипович. — В Кіевѣ, при совѣтской власти, во время новой экономической политики, когда золото заструилось и так называемыя банкноты выглядѣли очень внушительно, а чисто русское названіе *червонцы* таило в себѣ чистѣйшій звон благороднаго металла...

Семен Осипович остановился, задумчиво разгладил указательными пальцами брови и спросил:

— А почему вы с таким удивленіем воскликнули: “В Кіевѣ?” Вы что, Кіев знаете?

Кіев! Боже мой! Еще бы не знать... Я жил в нем тогда, в то самое время, о котором рассказывал Семен Осипович.

— Вот как! Что ж... Может быть в тѣ дни я проходил мимо вашей квартиры...

— Это не могу знать, — отвѣтил я. — Рѣшайте сами. Мой тогдашній адрес: Столыпинская, 40, хотя эта улица совѣтской властью в ту пору уже была переименована в улицу “имени Гершуни”...

— Столыпинская... Да... А скажите, — вдруг спросил Семен Осипович, — если бы я, тогда, в только что начавшіеся неповскіе годы, зашел во двор дома номер 40, оказался бы перед дверью вашей квартиры... позволили бы мнѣ перешагнуть порог?

Мнѣ пришлось задуматься, а когда я уже было собрался отвѣтить, Семен Осипович поднял руку и сказал:

— Спасибо, и знаете за что? За то, что не поспѣшили вы отвѣтом, не бросили торопливо деликатное “Да”... Столыпинская? Что ж. Она входила в мой обычный маршрут. Как-то двигаясь по этому маршруту, уже на углу Фундуклеевской, около сада-ресторана Аскинази, я читал мутнѣющими глазами меню кавказских блюд и... и почувствовал, что кто-то тронул мой локоть...

Семен Осипович замолчал.

“Вот оно, таинственное развитіе сюжета, в который входит новое дѣйствующее лицо”, — подумал я, превратившись в само вниманіе. Но в этот миг раздался легкій стук в дверь, и та самая нѣмка, якобы гадѣющаяся на какое-то наслѣдство послѣ Семена Осиповича, пригласила нас к обѣду...

6.

Надо ли говорить, с каким нетерпѣніем хотѣл я услышать продолженіе разсказа? Но Семен Осипович был вѣрен своим привычкам и сразу же послѣ обѣда отправился отдыхать. А я... я вертѣлся на своем диванѣ, поглядывая на часы: так я торопил время...

Семен Осипович вошел ко мнѣ в библіотеку, как обычно, с коньяком на подносѣ, хотя пил он очень мало. Его порція — двѣ рюмки Дижардена, смѣшаннаго с напитком, прочно обосновавшимся в Европѣ: с Кока-Колой...

Глотнув смѣси, Семен Осипович закурил и сказал:

— Вот, ничего мнѣ больше и не надобно... Тихо... Спокойно... Все в прошлом... Вы у меня гостем. Мнѣ пріятно слушать ваши воспоминанія о той Россіи, которой уже нѣтъ, которая для меня давным-давно стала исторіей...

— Семен Осипович, — попросил я. — Может быть продолжите ваш давешній разсказ?

— Разсказ? О чем это?

— Ну, с того мѣста, как нѣкто тронул ваш локоть в разгар совѣтскаго Нэпа, у шикарнаго ресторана Аскинази, в том Кіевѣ, который нѣкогда величали “первопрестольным градом”...

— А что ж, — согласился Семен Осипович. — Можно. Но прежде позвольте задать вам один деликатный вопрос. Найдете нужным отвѣтить, хорошо. Почтете пустяком, промолчите... Идет?

— Идет...

— Намного вы богаче церковной крысы?

Что мнѣ было дѣлать? Разсмѣявшись, признался:

— Не так уж много...

— Правильно, — с нѣкоторым удовольствіем произнес Семен Осипович. — Отлично. Легче объясняться... Так вот: деньги... Очень удобная штука: в небольшом бумажникѣ у вас и квартира, и купе экспреса, и каюта трансатлантическаго парохода... Это когда есть деньги... А вот в то время, в Кіевѣ, около ресторана Аскинази, деньги мнѣ казались бессмыслицей, и симпатіи мои склонялись к эпохѣ, когда люди выходили из своих пещер с копьями, наконечниками которых являлись прекрасные, острые осколки кремня... Потом эти лирическія мечтанія обернулись спазмой в желудкѣ, и мнѣ захотѣлось ворваться в эпоху коммунизма, узрѣть сѣдовласаго Карла Маркса, стоящаго у великолѣпно оборудованнаго питательнаго пункта и зазывающаго прохожих провѣдать ростбиф а ла Энгельс.

Сопоставленіе этих двух химер очень скоро закончилось побѣдой первой, то-есть признаніем преимуществ кремневаго наконечника и пещер, в которыя стремительно несется человѣчество, так и не извѣдав прелестей жизни по потребностям... Именно в этот момент, когда я

умилялся легкомыслием и беззаботностью наших далеких предков, умудрявшихся обходиться без монетного двора, я и почувствовал прикосновение чьей-то руки... И оглянувшись, рядом с собой увидѣл прилично одѣтаго господина или, как тогда обычно говорили, *гражданина*... Вѣдь был Нэп в его расцвѣтѣ, разгулѣ, размахѣ... Слово *товарищ* времен военного коммунизма умерло... В общественных мѣстах обходились, при встрѣчах, обращеніем *гражданин*, а в почтовых адресах ловко сокращали “гражданина” до одной буквы “Г” с точкой рядом. Что скрывается за этим сокращеніем, об этом мало кто думал. К атрибутам военного коммунизма уже относились с легкой ироніей, и о них вспоминали только в остроумных анекдотах, на что великіе мастера были, к слову сказать, партійные журналисты и писатели...

Этот прилично одѣтый “Г” ожидающе смотрѣл мнѣ в лицо. Я тоже внимательно разглядывал его, хотя, признаться, с нѣкоторым изумленіем. Да, что-то знакомое было в слегка вздернутой лѣвой брови, но когда, гдѣ я видѣл эту бровь — ускользало. Пытаясь заставить память помочь мнѣ, я слегка приподнял плечи. То ли копируя мое движеніе, то ли безразлично отгораживаясь от меня, стоящій рядом тоже шевельнул плечами и тихо спросил:

— Только один вопрос: вам ничего не говорит такое сочетаніе звуков: “Нар-Чуржанскій”?..

С трудом подавив волненіе, я отвѣтил:

— Говорит... Хотя “Нар” уже давно отброшен...

Незнакомец молча взял меня под руку. Я не сопротивлялся. Без слов дошли мы до Бульварно-Кудрявской и тут мой спутник дернул подбородком. Это сразу же замѣтил лихач, оторвался от биржи и осадил перед нами...

Все дальнѣйшее было просто... Он, этот незнакомец, оказался Миклашевским, о котором, — тут Семен Осипович вопросительно поднял брови, — и вы могли кое-что слышать...

— Это не тот судебный процесс в Кіевѣ, когда...

— Да, да, — остановил меня Семен Осипович, — тот самый. Но к процессу мы придем позже. А пока что тот самый Миклашевскій привез меня на Львовскую, позвонил, кинул швейцару: “Со мной!”, и швейцар, как бы не замѣчая моих лохмотьев, распахнул двери...

Ну, потом, сразу же, ванная, халат. Затѣм — столовая...

И вопрос Миклашевскаго:

— Вы, надѣюсь, не откажетесь со мною позавтракать? Мои костюмы вам не по плечу. В вашем же облаченіи — мѣсто только “На днѣ”... Вывод: в ресторан вас не пустят. Значит, садитесь и перекусим здѣсь, у меня. Вы что предпочитаете?

Семен Осипович остановился, как будто вспомнив обо мнѣ, его слушатель, и спросил:

— Не правда ли, мои рассказы похожи на занимательную импровизацію?

Но отвѣтъ ему, видимо, не был нужен.

— Бывшее, — говорил он дальше, — это было. Все происходившее со мною тогда — тогда воспринималось как-то до странности просто. Чудо? Нѣтъ. Удивительное стеченіе обстоятельств? Тоже нѣтъ. Почему? Не знаю. Бывает так: человекъ живетъ в неосознаваемом ожиданіи чего-то. Не разсудком, не интуиціями, а... нутром, что ли, ловит он какіе-то сигналы. И когда-то, ожидаемое становится реальностью, все оказывается очень обыденным. “Нутро” отходит в сторонку, и разсудок сразу оказывается поворотливым и догадливым, умѣющим все объяснить... Так случилось *тогда* и со мною. Я почему-то подумал, что все предыдущее подготовило меня не только к этой встрѣчѣ, но и к каким-то особенным событіям, в которых и мнѣ будет отведено мѣсто... рядом вот с этим Миклашевским, нашедшим меня в Кіевѣ...

Семен Осипович замолчал, а я подумал, что он не просто рассказывает, он *переживает* рассказываемое во вдруг возникающих паузах. Паузы эти, казалось, нужны ему для возвращенія в прошлое, ну, точно так же, как необходимо бывает оторвать глаза от книги, чтобы возстановить в памяти уже прочитанныя страницы...

Словно догадавшись о моих мыслях, Семен Осипович начал разсуждать о том, что жизнь, дескать, сложная штука, и что стариков, превративших эту сложность в мудрую поговорку “жизнь прожить — не поле перейти”, надо признать философами.

— Семен Осипович, — попросил я, — может быть стариковскую философію отложим на потом, а сейчас...

— К “полю перейденному” вернуться? Давайте... Я принял ванну, облачился в пріятный халат, находился в уютно обжитой квартирѣ, ощущал реальность всего меня окружающаго, и не абстракціей считал вопрос Миклашевскаго, что бы я предпочитал получить на завтрак... “Час назад, — сказал я Миклашевскому, — я предпочитал бы получить самый большой кусок хлѣба, какой есть в этом домѣ. Теперь...”

— Догадываюсь, — разсмѣялся Миклашевскій. — Понятно! Совсѣм недавно вы стояли перед великолѣпным меню Аскинази и с брезгливостью пресыщенія перебирали коллекцію блюд... Ничто вас не устраивало... Вы мечтали о большом, очень большом кускѣ хлѣба... Вы сверхгурман, нѣтъ... вы... Но оставим это в сторонѣ... Еще вопрос: если бы вам подсунули скатерть-самобранку, чего бы еще потребовала ваша душа к тому грандіозному куску хлѣба?

— Не правда ли, — спросил меня Семен Осипович, — со стороны глядя все это могло казаться насмѣшкой? Но тогда, в тот момент, я уже многое вспомнил... Передо мною был Миклашевскій, о котором, в свое время, в столицѣ распространялись весьма диковинныя исторіи. И потому, в тон ему, я отвѣтил, что, понимаете, к тому самому большому куску хлѣба неплохо было бы получить бачок солдатских шей... Щи, конечно, не появились, но завтрак превратился в обѣд и длился

он изрядно. Миклашевскій совѣтовал мнѣ ѣсть медленно, хорошо пережевывать и, главное, не спѣшить глотать. А потом, когда я был дѣйствительно сыт, Миклашевскій заявил довольно рѣшительно:

— Я хоть и правовѣд, но могу выступить и в роли домашнего врача: идите спать... Постель готова... Затѣм вам предстоит знакомство с портным, послѣ чего, я в этом увѣрен, вы почувствуете себя сносно...

7.

— А знаете, — однажды спросил меня Семен Осипович, — как влияет на настроеніе хорошій костюм? Чувствуешь себя увѣренно. Так что пренебрежительно относиться к профессіи портного я вам не совѣтую. Важен не только фасон и качество шерсти, но... Вы поморщились? Лекція об иглѣ, ножницах, примѣрѣ и прочем вас не интересует? Вас занимает Миклашевскій, с которым... вѣрнѣе, который столкнулся со мной в Кіевѣ?

— Да, — признался я. — Миклашевскій меня интересует. А свой рассказ о нем вы прервали на...

— Отлично помню... Все помню, — остановил меня Семен Осипович. — До малѣйшей подробности... И Кіев того времени, и Миклашевскаго, и себя. И о том, конечно, что познакомился с искусством портного, послѣ чего уже мог появиться с Миклашевским не только на улицах Кіева, но и в ресторанѣ Аскинази. Ресторан этот для меня не эпизод. Не потому, что там кормили отлично, нѣтъ, далеко не потому... а потому, что в одном из его уютных кабинетов и произошло сближеніе с Миклашевским. Что я о нем знал до встрѣчи? Почти ничего. Вѣрнѣе, только то, о чем я нѣкогда, в столицѣ, слышал лишь краем уха. Да и услышанное — выглядело сказкой или сплетней. В дѣйствительности, все было значительно проще, естественнѣе, хотя и не без налета фантастики. Фантастика — в стремительном развитіи событій, столь милom сердцу нынѣшних модных писателей...

Семен Осипович ехидно прищурился и глубоко вздохнул.

— Догадываюсь, не спорьте! Очень вам хочется сказать: “Брось, старик, разсуждать о литературной модѣ!” Ладно. Согласен... Так вот — Миклашевскій... единственный сын богатых родителей, начал свою служебную карьеру еще до Первой міровой войны... В министерствѣ Иностранных Дѣл... Отличное воспитаніе и незаурядное образованіе сулили успѣх, но тут умерли его родители и Миклашевскій оставил службу и посвятил себя адвокатурѣ...

Все шло прекрасно и здѣсь. А послѣ выиграннаго крупнаго процесса, привлекавшаго к себѣ вниманіе и надѣлавшаго порядочно шуму, его имя в дѣловом мірѣ котирировалось очень высоко. Многіе предсказывали ему славу Плевако, но предсказанія не сбылись: Микла-

шевскій стал рабом азарта, завсегдатаем клубов столицы и частым гостем заграничных казино... Дальше? Дальше случилось то, что обычно происходит с игроками. В году... точно не помню... незадолго до войны Миклашевскій вернулся из Европы не только без денег, но и оставив гдѣ-то векселя, оплатить которые вряд ли мог.

Распродав все, что можно было сбыть, он с трудом погасил разгорающийся скандал и подвел итоги. Они были настолько грустными, что Миклашевскій попробовал вернуться к адвокатурѣ. То ли был уже утрачен вкус к серьезной работѣ, то ли еще что мѣшало, но он понял: на судебном небосклонѣ его звѣздѣ сіять не суждено. Примирившись с этим, он отказался от состязанія с новыми, входящими во славу адвокатами...

Потом он исчез и болѣе года о нем не было слышно, пока кто-то не пустил слух, что Миклашевскій — гдѣ-то за границей — проигрался вдребезги. В это легко повѣрили и признали его "конченным человѣком"...

И вдруг... теперь уже со ссылкой на очевидца, заговорили о баснословном выигрышѣ Миклашевскаго. Вѣрить этому или не вѣрить? Разыскали очевидца... Очевидец сослался на другого, другой — на третьяго, и вокруг имени Миклашевскаго завертѣлись сказки, над которыми уже кое-кто злорадно посмѣивался... Но смѣх над "конченным человѣком" скоро прекратился... И не по гуманности людской, — продолжал Семен Осипович, — а просто потому, что слишком уж солиден был текущій счет Миклашевскаго в одном из банков... Текущій счет — это деньги... А деньги, созданныя счастливой игрой, привлекают к себѣ вниманіе. Вокруг таких денег предположеній, догадок, болѣзненного любопытства сколько хочешь. А тут еще стало извѣстно, что нѣкое европейское казино, постоянным посѣтителем котораго был Миклашевскій, любезно, но категорически отказало ему в правѣ входить в игорныя залы. Это ли не масло в костер сплетен? Так что злорадствующие весьма глубокомысленно поджимали губы, на что-то намекали, хотя всѣм хотѣлось поскорѣй разнюхать, что же произошло в дѣйствительности. Удовольствоваться тѣм, что Миклашевскій гдѣ-то хлопнул дверью и уѣхал в другой, не менѣе шикарный игорный дом, расположенный на берегу Средиземнаго моря, никто не имѣл желанія...

А Миклашевскому в самом дѣлѣ пришлось крупно разговаривать с дирекціей казино. Да, ему откровенно заявили, что посѣтители, *на-отпрятка* выигрывающіе, весьма и весьма нежелательны, а потом... ну, потом предложили нѣчто вродѣ джентльменскаго соглашенія на продажу *системы* с обязательством забыть о ея существованіи... Предлагалась, якобы, выплата Миклашевскому нѣкой ренты...

Так ли все происходило или не так, не столь важно, но Миклашевскій уложил свои чемоданы и направился к Средиземному морю...

Можете представить себѣ его изумленіе, когда и здѣсь ему, без объясненія причин, отказали в выдачѣ билета на посѣщеніе казино...

Но даже и это не остановило Миклашевскаго. Человѣкъ азарта, он двинулся дальше, и очень скоро убѣдился, что двери зал, на столах которых из рук в руки переходят состоянія, превращаются в крѣпостные бастионы. Теперь уже нельзя было не догадаться, что у клубов есть свои правила, разработанныя с чисто европейской педантичностью. К тому же, в одном из них ему, с глазу на глаз, конечно, с подчеркнутой корректностью разъяснили, что он “нежелательное лицо”, добавив, что, само собой разумѣется, господин Миклашевскій может протестовать, но... стоит ли? Запах скандала привлекает вечернія газеты, слѣдовательно, в центрѣ скандала оказывается “лицо нежелательное”, и если “лицо” не дорожит своей репутаціей, то...

Поняв, что игорные клубы похожи на нѣкій трест с безукоризненной информатіей, Миклашевскій вернулся в Россію.

Появленіе его в столицѣ превратилось в сенсацию, подогреваемую разнаго рода слухами. Слухам спѣшили вѣрить тѣ, кто знал, что у Миклашевскаго крупное состояніе, а еще больше тѣ, кто видѣлъ, что распоряжается он деньгами довольно-таки легкомысленно.

Но нѣтъ вѣчной сенсациі... К Миклашевскому присмотрѣлись, как-то привыкли, и вот тогда-то обратили вниманіе, что он, принятый в обществѣ, к обществу не тянулся, став постоянным посѣтителем клубов и тѣх салонов, гдѣ процвѣтал азарт. А в клубах и салонах замѣтили, что Миклашевскій играетъ лишь в шмэн-де-фер, или, проще, в девятку, в желѣзную дорогу, желѣзку.

Кромѣ “девятки” — Миклашевскій ничего не признавал. Странность? Да. При чем зоркіе глаза игроков установили в этой странности и нѣкую закономерность: Миклашевскій послѣ проигрышей, от которых, казалось, трудно оправиться, оставался совершенно спокойным. На нѣкоторое время он прекращал игру, хотя цѣлыми ночами сидѣлъ у машинки, пристально слѣдя за мельканіем карт...

У игроков масса примѣтъ. Онѣ извѣстны всюду и передаются из поколѣнія в поколѣніе. И потому никто не сомнѣвался, что Миклашевскій подкарауливает “талію”, а кое-кто из издавших виды игроков настаивал, что он “читает” карты, разбирает только ему понятные каббалистическіе знаки...

Были и такіе, кто шел еще дальше и утверждал, что Миклашевскій *чувствует* вѣрную карту и что перед этой *вѣрной* картой у него как-то по-особенному блестят глаза...

— Ну, а вы, — рискнул я спросить у Семена Осиповича, — вы сами согласны признать это истиной?

--- Не будьте слѣдователем, — усмѣхнулся Семен Осипович. — Мое “да” или мое “нѣтъ” не объяснят того, что произошло в нѣкій поздній вечер, когда извѣстный в столицѣ полуфинн-полуангличанин, которому все время не везло, крупно, но неудачно спонтировал. С обычной сдержанностью и корректностью он уплатил и остался с одним билетом

в сто рублей. На слѣдующей рукѣ банк полностью не был покрыт, и банкомет любезно предложил полуангличанину:

— Сэр, а вы?

— К сожалѣнію...

Банкомет протестующе поднял руку, но полуангличанин, поблагодарив, серьезно сказал:

— Играю только на наличныя... На очереди — мой банк... Вот поставлю сотенную — и поѣду спать...

Банк на слѣдующей рукѣ был сорван... Карты перешли к полуангличанину и завязалась, как говорят в клубах, *талия*... Надо ли добавлять, что послѣ седьмой битой карты на столѣ была такая внушительная сумма, что... что полуангличанин задумался... и продал банк...

Бить семь рук! Такое не часто случается! Шутя кто-то попробовал перекупить банк за сто рублей, и вот тут-то всѣ замѣтили приподняшагося Миклашевскаго.

— Позвольте мнѣ, — сказал он. — Полностью...

Этого никто не ожидал. Кое-кто ахнул, увидѣв, что Миклашевскій выпул бумажник. В бумажникѣ, должно быть, не оказалось нужной суммы, и Миклашевскій, послѣ нѣкотораго замѣшательства, снял с пальца перстень с крупным брилліантом.

Так в порядочном обществѣ не поступают... Но нельзя, вѣдь, не считаться с атмосферой азарта... Потому-то многіе сдѣлали вид, что не замѣтили нетактичности Миклашевскаго, а другіе — извинили ее... И все могло бы закончиться шуткой, если бы здѣсь не присутствовал тот самый полуангличанин, нѣсколько возбужденный своим собственным рѣшеніем продать банк. Пожалѣл ли он об этом своем рѣшеніи или не хотѣл прослыть трусом, побоявшимся рискнуть, но он воспользовался оплошностью Миклашевскаго и презрительно бросил:

— Кольцами торгуют в Пассажѣ...

Назрѣвал скандал... Миклашевскій выпрямился, как-то сжался и... и вдруг спокойно спросил:

— А вы сыграете?

Полуангличанин кивнул головой.

— Тогда... я вернусь через нѣсколько минут...

Семен Осипович замолчал. Потом, словно возстановив в памяти всѣ детали того происшествія, продолжал:

— Вы можете представить себѣ ту обстановку? Согласен: это трудно... Тѣм болѣе, что и сам полуангличанин растерянно прошептал:

— Нѣсколько минут... не вѣчность...

Миклашевскій вернулся... Из-под прищуренных вѣкъ он взглянул на полуангличанина и предложил ему карту...

Надо знать психологію игроков, чтобы понять все дальнѣйшее... Секунды казались часами, и когда Миклашевскій выиграл двойкой против “жира” полуангличанина, многіе не сразу сообразили, что произошло...

На столѣ лежало состояніе...

— Банк продается, — сказал Миклашевскій...

На эту сумбурную игру подвернулся крупный лѣсопромышленник. Он ввалился в зал в тот момент, когда Миклашевскій уходил куда-то, чтобы заложить брилліант. Узнав в чем дѣло, лѣсопромышленник, бывший слегка навеселѣ, захохотал:

— Правильно! Коли пить — так только водку, коль играть... ну, само собой разумѣется — на чистоган...

Когда же Миклашевскій объявил о продажѣ банка, лѣсопромышленник своим могучим тѣлом навалился на стол и чуть ли не крикнул:

— Продаете? Покупаю на корню и полностью. Не побойтесь спонтировать?

На какое-то мгновеніе наступила тишина. Присутствовавшіе при этом, вспоминая игру, впоследствии говорили, что они замѣтили в глазах Миклашевскаго сожалѣніе.

— Зачѣм? — задумчиво произнес Миклашевскій. — Неужели это вы серьезно?

Дальнѣйшее напоминает дурной сон, кошмар... Лѣсопромышленник перешел на "ты", а Миклашевскій... на лицѣ Миклашевскаго было тяжелое недоумѣніе...

— Не надо...

— Я тебѣ покажу "не надо!" — взорвался лѣсопромышленник. — Играй!

Миклашевскій протянул руку к машинкѣ... Карты, казалось, нехотя двигались по сукну стола...

Лѣсопромышленник пьяно захохотал:

— Га! Тройка да пятерка — всегда восемь!

Миклашевскій вздрогнул и тревожно прошептал:

— Не может быть...

Лѣсопромышленник с явным злорадством наблюдал, как Миклашевскій поднимал свою первую карту... Шел туз... Вторую карту Миклашевскій взял вяло и нерѣшительно, словно признавая, что все прежнее — сплошная ошибка. Он даже не взглянул на карту, но многіе уже успѣли замѣтить, что идет восьмерка...

— Девять... У вас девять, — прохрипѣл наблюдавшій за игрой полуангличанин.

— Что? — не понял Миклашевскій.

— У вас девять...

8.

— Что вы думаете по поводу всего этого? — с улыбкой спросил меня Семен Осипович.

Отвѣтить было трудно... Похоже на правду, и, вмѣстѣ с тѣм, сама

эта *правда* выглядѣла одной из тѣх легенд, которыя создаются клубнототализаторными неудачниками, только во снѣ видѣвшими и крупные выигрыши, и нивѣсть откуда сваливающіяся наслѣдства...

— Молчите?

— Молчу...

— И правильно дѣлаете, — согласился Семен Осипович. — Потому что, когда обо всем этом рассказывал мнѣ сам Миклашевскій, я не мог не пожать плечами. Мое деликатное сомнѣніе не ускользнуло от его зоркаго глаза. Ухмыльнувшись, он попросил меня не быть слишком большим скептиком... “Понимаете, — говорил мнѣ Миклашевскій, — я не отрицаю вашего права пренебрежительно отбросить мое наивное утвержденіе, но... но, вѣдь, до Менделѣева система элементов не была извѣстна, а теперь она настолько реальна, что дальнѣйшая ея разработка способна довести человѣчество чорт знает до чего... Тщательное изученіе, сопоставленіе, упрямое наблюденіе над чѣм угодно приводят к убѣжденію в законмѣрности повторенія тѣх или иных итогов... А развѣ не это лежит в основѣ любой стройной системы? Не важно, что наблюденія не приносили плодов в теченіе столѣтій. Всему свое время! Наступит мгновеніе, и господин Икс, вяло перелистывая записи прошлаго, озарится вдохновеніем... Извольте бриться! Готово. Эврика! То, что ускользало от гениальнѣйших предков, становится совершенно ясным этому, в сущности, весьма и весьма ограниченному потомку...”

Семен Осипович отложил в сторону давным-давно погасшую папиросу. Папираса, видимо, ему что-то напомнила...

— Миклашевскій очень любил табак Месаксуди... К чему это я? Ах, да... Считаю долгом упредить вас, что такую теорію возникновенія систем развивал сам Миклашевскій: я же простой передатчик его мыслей, высказанных им много-много лѣтъ тому назад... Но все это я помню настолько хорошо, что, так мнѣ кажется, я мог бы стать его біографом: до того он был подробен в описаніи всего, из чего складывалось его прошлое. Его прошлое... Я не буду возстанавливать детали, мелочи, очень яркія и волнующія. Я грубыми мазками попробую показать вам его жизнь, жизнь явно не обычную и очень тяжелую, жизнь *игрока*... Играя гдѣ только возможно, он вѣчно проигрывался. И, конечно, злился. А чѣм больше злился, тѣм быстрѣе уплывали его деньги. Все это, образно говоря, завершилось разбитым корытом...

Знаете, до чего дѣло дошло? Миклашевскій выдал векселя под весьма сомнительное имущество... Терзанія, сожалѣнія, упреки... Это вы легко себѣ можете представить... Но попробуйте представить себѣ дикое рѣшеніе Миклашевскаго: отыгаться *настрняка*! Отыгаться по той, извѣстной ему системѣ, которую он нѣкогда примѣнил в состязаніи с полуангличанином и лѣсопромышленником... И что же? Он быстро оплатил свои векселя и... наступила реакція: ему показалось, что он раз и навсегда излечился от азарта, от горячки зеленого стола...

— Но если бы он дѣйствительно излечился, — замѣтил Семен

Осипович, — тогда бы... тогда и не стоило бы вам рассказывать эту исторію. А не излечился он потому, что серьезно увлекся дамой... которая была увлечена... нѣтъ, не им! — картами... С ней он посѣщал клубы и салоны, гдѣ карты и солидные ставки были такой же неизбежностью, как и модный тогда кэк-уок... Дама играла.. Миклашевскій сидѣлъ рядом и наблюдал, как уменьшалось и уменьшалось ея состояніе. А когда она и в самом дѣлѣ осталась без ничего, тогда Миклашевскій вновь вернулся к *прошлому*... То ли он хотѣлъ спасти даму, то ли в нем самом опять вспыхнула страсть к азарту... во всем этом трудно разобраться... во всяком случаѣ он стал слѣдить за мельканіем карт, и в его глазах начали мельтешиться таинственные огоньки, предвѣстники той загадочной секунды, когда... Короче: в нѣкій час нѣкой ночи, в самый безнадежный, с точки зрѣнія бывалых игроков, момент, он перекупил банк... А потом... потом вокруг его имени завертѣлись довольно-таки странныя легенды. Такія легенды очень скоро начинают отбрасывать двусмысленную тѣнь и... и Миклашевскому, как-то запросто пріѣхавшему в дом, с хозяином котораго он был накороткѣ, отказали, правда, деликатно, в пріемѣ. Ну, не то, чтобы рѣзко заявили, нѣтъ, намекнули, что его посѣщеніе нѣсколько стѣснительно и что просят забыть адрес этого дома...

Как бы предупреждая мой вопрос, Семен Осипович воскликнул:

— Нѣтъ, нѣтъ! Никто не обвинялъ прямо, никто не осмѣливался сказать, что Миклашевскій играет не по-джентльменски. И вмѣстѣ с тѣм слушки, удивительные и глупые, назойливо его преслѣдовали.

Положеніе создалось довольно-таки щекотливое. Миклашевскій уже не показывался в обществѣ, хотя великосвѣтскіе игроки продолжали пожимать ему руку в клубѣ или в салонѣ небезызвѣстной актрисы М. М., в котором процвѣтала крупная игра...

Тут стоит добавить, что один из наиболѣе умных игроков, назовем его корнетом Шериховым, установил своеобразную слѣжку не за самим Миклашевским, а за его глазами. Шерихов первым пришел к выводу, что Миклашевскій “читает” карту, и что это *чтеніе* отражается в его глазах блестящей точкой, начинающей расплываться в тот момент, когда надо *навѣрняка* понтировать или перекупать банк. Шерихов до того разгадал значеніе этого блеска чужих глаз, что нѣсколько раз, предупредив намѣреніе Миклашевскаго, сам понтировал или перекупал банк. В том и другом случаѣ он не прогадывал...

— Эпизод с этим корнетом нужен, — пояснилъ мнѣ Семен Осипович, — чтобы сразу подвести вас к назрѣвающим событіям того далекаго прошлаго... Уже всѣ были убѣждены, что Миклашевскій играет *навѣрняка*... Но так как никто не знал, в чем заключается этот “вѣрняк”, то и сложилось единодушное мнѣніе, что Миклашевскій владѣет какой-то тайной, какими-то знаніями, недоступными другим. Попутно замѣчу: игроки суевѣрны до-нельзя.

Может быть, этим суевѣріем и был вызван такой случай... На

квартиру Миклашевскаго явился нѣкій, весьма и весьма примелькавшийся в клубах, игрок. Выговорив право потолковать с глазу на глаз, он заявил, что ему, в какой-то мѣрѣ, доступен “секрет”. Миклашевскій все это выслушал, потом, вполне резонно, спросил:

— Если это так, то при чем здѣсь я?

Гость замялся, запутался в объясненіях и, в концѣ концов, воскликнул:

— Скажите: вы играете навѣрняка?

Вопрос был поставлен в упор. Посѣтителъ, как он впоследствии признался, думал, что ему укажут на дверь. Этого не случилось. Миклашевскій равнодушно отвѣтил:

— Да...

Гость встрепенулся и предложил Миклашевскому весьма солидный “куш” за секрет... Миклашевскій, вяло улыбаясь, принялся утверждать, что у него отвращеніе къ мелочной торговлѣ и что ему надѣла эта, теоретически, видимо, интересная, но такая бесполезная бесѣда...

(Продолженіе слѣдует)

Виктор Свен.

ПОЕДИНОК

Лѣтняя сказка

Муравей заблудился в лѣсу
И бездомный блуждает, как нищій.
Пробѣжал уж навѣрно версту,
А не видит родного жилища.

И к кому подойти за совѣтом? —
Даже спит стрекоза пред разсвѣтом!
Муравей громко крикнул — “ау”!
Грозный голос отвѣтил ему:

“Муравей, ты куда направляешься,
И зачѣм под ногами болтаешься,
Иль ты выдумал новую моду —
Не давать мнѣ, медвѣдю, проходу?”

И взревѣл тут огромный медвѣдь.
А медвѣди свирѣпые вѣдь.
К муравью зашагал без дороги.
Затряслись муравьиныя ноги.

И вокруг никого на подмогу,
Преградить чтоб медвѣдю дорогу.
А медвѣжьи все ближе шаги.
Еще миг и сойдутся враги.

Муравей поскорѣй на сосну.
А медвѣдь еще ближе к нему.
Муравьиная кровь леденѣет,
И от страха душа цѣпенѣет.

А медвѣдь, понабравшійся сил,
Ту сосну с муравьем повалил.
И сосна полетѣла в овраг,
И с ней вмѣстѣ летит его враг.

Но сосна та, скатившись как с кручи,
К муравьиной упала вдруг кучѣ,
К той, что в темную ночь муравей
Так искал среди мхов и камней.

И теперь, перед собственным домом
Он стоит пораженный как громом.
И казалось лѣсное строенье,
Как волшебное чье-то творенье.

Муравьи выползают навстрѣчу,
И приветствуют радостной рѣчью.
Муравьиное сердце забилося,
Все, что было, как будто приснилось,

И, пред старым жилищем своим,
Он повѣрил законам лѣсным, —
Гдѣ, не глядя на зло и кичливость,
Торжествует в лѣсу справедливость.

Вѣдь в полетѣ, хоть свѣта не взвидя,
Уцѣлѣл от расправы медвѣдя!
И сейчас, как ни в чем ни бывало,
В дом несет изо мха одѣяло.

Вот на крышу кладет он листок,
Чтобы в дождь не промок потолок,
Вот тычинкой разрыхлил весь пол,
Чтоб был мягким для всѣх кто вошел.

И уют возсоздал он домашній,
Позабыв поединок вчерашній.
А свирѣпый медвѣдь возомнил,
Что врага-муравья погубил.

А. Горская.

Александр Блок, Евгеній Иванов и их окруженіе

ОЧЕРКЪ

(Окончаніе)*)

6.

В предыдущих главах этого очерка я все время слѣдил за тѣм, чтобы мое “я” оставалось позади и не подмѣняло собою воспоминаній о дружбѣ А. А. Блока с Е. П. Ивановым и о нѣкоторых отношеніях их с окружавшими эту дружбу людьми.

Теперь мнѣ слѣдует перейти к моим личным воспоминаніям о нѣкоторых встрѣчах с А. А. Блоком и, конечно, в изложеніи их я не могу избѣжать своего “я”, которое в нем невольно появится, но я постараюсь всегда помнить о том, что я пишу о Блокѣ, а вовсе не о себѣ, тѣм болѣе, что Блок был старше меня на семнадцать лѣтъ.

Когда произошло мое знакомство с Блоком, мнѣ было лѣтъ восемь-девять.

Мать и сестра Евгенія Павловича (обѣ — Маріи) бывали именинницами в один и тот же день — 1-го апрѣля по старому стилю, день Св. Маріи Египетской.

В один из таких табельных дней, наша семья обѣдала у Ивановых и мы провели у них весь этот день в их уютной квартирѣ в домѣ № 75 по Николаевской улицѣ (нынѣ — улица Марата), гдѣ они жили до конца 1915 года, когда переѣхали на Петроградскую сторону, в дом на набережной рѣки Карповки.

В этот день у них было много родственников, много знакомых, шел оживленный разговор, Евгеній Павлович смѣшил всѣх забавными рассказами, переходя из гостиной в смежный с нею будуар матери, а из будуара — в гостиную; в этих двух смежных комнатах расположились всѣ гости.

Как и слѣдовало по тогдашнему моему возрасту, мнѣ было довольно скучно сидѣть на одном мѣстѣ со взрослыми в какой-либо одной комнатѣ и я потихоньку “кочевал” за “дядей Женей”, прислушиваясь к его забавным, а иногда и просто смѣшным рассказам, которые для меня были значительно интереснѣе серьезных разговоров.

В десятом часу вечера, будучи в одну из своих “кочевок” в будуарѣ, я услышал сильное движеніе и шум в гостиной, и, заинтересованный этим, конечно, немедленно же “перекочевал” туда.

*) См. “Возрожденіе” № 188.

Из прихожей в гостиную входили новые гости — нѣсколько грузная для своих молодых лѣтъ дама, одѣтая во что-то розовое, легкое, воздушное, и молодой мужчина, скромно одѣтый в черный хорошій сюртук (теперь этот тип мужского платья вывелся не только в СССР, но и, пожалуй, во всем мірѣ) с пышным черным же галстуком.

Мужчина был худощав, с блѣдным прекрасным лицом (именно — прекрасным!), с глазами чуть-чуть на выкатѣ и сильно прикрытыми верхними вѣками, с пепельно-бѣлокурыми волосами.

Я, конечно, уже раньше слышал об Александрѣ Блокѣ, поэтѣ и другѣ дяди Жени, читал его стихи (насколько понимал я их в тѣ годы — сказать трудно) в “Нивѣ”, “Русской Мысли” и других изданіях, читал его отдѣльные сборники стихов, — и теперь я понял, что вижу перед собою “настоящаго”, “живого”, “всамдѣлишнаго” поэта с женою, и даже удостоился пожать его “поэтическую руку”.

Присматриваясь к этой заинтересовавшей меня парѣ, я уже тогда, несмотря на малый возраст, замѣтил, что поэт держался очень скромно, безо всякой аффектаціи, вел с кѣм-то тихій разговор в полутемном углу гостиной, в общій шумный разговор не вступал; наоборот, Любовь Дмитриевна была шумна, подвижна, аффективна, заставив всѣх в будуарѣ слушать одну ее.

У А. А. Блока был небольшой дефект рѣчи, давая ей, может быть, украшавшее ее своеобразие и нѣсколько разнообразя общую медленность и монотонность, — он не шепелявил, а как-то присвистывал на звукѣ “с”, скандируя слова даже в обычном разговорѣ.

Вскорѣ послѣ прихода Блоков начался ужин.

В концѣ ужина хозяева и гости стали просить Александра Александровича прочесть что либо из его послѣдних стихов; он очень долго отнѣкивался (мнѣ кажется, не из рисовки, а от присущей ему скромности), говорил, что плохо читает, но потом — под дружным “натиском” всѣх присутствовавших — согласился, вышел из-за стола, медленным шагом отошел в дальній, самый темный, угол столовой, к самоварному столику, — так что его в черном сюртукѣ почти не было видно, — скрестил “по-пушкински” руки на груди (забѣлѣли в темнотѣ края выбившихся из рукавов манжет) и безстрастным голосом, безо всякой эмоціи, прочел стихотвореніе, которое незадолго перед этим или вскорѣ послѣ этого было опубликовано в “Литературно-художественном ежемѣсячном приложеніи” к популярнѣйшему тогда в Россіи еженедѣльнику “Нива”, издававшемуся товариществом А. С. Маркс в Петербургѣ.

Я слушал удивительную музыку слов даже в этом чтеніи и смотрѣл на еле темнѣвшее лицо Блока; оно было вдохновенно и прекрасно (повторяю это с особым удареніем), несмотря на казавшіяся безстрастно звучащими слѣдующія строки:

На вас было черное закрытое платье,
Вы никогда не поднимали глаз,

Только на груди, может быть, над Распятъем
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У вас был голос серебристо-утомленный,
Ваша рѣчь была таинственно-проста.
Кто-то сильный и знающій, может быть, влюбленный
В свое созданье, замкнул вам уста.

Кто был он — не знаю, никогда не узнаю,
Но к нему моя ревность и страх мой к нему.
Ревную к божеству, кому пѣсни слагаю,
А пѣсни слагаю — я не знаю кому.

Блок окончил чтеніе, но сам, как бы зачарованный, продолжал стоять в полумракѣ столовой (лампа — в то время еще керосиновая — висѣла в центрѣ комнаты, над столом, под бѣло-молочным стеклянным абажуром, отбрасывавшим свѣтъ, главным образом, на стол).

Всѣ тоже замерли и еще не скоро прозвучали первыя благодарственные слова за авторское чтеніе.

В тот вечер, как всѣ ни просили Александра Александровича, он больше не читал.

Вспоминая чтеніе Блоком своих стихов, должен безпристрастно сказать, что его манера чтенія меня не удовлетворяла: читал он — по правдѣ сказать — неважно; казалось, что монотонность и безстрастность его голоса были дѣланными, нарочитыми и художественно вовсе не оправданными.

7.

Николаевская улица в Петербургѣ упирается противоположным от Невского проспекта концом в так называвшійся Семеновскій плац, находившійся за казармами лейб-гвардіи Семеновскаго полка, выходившими фасадом на Загородный проспект близ Царскосельскаго (нынѣ — Витебскаго) вокзала.

В мои дѣтскіе и отроческіе годы, до войны 1914-1918 гг. и до революцій 1917 года (февральской и октябрьской), на этом плацу устраивались конскіе бѣга, на плацу высились трибуны для публики, а весь плац был обнесен деревянным (выкрашенным в унылый коричневый цвѣтъ) забором в два человѣческих роста вышиною, — во избѣжаніе бесплатных зрителей бѣгов и появленія уличнаго тотализатора.

Когда-то этот плац не был обнесен забором и был обычным плацом для обученія солдат; на этом же плацу производились экзекуціи над провинившимися солдатами в царствованіе Николая Перваго и плац играл роль “всенароднаго позора”; наказывавшіеся прогонялись

“сквозь строй”, получая от каждого, стоявшаго в строю, удар розгой, палкой или... металлическим шомполом от винтовки.

На этой же площади когда-то, на мѣстѣ возвышавшихся теперь трибун и касс государственнаго тотализатора, были построены помосты для совершения казней, и именно здѣсь Федору Михайловичу Достоевскому и вмѣстѣ с ним приговоренным военным судом къ смертной казни петрашевцам уже завязали глаза перед казнью; именно здѣсь командовавшій исполненіем судебнаго приговора офицер уже поднялъ руку, чтобы произнести страшную команду — “пли!”; именно здѣсь Федор Михайлович и его товарищи услышали галоп мчавшейся во весь опор верховой лошади и прозвучавшую съѣдла команду:

— Отставить! К ногѣ!

Лязг оружія.

Поспѣшное развязываніе глаз осужденным.

Именно здѣсь Федор Михайлович увидѣлъ взмыленнаго, тяжело дышавшаго от стремительнаго галопа коня, сидѣвшаго на нем офицера съ бѣлоснѣжным султаном на киверѣ; его рука въ бѣлой перчаткѣ, уже испачканной начищенной лошадиной уздой, протягивала важному представителю юстиціи, наблюдавшему за приведеніем приговора въ исполненіе, шуршавшую шелком, тугую, плохо сгибавшуюся и неломавшуюся атласную бумагу.

Именно здѣсь Федор Михайлович услышал вѣсть о помилованіи, — о замѣнѣ смертной казни четырехлѣтней каторгой въ Сибири, отсюда началось его безконечное изнурительное путешествіе по арестантским этапам от... петербургских бѣлых ночей къ... омскому “мертвому дому”.

Именно об этом думалъ я, идя пѣшком от Царскосельскаго вокзала, мимо Семеновскаго плаца, на Николаевскую улицу, вечером въ маѣ 1912 года, — и, надо сказать, думы мои совершенно не соотвѣтствовали тому настроенію, тому “дѣлу”, съ которымъ я шелъ къ “дядѣ Женѣ”, Евгенію Павловичу Иванову.

Я просилъ его устроить мнѣ “дѣловое” свиданіе съ А. А. Блоком, которому я хотѣлъ показать свои стихотворные опыты, чтобы получить от него авторитетный отзыв.

“Дядя Женя” вызвалъ меня именно въ этот вечер, сказавъ, что къ нему общалъ зайти “Саша”.

Вскорѣ за письменным столомъ Е. П. Иванова сидѣлъ, склонивъ большую красивую голову, так напоминавшую голову породистаго римскаго патриція (и так хотѣлось увѣнчать ее лавровымъ вѣнкомъ), над листками изъ ученической тетради, испещренными моимъ почеркомъ, внимательный и добросовѣстно-сосредоточенный Блокъ и медленно, шевеля губами, вчитывался въ мои поэтическіе опыты.

На его судъ я представилъ пять-шесть стихотвореній, мнѣ самому казавшихся лучшими.

“Дядя Женя” и я сидѣли въ глубинѣ комнаты на оттоманкѣ, свидѣтельницахъ давнихъ нашихъ “подушечныхъ бомбардировокъ”, и я, конечно,

с душевным трепетом ожидал “приговора” признанного поэта моим, конечно, несовершенным стихам, словно я был тоже на Семеновском плацу и тоже ждал исполненія приговора.

Неожиданно (в такіе моменты всегда все бывает неожиданным) прозвучал так долго ожидавшійся мною голос от стола:

— Вот эти два мнѣ нравятся, они оба с ярко выраженным настроеніем и технически сдѣланы не плохо, а остальные или сыроваты, или подражательны. Напримѣр, в этом так и чувствуется вліяніе Фета. Впрочем, вот это, если над ним еще поработаете и передѣлаете эти два мѣста (он подчеркнул ногтем указательнаго пальца под текстом), может оказаться не дурным. Давайте в стихах больше своего, от сердца, от самого сердца, больше свою душу выворачивайте, не бойтесь, и помните, всегда помните, что *стихи не переносят лжи*, — послѣднія слова он произнес громче и как бы подчеркнул вдруг появившейся интонаціонной выразительностью в его обычно монотонном и однообразном говорѣ.

В тот вечер он дал мнѣ нѣсколько запомнившихся навсегда указаній по поводу стихотворнаго творчества.

В октябрѣ того же (1912) года я дебютировал в печати одобренным А. А. Блоком стихотвореніем, с этого времени я веду “лѣтоисчисленіе” своей литературной работы и вот почему я называю А. А. Блока моим литературным “крестным отцом”.

Каждое лѣто Блоки уѣзжали в имѣніе “Шахматово” (за исключеніем лѣт, когда выѣзжали за границу — 1911 и 1913 гг.) и проводили внѣ Петербурга три-четыре мѣсяца.

У Александра Александровича был хорошій велосипед марки “Дукс” — красной эмали и с ослѣпительной никелировкой руля, педалей, втулок и ободов колес.

Уѣзжая на лѣтній отдых, “в деревню”, как любил выражаться поэт, Александр Александрович не брал с собою велосипеда, говоря, что дороги в російской провинціи еще не приспособлены для велосипеднаго спорта, и потому оставлял своего “краснаго стального коня” (любимое выраженіе А. А. Блока и Е. П. Иванова) на попеченіе “дяди Жени”.

Ивановы каждое лѣто уѣзжали из Петербурга на дачу; сперва ежегодно они снимали дачу в поселкѣ “Песчанка” близ станціи Сиверской бывш. Варшавской желѣзной дороги, а послѣдніе 5-6 лѣт перед революціей в Царском Селѣ (гдѣ постоянно жила наша семья), и вмѣстѣ с ними красный Блоковскій “Дукс”, в парѣ с черным велосипедом Евгенія Павловича, тоже выѣзжал на царскосельскую дачу.

На этом самом — красном с блестящей никелировкой — блоковском “Дуксѣ № 1” “дядя Женья” научил меня “велосипедной мудрости”, как он говорил, и все лѣто 1913 года я пользовался велосипедом А. А. Блока.

В своем письмѣ к Е. П. Иванову от 13 сентября 1908 года из Шахматова А. А. Блок упоминал об этом велосипедѣ так:

“Ах, да, велосипед Дух очень хочу купить, но вот что: не могу заплатить 1 октября 40 рублей. Если бы можно было назначить первый взнос не позже 15-го, то куплю непременно”.

И этот велосипед был куплен Блоком.

Осенью 1913 года, при встрѣчѣ у Ивановых с А. А. Блоком, я благодарил поэта за его разрѣшеніе пользоваться цѣлое лѣто его велосипедом и рассказал ему, какія, благодаря его разрѣшенію, интересныя экскурсіи совершались мною в компаніи с “дядей Женей”, по Царскосельским и Павловским паркам, а также по дорогам из Царскаго Села в Гатчино, Тосно, Красное Село, Пулковое, Петергоф.

— По окіян-мору катались? — спросил он с улыбкой.

— По какому океан-мору? — удивился я.

— Так, Алеша, я называю площадь у Екатерининскаго дворца в Царском Селѣ. Люблю “нырять” на велосипедѣ в воздухѣ этой площади; чувствуешь себя, словно на кораблѣ в морѣ или — в воздухѣ на сказочном коврѣ-самолетѣ... И само собою поется корсаковское “На теплом, синем морѣ, у острова Гурмыса, гдѣ волны плещут пѣну у диких скал прибрежных”, — тихонько и не очень вѣрно напѣл он жиденьким баритончиком, и продолжал: “Помните “Садко”? Или еще не слышали? Чудеснѣйшая опера, Алеша...”

Разговор этот происходил в Царском Селѣ на дачѣ Ивановых в домѣ Сучкова, стоявшем на углу Песочной улицы и Кузьминскаго (теперь — Октябрьскаго) бульвара, куда изрѣдка пріѣзжал Александр Александрович (большею частью один, без Любви Дмитриевны) и всегда наслаждался, в компаніи с Евгеніем Павловичем, велосипедными, а, в особенности, пѣшими прогулками по Царскосельским паркам.

8.

Александр Александрович Блок скончался 7 августа 1921 года, то-есть через неполных четыре года послѣ Октябрьскаго переворота в Россіи, разочаровавшись в новых системѣ и власти.

Ранней весной 1936 года я был на Смоленском кладбищѣ в Ленинградѣ и — из-за отсутствія тогда сторожей на кладбищѣ или какого-нибудь справочнаго учрежденія — долго искал могилу поэта и, наконец, нашел ее.

Намогильный холм покрылся дикой, буйной травой и было видно, что к ней “заросла народная тропа”; деревянный крест, раньше стоявшій в головѣ могилы, лежал около нея, подгнившій и упавшій, к счастью — надписью вверх, что и позволило мнѣ опредѣлить мѣсто упокоенія Александра Александровича.

Теперь, судя по данным, попавшим в печать, останки поэта перенесены на Волково кладбище в Ленинградѣ и там покоятся рядом с останками многих писателей на Литераторских мостках. Прах поэта был перенесен послѣ окончанія Второй міровой войны.

Там покоится прах “Саши”, а гдѣ покоится прах его друга — “Жени” — неизвѣстно; в осажденном нѣмцами Ленинградѣ умирало в 1942-1943 гг. несмѣтное количество жителей, умерло от голода около трех милліонов человѣкъ и хоронили их — в огромных братских могилах.

...Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрят царствіе Твое!

(Александр Блок).

9.

“Отрезвление” А. А. Блока началось вскорѣ же послѣ ленинского переворота и оно уже было в період созданія “Двѣнадцати”, то-есть было уже в январѣ 1918 года, как об этом повѣдал мнѣ нѣсколько позже Евгеній Павлович Иванов (в період начала большевицкой революціи мнѣ лично не приходилось встрѣчаться с поэтом).

Евгеній Павлович говорил мнѣ при жизни Блока (вѣроятно, в 1919 году или в самом концѣ 1918 года):

— Говоря между нами, строго между нами, Саша удивлен и поражен, что до сих пор никто не понял и не понимает, что во многих своих частях “Двѣнадцать” и сатиричны и даже саркастичны, а нѣкоторые моменты окарикатурены совершенно явно, вся революція описана с явной насмѣшкой. Да и сама форма поэмы, вплотную подходящая к русской частушкѣ, уже говорит за это: серьезный автор, поэт-мистик Блок, вдруг выбрал для монументально-революціоннаго произведенія, каким признали его новую поэму, частушечную, в основѣ своей — шуточную форму...

Меня это высказываніе Е. П. Иванова страшно поразило; он замѣтил это и продолжал:

— Так и Саша смотрит на “Двѣнадцать”, но сохраняет серьезность и поддакивает, не разоблачая себя, чтобы не оказаться на Гореховой 2 (Петроградская Чека. — А. У.). Ты помнишь слова о плакатѣ по передачѣ всей власти учредительному собранію? Там сказано, что старушка думает, смотря на этот плакат: “Сколько бы вышло портянок для ребят, А всякій — раздѣт, разут...”. Вѣдь, в этих строках сквозит явная насмѣшка. А описанное поэтом собраніе падших женщин, организующих чуть ли не профессиональный союз проституток и устанавливающих общую тарификацію труда? Саша об этом говорит как бы серьезно, но, если вдуматься, какая это сатира, издѣвательство поэта над современностью. А возьми это: идут “двѣнадцать” и дана

их точная фотографія: “В зубах — цыгарка, примят картуз”... Развѣ это не карикатура? И, в дополненіе, тут же, рядом: “На спину б надо бубновый туз!”. Кому на спину ставили эту “эмблему” ? — Убійцам-каторжанам. Значит, Саша считает, что революція, ея вожди опираются на типы каторжные, достойные только каторжной эмблемы, то есть — по мысли поэта — всѣ они преступники...

Евгеній Павлович и дальше развивал, подтверждая, что не от себя, а со слов “Саши”, идею заложенных в поэму карикатуры и сарказма, — карикатуры на дѣйствительность, и говоря, что до сих пор еще (!) не замѣтили и не поняли критики, писатели, поэты, власть имущіе и другіе “Эзопова языка”, на чем построена вся поэма.

(Замѣтим в скобках, что “Двѣнадцать” и до сих пор не разсматриваются так, как их толковал Е. П. Иванов по разъясненію самого автора поэмы, и только очень немногіе разсматривают ее, как сатирическое произведеніе!).

Послѣ смерти А. А. Блока, по возвращеніи Е. П. Иванова из ссылки в Великій Устюг, у меня опять зашел разговор с ним о “Двѣнадцати”, и он, в дополненіе к тому, о чем говорил раньше, в полном убѣжденіи в правильности своих разъясненій, остановился подробно на том, что Блок признавал только полную свободу и считал, что частичная свобода — не свобода; поскольку совѣтская власть не признавала, фактически, свободы совѣсти и культа, — “Саша” не считал большевицкую “свободу” свободой и выразил это очень коротко, но очень впечатляюще:

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

И, маскируя этот дважды в poemѣ повторяющійся возглас, — говорил Е. П. Иванов, — поэт в первом случаѣ отвлекает вниманіе от этого антиреволюціоннаго заключенія дробью пулемета — “Тра-та-та!”, а во второй раз “безстыдной” подробностью:

Катка с Ванькой занята —
Чѣм, чѣм занята?

— Смотри, Алеша, дальше: герои поэмы летят по улицам Петрограда на лихачѣ, и вдруг в повѣствованіе, идущее как будто на нормальном литературном уровнѣ, врывается опредѣленно-насмѣшничавшее:

Електрическій фонарик
На оглобелях...

— Тут можно было бы сказать “электрический”, а Саша хотѣл высмѣять эту пару, несущуюся впервые на лихачѣ, и дал саркастическій “электрический фонарик”, — так, как он воспринимается их представлением... Да смотри, кто же летит на лихачѣ? Смотри по тексту: “он” — “с физиономіей дурацкой”, “она” — “толстоморденькая”. Значит, Ленин, совершая революцію в Россіи, дѣлал ее руками убійцаторжан, которым на спину надо б “бубновый туз”, и... руками дураков!

Так медленно, по всей поэмѣ, Евгений Павлович убѣждал меня в том, что она до сих пор не понята, как насмѣшка над революціей большевиков (тогда говорили не “коммунисты”, а “большевики” и партія их тогда еще называлась — Россійская Соціал-Демократическая Партія (большевиков): Р.С.Д.П.(б.).

— Понял ли ктонибудь из читавших поэмѣ “Двѣнадцать” это сильное опредѣленіе стараго міра? — продолжал дядя Женья. — Слушай:

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос,
А старый мір, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Евгений Павлович продолжал, подчеркивая голосом подчеркнутыя здѣсь курсивом слова поэмѣ:

— И вслѣд за этим — шуточное с двумя разными удареніями в одном и том же словѣ, чтобы замаскировать созданное предыдущими словами впечатлѣніе:

Разыгралась чтой-то *вьюга*,
Ой, *вьюга́*, ой, *вьюга́*!
Не видать совсѣм друг друга
За четыре за шага.

— А посмотри, каким серьезным укором звучит:

И идут *без имени святого*
Всѣ двѣнадцать — вдаль,
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.

— И опять сразу же поэт переходит для маскировки только что сказаннаго — на шутку:

Их винтовочки стальные
На *незримаго* врага...
В переулочки глухіе,

Гдѣ одна пылит пурга...
 Да в сугробы пуховые —
 Не утянешь сапога...

— Эти “винтовочки” отвлекают от сурового приговора поэта в отношеніи “двѣнадцати апостолов” революціи, и поэт устанавливает, что они идут с винтовочками “на незримаго врага”, то-есть врага-то они не видят, его — попросту — нѣтъ. Значит, не оправдана вся жестокость совершенной при помощи их революціи.

Послѣ этих разговоров с Е. П. Ивановым и его разъясненій, я тоже не могу воспринять поэму “Двѣнадцать” иначе, как сатирическую и саркастическую пародію поэта на происходившія тогда в Россіи событія.

Не Е. П. Иванову ли было знать “установки” Блока и его взгляды?

И если мнѣ приходится читать вслух “Двѣнадцать”, я и читаю эту поэму, как сатиру на Октябрьскую революцію, разгон учредительнаго собранія большевиками, их жестокости и порожденную ими систему.

До сих пор очень многіе критики, поэты, общественные дѣятели (напримѣр, из поэтов — покойный С. К. Маковский в своей книгѣ “На Парнасѣ серебрянаго вѣка”, — тот Маковский, который *всегда* с распростертыми объятіями встрѣчал А. А. Блока в редакціи своего журнала “Аполлон” и чуть ли не охотнѣе, чѣм другим поэтам, предоставлялъ страницы журнала под его стихи) обвиняют А. А. Блока в кощунствѣ за то, что он впереди разбойников революціи поставил Иисуса Христа:

В бѣлом вѣнчикѣ из роз
 Впереди — Иисус Христос.

И всѣ, обвиняющіе Блока, не хотят понять того, что у Блока Иисус Христос идет не с революціонерами-преступниками, а — впереди их, это они (революціонеры-преступники) *идут за Ним*.

Именно все это очень важно для пониманія заключительных слов поэмы.

Поэт видѣлъ (вспомним слова Е. П. Иванова: “Саша видит дальше нас, глубже нас, зорче нас...”), что придет, наступит такой момент, когда разбойники, убійцы, революціонеры, дураки, прозрѣвши истину, пойдут за Христом, как нѣкогда Савл, гнавшій Христа, прозрѣлъ и пошел за Христом в качествѣ *равноапостольнаго* Павла.

Может быть не на нашей жизни, а послѣ нас, но произойдет то, что, за гранями досягаемости нашего обычнаго предвидѣнія, провидѣлъ поэт, — двѣнадцать преступников-революціонеров сдѣлаются двѣнадцатью равноапостольными Павлами.

Это убѣжденіе поэта подтверждает и характерное впереди слов

многогочіе: "...Так идут державным шагом...". Этим многогочіем показано, что заключительный марш двѣнадцати с окровавленным их флагом в руках Христа (символ прощенія!) произойдет не сразу, должен быть какой-то историческій перерыв (десятилѣтія для исторіи — лишь миги).

Для меня безусловно — в русском фольклорѣ есть совершенно ясный прототип поэмы А. А. Блока, и об этом я подозревал и говорил, упоминая даже на своих лекціях по исторіи русской литературы XIX и начала XX вѣков, раньше того, как нашел подтвержденіе своему убѣжденію.

Есть народная или псевдо-народная пѣсня, которая называется "Двѣнадцать разбойников" или "Кудеяр", и которую так чудесно исполняет хор под управленіем Сергѣя Жарова; Кудеяр — имя атамана, возглавлявшаго эту жестокою шайку, занимавшуюся убійствами и грабежами, как и "Двѣнадцать" Блока.

Послѣ каждого куплета указанной пѣсни, рассказывающей о разбойных подвигах, исполняется припѣв, начинающійся словами — "Господу Богу помолимся...".

К концу пѣсни Кудеяр раскаивается в своих преступленіях (Савл-Павел?) и идет замаливать свои разбойничьи грѣхи в монастырь, приняв постриг под именем Питирима.

И никто не считает эту пѣсню кошунственной, христіански и православно настроенные люди ее слушают в исполненіи многих русских хоров, и на концертах, и в записи на грамофонных пластинках.

Блоковскіе же разбойники, в концѣ концов пошедшіе за Христом, отдавшіе Господу Богу свой кровавый флаг, признаются кошунством, — почему?

Нѣсколько лѣт тому назад, обсуждая "Двѣнадцать" А. А. Блока с профессором русского языка и литературы Женевского университета А. М. Соловьевым, я высказал свою мысль о связи поэмы с разбойничьей русской пѣсней "Кудеяр", и к глубокому своему удивленію и глубокой радости услышал от проф. А. М. Соловьева сообщеніе, что ему доподлинно извѣстно, что на послѣдней страницѣ сохранившейся в СССР черновой рукописи поэмы "Двѣнадцать" сдѣлана рукою поэта карандашная надпись: "Кудеяр".

Так было подтверждено мое убѣжденіе и была твердо установлена связь поэмы А. А. Блока "Двѣнадцать" с русской разбойничьей пѣсней "Двѣнадцать разбойников" ("Кудеяр").

10.

В октябрѣ 1966 года я получил от одного русского научнаго работника, живущаго за границей, знающаго, что я интересуюсь вопросами, связанными с А. А. Блоком и опровергаю неосновательное мнѣніе нѣ-

которых, которые считают поэта кощунником, свѣдѣнія о том, что в газетѣ “Руль”, издававшейся на русском языкѣ в Берлинѣ под редакціей В. Набокова (отца нынѣ здравствующаго писателя Набокова-Сирина), в 1922 году было опубликовано посмертно (А. А. Блок умер 7 августа 1921 года) стихотвореніе-письмо поэта к литератору Лео (?) датированное 19 іюля 1920 года, то-есть почти за год до смерти поэта и, примѣрно, через полтора года послѣ появленія “Двѣнадцати” в печати.

Благодаря моего корреспондента за сообщеніе мнѣ этого факта, привожу стихотвореніе-письмо полностью по тексту, появившемуся в газетѣ “Руль”:

Я вижу дѣвическій лик
 И вижу нечисть и проказу.
 Не обвиняй, что я не сразу
 Все понял и не все постиг.
 Прости, так хочется любить,
 Прости — так хочется повѣрить.
 Я чашу всю готов испить,
 Чтоб только прошлое похерить.
 Мнѣ тяжело — я не могу...
 Мнѣ холодно: в душѣ мороз.
 Но, милый Лео, — я не лгу —
 Грядет уже, грядет Христос.
 И в древнем храмѣ будем мы
 Молить с тобой колѣносклонно,
 Чтоб Дѣва-Мать из тяжелой тьмы
 Взяла нас в Сад Свой благовонный...
 Живем в великіе вѣка:
 Все сбито, спутано и сжато...
 Но развѣ прежде так легка
 Была нам жизнь с тобой когда-то?..
 А эти хари, рожи, гниль
 Уйдут, как сны ночей кошмарных.
 И будет слезна наша быль.
 Страдай, молись, неблагодарный!
 В глуши, в убогонькой церковкѣ
 Под пѣнье, лада, блеск свѣчей,
 Смиренно стоя у дверей,
 Смотрѣть нам будет так неловко —
 Как люди выйдут из звѣрей.

19 іюля 1920 г.

Мнѣ хочется только коротко прокомментировать это говорящее са-

мо за себя, *страшное* по своему существу стихотворение, отразившее духовныя переживанія поэта середины 1920 года.

Первыя восемь строк стихотворенія слѣдует отнести к первым моментам русской революціи, которую поэт *пріял*, но очень разочаровался вскорѣ же. Как убѣждал меня Е. П. Иванов, Блок увидѣл всю превратность революціи, но глубоко вѣрил, что христіанство побѣдит, и концѣ концов, разгул атеизма и всеобщаго разрушенія.

Процитированное выше стихотвореніе совершенно опредѣленно связано с концом поэмы “Двѣнадцать”: в двѣнадцатой (!) строкѣ стихотворенія-письма поэт написал — “Грядет уже, грядет Христос”. — Это тот Христос, который появился в послѣдней строкѣ поэмы “Двѣнадцать”.

Как же можно назвать А. А. Блока кощунником и атеистом, когда он в четвертой строфѣ стихотворенія-письма говорит о Матери-Дѣвѣ, которую он будет молить “колѣносклонно” взять его и адресата письма в “Сад Свой благовонный”?

Разочарованіе в наступившей послѣ революціи (прославляемаго “Октября”) жизни заключено в лаконической формѣ в восемнадцатой строкѣ стихотворенія-письма — “Все сбито, спутано и сжато...” и — надо сказать — так остается до сих пор на просторах нашей родины. Но поэт вѣрит, что рано или поздно это минует:

А эти хари, рожи, гниль
Уйдут, как сны ночей кошмарных...

И поэт провидит (вспомним утвержденіе Е. П. Иванова о том, что “Саша видит дальше нас, глубже нас, зорче нас”), что на фонѣ православной “церковки” (большіе храмы будут уже уничтожены или закрыты, — так провидѣл поэт!) “из звѣрей” (пришедших с Октябрем в Россію и распоряжавшихся ея судьбами) выйдут люди, то-есть побѣдит религія (христіанство) и люди обрѣтут снова Божій лик, и это опять разительная параллель между “Двѣнадцатью” и стихотвореніем-письмом.

Там —

В бѣлом вѣнчикѣ из роз
Впереди Иисус Христос.

Здѣсь —

В глуши, в убогонькой церковкѣ
Под пѣнье, ладан, блеск свѣчей,
Смирненно стоя у дверей,
Смотрѣть нам будет так неловко —
Как люди выйдут из звѣрей.

Да, когда-то это так будет, и душа поэта, “смирненно стоя у дверей”, будет со смущеніем наблюдать, как люди-звѣри превратятся в христіановъ людей и пойдут за Христом — “Впереди Иисус Христос”.

Развѣ послѣ всего этого можно утверждать, что Блок был атеистом?

Развѣ послѣ этого можно говорить, писать и утверждать, что Блок был кощунником?

Развѣ послѣ этого можно настаивать на том, что у Блока якобы не было патріотическаго чувства, что он в душѣ был интернаціонален?

Развѣ недостаточно теперь свидѣтельств о том, что поэт разочаровался в революціи и искренно вѣрил в возрожденіе Россіи, — Россіи не дореволюціонныхъ основ, а Россіи, взявшей все хорошее от стараго и хорошее новое, — вѣрил в возрожденіе нашей страны на основѣ христіанства и высокой морали?

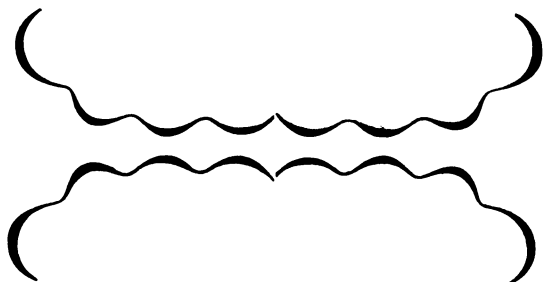
Поэт уже звал к этому обновленію Россіи, понимая, что... “прежде” не “легка была нам жизнь”...

Россія должна возродиться и в новой праздничной одеждѣ она пойдет за Христом в обликѣ честных и чистыхъ людей, сбросивших со своихъ ликовъ маски звѣря, надѣтая на них принудительно лихой рукой большевизма.

Александръ Александровичъ Блок в это вѣрил.

Поэт это провидѣл.

Алексѣй Угрюмов.

ПРИЛОЖЕНІЕ

К СТАТЬѢ “АЛЕКСАНДР БЛОК, ЕВГЕНІИ ИВАНОВ И ИХ ОКРУЖЕНІЕ”

БЛОКОВІАДА

I.

ИЗ ЦИКЛА — “ПОЭТЫ В ЦАРСКОМ СЕЛѢ”

АЛЕКСАНДР БЛОК

Заря свой розоватый глянец
На зелень парка навела.
Упал улыбчивый румянец
На гладь озерного стекла,
Алѣл в струѣ, текущей вѣчно,
И дѣву с урной освѣщал.
А Блок — в мечтаньях безконечный —
Душой и сердцем трепетал:
Он вспоминал, как в вѣк минувшій
Другой поэт стоял пред ней,
Как он, в раздумьях потонувшій,
Внимавшій зову лебедей.

Блок, полный трепетом горѣнья,
Взяв горсть сверкающей воды,
Воскликнул в радостном волненьи:
“Здѣсь всюду Пушкина слѣды!”
И шагом быстрым, шагом четким
Он заскользил во тѣмѣ аллеи,
И видѣл на озерах лодки,
И слушал клекот лебедей.
В его скользили вѣщем взглядѣ
Дѣла давно минувших лѣтъ
И в шумной юной кавалькадѣ —
Лицейскій юноша-поэт.

...Как знать (кто может разобраться
В чужой душѣ и в смѣнѣ дней?!),
Не создалось ли здѣсь “Двѣнадцать”
Под клекот грустных лебедей?!

II.

1912 - 1962

По углам сгущался мрак тревожный.
Свѣтъ от лампы ограничил стол.
Не дыша, неслышно, осторожно
Со спины я к Блоку подошел.

Он читал мои стихотворенья
И наморщил многодумный лоб.
У меня в груди — сердцебиенье
Клокотало из боязни, чтоб...

Вдруг ко мнѣ он повернулся рѣзко,
Произнес: "Вот этот стих неплох...".
Все в глазах поплыло: занавѣска,
Лампа, стол, и я совсѣм оглох. —

Я не вѣрил в тѣ мгновенья слуху,
Не видал написанных мной строк.
"Хорошо!" — мнѣ повторил над ухом
Незабвенный Александр Блок.

III.

Помнишь зимній Петербург,
Лихачей и санки,
Людный Невскій у Морской,
Дом твой на Фонтанкѣ?

Помнишь вечер, Лѣтній Сад
Бѣлый-бѣлый-бѣлый?
(Щеки, нос щипал мороз,
Все лицо горѣло.)

По дорожкѣ шел к нам Блок,
Мы к нему, — навстрѣчу.
Кутал щеки в воротник
Он в тот дальній вечер.

Это было Рождество,
Это был сочельник,

И крестьяне провезли
Для продажи ельник.

И, смѣшно скосив глаза,
Блок сказал: “Лѣсисто!”.
Искры уличных костров
Рвались в воздух мгlistый.

Мы втроем пошли бродить.
Холодно. Морозно.
Завязался разговор
Долгій и серьезный. —

Об искусствѣ, о стихѣ,
Сюннербергѣ, Пястѣ,
О театрѣ, о Дельмас,
Врубелевской страсти.

Колокольный гул поплыл.
Мы простились с Блоком.
На прощанье он сверкнул
Своим сѣрым оком.

Помнишь, — было Рождество,
Дом твой на Фонтанкѣ,
Блок, Нева, наш Петербург,
Лихачи и санки?

IV.

“ДВѢНАДЦАТЬ”

Двѣнадцать разбойников и Кудеяр,
Принявшій потом постриженье;
Вот русской природы — разбойный угар,
Вот русской души униженье.

Такіе ж двѣнадцать солдат без креста
Крушили людей без тревоги,
Но, все ж, на пути — различили Христа,
Пошли за Христом по дорогѣ.

Немногіе знают, как в душах у нас
Всѣ полюсы близки друг к другу:

Разбойная вольница, вѣры экстаз,
Лед сѣвера, тропики юга.

Свой путь выбирать мы порой не вольны —
Велѣнья касаются слуха;
Выносит нас буря на гребнѣ волны,
Диктуют велѣнія Духа.

Двѣнадцать разбойников и Кудеяр,
Принявшій потом постриженье.
“Двѣнадцати” буйный разбойный угар,
И вслѣд — во Христѣ униженье.

V.

*Дѣвушка пѣла в церковном хорѣ
О всѣх усталых в чужом краю,
О всѣх кораблях, ушедших в море,
О всѣх, забывших радость свою.*

Александр Блок.

О дѣвушкѣ, пѣвшей в церковном хорѣ
На дальней чужбинѣ, провидѣл поэт.
От родины нас отдѣляет море,
В церкви мы видим — родины свѣт.

Дѣвушка в хорѣ прямо и смѣло
Здѣсь, на чужбинѣ, поет канон.
Сколько поет здѣсь и сколько пѣло
Юных пѣвцов под церковей перезвон!

Голос у дѣвушки сладок и тонок,
Льется свободно в порывѣ святом.
К ней обернулся с иконы Ребенок
Тайнам причастным открытым лицом.

Дѣвушка знает и знают всѣ люди, —
Тѣ, что с ней вмѣстѣ молитву творят:
Она-то навѣрно на родинѣ будет,
А нам не вернуться с чужбины назад.

VI.

*Заплакали дѣвочка и мальчик
И закрылся веселый балаганчик.*

Александр Блок.

На площадкѣ балаганчик
Весь матерчатый.
Вспоминается мнѣ мальчик
Гуттаперчевый.

Как я плакал над рассказом
Григоровича,
Пожирая дѣтским глазом
Книг сокровища!

В каждом циркѣ и малюткѣ —
— Балаганчикѣ
Бродит вѣчной тѣнью жуткой
Призрак мальчика.

Сколько раз я в циркѣ ни был
(Хоть подсчитывай!),
Появлялась, словно с неба,
Тѣнь убитаго.

И сегодня тонкій мальчик
Гуттаперчевый
Посѣщает балаганчик
Весь матерчатый.

Алексѣй Угрюмов.

С. Ф. ПЛАТОНОВ — историк „Смутного времени”

Статья извлекаемая из архива А. М. Петрункевич представляет собой отголосок чувства горести и сознания невозвратимой утраты понесенной русской наукой, охватившего русское Зарубежье при извѣстїи о безвременной кончинѣ профессора Сергѣя Федоровича Платонова. Потеря эта особенно взволновала нынѣ покойнаго автора, связаннаго с С. Ф. Платоновым всей своей историко-педагогической дѣятельностью. С кончиной Платонова, непоколебимаго защитника подлинной русской науки, возникали опасенія о дальнѣйшей судьбѣ исторической науки в Россїи.

Мы знаем, насколько труден и опасен мог оказаться путь ученаго в СССР, а поэтому с особенной отрадой наблюдаем теперь, что наперекор “партийным рогаткам” преемственность со старой школой не утеряна. До признанія заслуг Платонова дѣло в Россїи еще не дошло. Но по его адресу уже не слышно эпитетов, которыми его награждали при жизни. Уже в 1937 г. его “Очерки по исторїи смуты в Московском государствѣ” были переизданы, а ссылки на его труды постоянно встрѣчаются у теперешних совѣтских историков.

Подлинный историк и не может иначе как с уваженіем отнестись к трудам Платонова и сама критика принимает академическія формы. Для теперешних историков в Совѣтском Союзѣ ряд взглядов Платонова “представляют собой достиженіе буржуазной науки” (“Исторія исторической науки в С.С.С.Р.”, т. III, 1963 г.). Н. А. Рубинштейн (Русская исторїографія, 1941 г.) подчеркивает, что в своей научной работѣ Платонов в значительной мѣрѣ был историком одной темы — историком “Смуты”, причем она в его пониманїи сводилась к проблемѣ “разрушенія и восстановленія государственнаго порядка”. Авторы же “Очерков исторїографїи” уточняют, что “общая концепція, положенная в основу трудов Платонова, отчетливо отражала его консервативно-монархическіе взгляды на историческій процесс”... “Другіе официальные историки, оставаясь по классовой сущности своих воззрѣній представителями дворянской исторїографїи, сильнѣе испытали воздѣйствіе либерально-буржуазных тенденцій в исторїографїи как слѣдствіе обуржуазиванія дворянства в условїях развитія капитализма по прусскому пути”.

Не всегда бывает легко читателю разбираться в замысловатых выводах совѣтских историков... Когда задумываешься теперь над трудами Платонова, невольно возникает мысль: не объясняется ли его исключительный интерес к эпохѣ Смутнаго времени предчувствіем новых великих потрясеній, как, например, у Достоевскаго? Во всяком случаѣ, со слов П. Б. Струве извѣстно, что с конца 1913 года его не покидает мысль о близости катастрофы.

Печатаемый нами очеркъ цѣнен тѣм, что охватывает не столько біографическіе факты жизни ученаго, как всю его научную дѣятельность. Для своего горячо любимаго учителя А. М. Петрункевич нашла мало подходящей условность трафаретнаго некролога. Она предпочла в сжатой и выпуклой формѣ отмѣтить заслуги Платонова перед отечественной наукой и дать ощущение движущаго его идеала: вѣры в конечную побѣду добра над злом, путем созиданія, а не злобнаго разрушенія. Было бы полезно и нашей молодежи задуматься над жизненным подвигом большого русскаго ученаго и человѣка.

Ред.

1.

О том, что 10 января 1933 г. в Самарѣ скончался Сергій Федорович Платонов, в ленинградской “Красной Газетѣ” было помѣщено объявленіе от “имени друзей и знакомых”. Ничего не было прибавлено к этому имени и я не знаю, много ли оно сказало рядовому читателю “Красной Газеты”? Ибо слишком хорошо извѣстно, до чего понизился уровень гуманитарных знаній в теперешней Россіи; оставившись на этом не стоит.

Поэтому нужно думать, что одно имя Сергія Федоровича, без каких бы то ни было объясненій, не остановило вниманія широких читательских кругов. Но по крайности, было ли оно достаточно извѣстно русским тамошним историкам, в значительной части своей ученикам либо Петербургской, либо Московской Исторических Школ?

Да. Имя Платонова они, конечно, знали; да, вѣроятно, и его самого. И зная, вот как они судили о нем.

Было это в 1930 году. Платонов уже был арестован и сидѣл в тюрьмѣ. Собралось Объединенное Засѣданіе “Ленинградскаго Общества Историков” и “Института Исторіи”. И на этом “объединенном засѣданіи” было сказано слѣдующее:

“По существу Платонов своеобразный придворный исторіограф, оправдывающій и прославляющій кровавую, — полную издѣвательств, преступленій и насилій — исторію дома Романовых”.

Понятно, что “кровавая”, “полная издѣвательств”, “преступленій”, “насилій” исторія глубоко возмущала Ленинградских Историков

и повинному в ея “оправданіи” профессору был вынесен приговор: “Работы академика Платонова должны быть квалифицированы, как историческое холуйство вѣрноподданнаго слуги дома Романовых”.

Как таковыя, книги Платонова были изъяты из обращенія и самое имя его вычеркнуто из числа академиков.

Но и этого показалось мало: историки новѣйшей формациі и на этом не успокоились, и один из них, на том основаніи, что “в древней Греціи казнили даже за политическую нейтральность”, нашел, что “в нашей дѣйствительности полагается за нее (нейтральность) разстрѣливать”.

При таком отношеніи могла ли кого нибудь, кромѣ “друзей”, смутить вѣсть о кончинѣ в дальней Самарѣ Сергѣя Федоровича?

Так было “там”.

А здѣсь “за рубежом”, для нас, утрата Платонова — двойной удар; субъективный — по личным чувствам и оцѣнкам всѣх, знавших и любивших его; и объективный — по сознанію огромности потери, понесенной в его лицѣ русской исторической наукой; потери тѣм болѣе чувствительной, что до сих пор, кажется, не видно достойных ему преемников и замѣстителей.

Именно объективная оцѣнка ученой дѣятельности почившаго академика и побуждает нас посвятить памяти Сергѣя Федоровича Платонова нижеслѣдующія страницы.

Я не буду останавливаться на біографіи Сергѣя Федоровича, которую мы знаем, хотя и в общих чертах, но на основаніи хороших источников, по крайней мѣрѣ для той стороны ея, которая здѣсь нас больше всего интересует.

Эти источники — три его автобіографических наброска:

1) В 1921 году он напечатал в историческом журналѣ “Дѣла и Дни”, издававшемся в Ленинградѣ, “Нѣсколько воспоминаній о студенческих годах”.

2) В 1927 году помѣстил о себѣ очерк в совѣтском журналѣ “Огонек” (№ 35, 28 августа 1927 г.).

3) И, наконец, в 1933 году была напечатана в нѣмецком журналѣ его автобіографія, написанная им в 1926 году и предназначавшаяся для предполагавшейся нѣмецкой серіи “Современная Историческая Наука в автобіографіях”.

Серія эта так и не вышла в свѣтъ, а матеріал, приготовленный Платоновым, был опубликован в посмертной статьѣ, ему посвященной проф. Отто Хетцшем в его “Журналѣ Восточно-Европейской Исторіи”.

Со скупостью непоказной скромности, С. Ф. сообщил нам в этих трех автобіографіях нѣкоторые данныя о себѣ, причем — и это надлежит отмѣтить — все вниманіе его обращено не на внѣшніе факты

жизни, а на факты его внутреннего духовнаго развитія, на генезис его “становленія” как ученаго.

Так и надлежало быть; с внѣшней стороны жизнь Платонова лишена каких нибудь ярких и крупных событій, каких нибудь “переломѣв”. “Событіями” были его ученые открытія, его труды, его книги.

Жизнь его текла ровно и спокойно, цѣликом отданная семьѣ. Ровно и спокойно ширилась эта жизнь и углублялась, подобно нашим тихим полноводным рѣкам, общая в своем разливѣ принести еще новыя научныя богатства.

Признаніе его ученых заслуг, его административных способностей, цѣнных свойств его характера постепенно открывало перед ним все болѣе широкія поприща и не раз перед войной его прочили на высшіе посты по Министерству Народнаго Просвѣщенія; но от этого он всегда твердо уклонялся: узкаго служилаго честолюбія у него не было и все, что отвлекало его от чисто научнаго пути, было ему тягостно: он был прав — и тѣ, кто считал его, — вопреки мнѣнію нѣкоторых, — совершенно не “чиновником” и не “сановником”.

В 1916 г. С. Ф. покончил с разнообразными своими “службами”, подал в отставку, сохранив за собою только нѣсколько лекцій в университетѣ, и готовился посвятить остаток своей жизни наукѣ.

Так бы оно, вѣроятно, и было, если б не роковыя событія 17-го г. Они все перевернули.

Сперва, по словам С. Ф., переворот пощадил его и его семью, однако, эта “пощада” длилась не долго: едва одно десятилѣтіе. За это время его ученые заслуги даже как будто цѣнились: он был назначен предсѣдателем Археографической Комиссіи, три раза командировался за границу; казалось, — его ученой работѣ не хотѣли мѣшать.

Но это лишь казалось.

В послѣднюю свою заграничную поѣздку в 1928 г. он участвовал вмѣстѣ с М. Н. Покровским, офиціально возглавлявшим русских историков на сѣздѣ их в Берлинѣ, в так называемой “Недѣлѣ Русских Историков”.

И вот тут-то, по свидѣтельству очевидцев, почет, которым окружили нѣмцы Платонова в ущерб всѣм другим офиціально гораздо болѣе важным делегатам, ясно показал, *кого* считает ученая Германія дѣйствительным представителем русской исторической науки и не только дѣйствительным, но *славным* ея представителем.

Говорят, будто послѣдовавшій в январѣ 1930 г. арест С. Ф. произошел именно по доносу того, кто был специально задѣт не ему оказанным признаніем и уваженіем.

Платонова обвинили в “сношеніях с заграницей”. За это преступленіе его посадили в тюрьму, в которой он просидѣлъ 20 мѣсяцев.

Тѣм временем обвиненіе в сношеніях с заграницей смѣнилось другим, болѣе тяжким: теперь он обвинялся в “монархической идеологіи”.

Всегда сдержанный, мягкій в обращеніи и твердый в убѣжденіях, совершенно чуждый всяких крайностей и того, что он называл “кликушеством”, чуждый политикѣ, С. Ф. на допросах ГПУ не подумал ни отречься от своего образа мыслей, ни изворачивать его. На всѣх допросах он отвѣчал так прямо, ясно и честно, что отвѣты его производили глубочайшее впечатлѣніе на самих слѣдователей и невольно побуждали их. По нѣкоторым свѣдѣніям именно это личное обаяніе, производимое Сергѣем Федоровичем на тѣх, кто должен был вести его “дѣло”, заставило высшее начальство постоянно смѣнять слѣдователей и может быть оттого-то и “слѣдствіе” тянулось так долго.

Но до “суда” дѣло так и не дошло: *суда* над Платоновым *не было*. Безо всякаго суда его просто сослали на 5 лѣтъ в Самару, лишив всяких средств существованія.

В сентябрѣ 1931 года Платонов выѣхал туда. Там в условіях, которыя нам всѣм хорошо извѣстны, сердечная болѣзнь, полученная за полуторагодовыя мытарства тюрьмы, слѣдствія и суда, стала быстро развиваться; лѣчить же ее ни обстановка, ни возможности не позволяли, и вот почему тихая, замкнутая жизнь большого русскаго ученаго закончилась в зловѣщем отблескѣ русских страданій, каких теперь много.

Возвращаясь к началу так трагически окончившейся жизни, прежде всего останавливаюсь на одном свѣдѣніи из ранней біографіи Сергѣя Федоровича, им самим подчеркнутом, что знаменательно.

“Хотя, — говорит он, — я родился 16 іюня 1860 г. в Черниговѣ, однако, родители мои были природными москвичами и всѣ мои родственныя связи находились в Москвѣ”.

И далѣе он прибавляет: “Но не только происхождение, но и сознательная вѣрная привязанность к Москвѣ с ея святынями, исторіей, с ея особенным жизненным укладом, сдѣлали моих родителей, а через них и меня самого патриотом Великороссіи”.

Итак Платонов, во-первых, сознательный Великорусскій патриот, во-вторых, этим патриотизмом, своей сознательной вѣрной привязанностью к Москвѣ, он обязан своей семьѣ, в частности, как видно из многих мѣст его біографіи, своему отцу, котораго он крѣпко любил и чтил.

Эти двѣ черты, вынесенныя им из дѣтства, красной нитью прошли через всю его жизнь. Всю свою жизнь Сергѣй Федорович и как человек, и как ученый ощущал себя великороссом и не только великороссом, но и гражданином великодержавной Имперіи, выросшей из Московских корней и расцвѣтшей в С.-Петербургскій період; и во всю свою жизнь он ни разу не измѣнил тому высокому представленію о семьѣ и семейном началѣ, которое он вынес из своих собственных дѣтских впечатлѣній.

Еще одна характерная для Платонова черта: тот же отец, залo-

жившій в мальчикѣ любовь к Москвѣ и к Великороссиі, пробудил в нем страстную охоту к чтенію. Восьми лѣтъ Платонов уже зачитывался Карамзиным и Пушкиным, при чем послѣдній настолько побѣждал, что по окончаніи гимназіи юноша избрал историко-филологическій факультет не для занятій исторіей, а для того, чтобы, говоря его словами, “получить литературное образованіе на философской основѣ”.

Однако, университет, в который Платонов поступал, как в святилище, с самыми радужными надеждами, не дал ему того, что он искал. “Профессора, которых факультет послал на 1-ый курс, не были из тѣх, которые могли бы нас увлечь”, признается он сам. Но так было только по части словесности. Иначе обстояло дѣло с “историками”.

Отношеніе человѣка к своим учителям и предшественникам, особенно, когда этот человѣкъ сам “ученый”, вдвойнѣ показательно: во-первых, для усвоенія генезиса его ученых взглядов и идей, и преемственности его идеологических навыков и приѣмов; во-вторых, для психологической оцѣнки самого человѣка: ибо так часто люди забывают то, чѣм они обязаны своим предшественникам и так легко приписывают все только себѣ самим.

У Платонова, — и это одна из привлекательнѣйших его черт, — этого совсѣм не было, и его воспоминанія об университетских его профессорах дышат такой теплотой, которая дает одинаково ярко почувствовать и его учителей, и его собственную душевность.

Итак, вот что он записал о своих учителях:

“Наибольшее вліяніе оказал на меня профессор Русской Исторіи Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Он пріѣхал с каникул поздно, только в октябрѣ, и явился к нам уже послѣ того, как мы перезнакомились со всѣм профессорским составом.

“Нас прежде всего заняла его внѣшность... Он не носил виц-мундира, обычнаго у других преподавателей... на Бестужевѣ всегда был фрак. Он потому бросался в глаза, что Бестужев носил его, как истый барин, свѣтскій человѣкъ. По пятницам утром мы всегда с интересом наблюдали, как по коридору шли, дружески разговаривая, Бестужев и Сергѣевич, каждый в свою аудиторію.

“Красавец и щеголь Сергѣевич казался очень благовоспитанным и сытым человѣком. Тѣ же черты благовоспитанности отличали и тонкую крупную фигуру Бестужева с его характерным смуглым, семитического типа, лицом с сѣдѣющими длинными кудрями.

“Оба эти профессора являлись нам как бы избранными, высшими представителями профессорской коллегіи, ея украшеніем и славою.

“Войдя в аудиторію, Бестужев своими близорукими, живыми и добрыми глазами оглядывал нас, садился в кресло... нѣсколько раз проводил рукой по своему высокому лбу и тихо произносил первыя слова лекціи, так тихо, что обычно мы этих слов не слышали. Со второй фразы уже начиналось всѣм слышное изложеніе и сколько в нем было для нас наслажденія!

“Бестужев не был оратором, он не читал, а просто “бесѣдовал”, не заботясь о формѣ своей рѣчи. Бесѣда захватывала его самого настолько, что он забывал обстановку... Перед нами был человек широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великодушно знавший свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики.

“Мы жили в новой для нас области русской историографии, в каком-то ученом братствѣ, гдѣ все дышало одними общими научными интересами и жаждою народного самопознания.

“Работа на ученом поприщѣ родной исторіи являлась перед нами в ореолѣ духовнаго подвижничества и сулила высшее духовное удовлетвореніе.

“Какою-то поэзіей ученаго труда обвѣвала нас быстрая, воодушевленная, блиставшая остроуміем рѣчь Бестужева и жаль было провожать его из аудитории, и пріятно было ждать слѣдующей пятницы...”.

В своей пѣмечкой автобіографіи Платонов еще добавляет:

“За первые два года моего пребыванія на историко-филологическом факультетѣ никто не мог сравниться по глубинѣ вліянія на слушателей с Бестужевым”.

И, однако, несмотря на все его увлеченіе Бестужевым, чего-то существенно-важнаго не хватало юношѣ Платонову на историко-филологическом факультетѣ. Это “недостающее умственное возбужденіе” он нашел у профессоров Юридическаго факультета Градовскаго и Сергѣевича. Их он слушал по собственному признанію “с великим увлеченіем”, а что он от них пріобрѣл, изложу его собственными словами:

“Впервые на лекціях Градовскаго сложились мои представленія о государствѣ и обществѣ, о цѣлях государства, об отношеніи государства к личности и о благѣ личной свободы и независимости. Либеральному Градовскому обязан я тѣм упорством, с которым я в теченіе всей моей жизни противился всякой партійности и кружковщинѣ и горячо отстаивал право каждой личности осуществлять свои силы и способности сообразно своим внутренним побужденіям. То сильное вліяніе, которое оказали лекціи Градовскаго на мою душу, заставляет меня признать его моим Учителем в лучшем смыслѣ этого слова”.

Иное давал Сергѣевич: “Лекціи его были верхом изящества, а сам лектор был красив, наряден и изящен. Он говорил великодушно. Звучная и гладкая фраза всегда заключала в себѣ точную и ясную мысль, поражала силою анализа при разборѣ древних документов и при характеристикѣ древних правоотношеній. Острая логика лектора покоряла слушателей и мѣшала им замѣтить чересмѣрную прямолинейность заключеній и пренебреженіе к исторической перспективѣ ради схематической и юридической ясности. Сергѣевич любил схемы и знал документы, но, думаю, он мало знал и понимал старую русскую жизнь, потому что был мало знаком с современным народным бытом.

“Вліяніе его на мою голову было иным, чѣм вліяніе Бестужева и Градовскаго: в преподаваніи этих двух был силен элемент моральный..., хотя они и дѣйствовали как бы в противоположном направленіи, ибо Градовскій был несомнѣнным Западником, тогда как Бестужев стоял близко к Славянофилам... *Но оба они проникали в сердце и совѣсть, заставляли искать идеала и моральных устоев. В их изложеніи исторія давала матеріал для оцѣнки настоящаго и заставляла юношу продумать свое отношеніе к народности и государству.*

“У Сергѣевича же исторія превращалась в ряд схем, иногда картин, великолѣпно изображенных. В них поражало совершенство техники, красота метода и стиля. У Сергѣевича хотѣлось быть лектором, но в нем не было ничего воспитывающаго и морально руководящаго”.

Остановимся на этих трех характеристиках первых учителей Платонова.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в них, в этих характеристиках, содержится не только оцѣнка лично *их*, но и выражен тот идеал профессора — “Учителя” с большой буквы, который предносился самому Платонову, когда он сам стал профессором, а для многих и “Учителем”.

Повторяю еще раз тѣ требованія, которыя предъявлялись им особенно профессору родной исторіи:

Он должен умѣть “проникать в сердце и совѣсть, заставлять искать идеала и моральных устоев”; “Исторія должна давать матеріал для оцѣнки настоящаго и заставлять *продумывать* свое отношеніе к *народности и государству*”. И думая так, Платонов не отходил от традицій своих великих предшественников — Соловьева и Ключевского.

Возвращаюсь к его біографіи.

Переход на III курс был в жизни студента значительным моментом: надлежало опредѣлить свою специальность. Выбор Платонова был сдѣлан: “Бестужеву и Градовскому, — свидѣтельствует он, — я обязан тѣм, что сдѣлался историком и специально русским историком”. Мысли о литературѣ, о писательствѣ были оставлены: Карамзин побѣдил Пушкина.

Третьекурсникам Бестужев предложил начать болѣе самостоятельную и углубленную работу и для этого избрать себѣ темы, либо из тѣх, которыя предлагались профессором, либо из самостоятельно найденных. Платонов именно так и поступил.

Однако, мало было выбрать тему; от профессора ждали указаній, как практически к ней приступить; *за что* взяться сначала, как вести изысканія дальше. И вот тут-то Бестужев разочаровал своих учеников: никаких совѣтов, никаких указаній ни до, ни послѣ он им не дал: приходилось итти ощупью и наугад. Конечно, говорит Сергѣй Федорович, “это происходило не от недостатка свѣдѣній и не от недостатка

суждений. Это был просто прием отношенія к учащимся, или же недостаток приема?”.

Но то, чего не дал Платонову Бестужев, с лихвою возмѣстил 4-й и послѣдній университетскій учитель его.

Встрѣча его на III курсѣ с профессором Васильевским, с тѣм, кого он называл впослѣдствіи “чудесным человѣком”, “замѣчательным ученым” и “незабвенным учителем”, — не менѣе крупное событіе в жизни Платонова-студента, чѣм выбор своею специальностью русской исторіи.

“На первый взгляд, — рассказывает С. Ф., — в Васильевском не было ничего замѣчательнаго. Довольно малаго роста, великорусскаго типа, с добродушным улыбающимся лицом, с кудрявыми волосами и густой бородой, одѣтый нѣсколько небрежно, он мог сразу понравиться, но не общался ничего особеннаго. На кафедрѣ он держался просто и скромно, говорил не особенно плавно и искал слова и выраженія. Нужно было нѣкоторое время, чтобы привыкнуть к его манерѣ читать, но к удивленію нашему слушать его скоро стало занимательно и пріятно. Чувствовалось, что перед нами умный и талантливый человѣкъ... Неловко изложенныя лекціи оказывались не только содержательными, но и красивыми, ясными и стройными. Онѣ ярко обрисовывали эпоху, давали отличныя характеристики лиц, чудесно вводили в исторіюграфію и знакомили с борьбой ученых мнѣній и с успѣхами научнаго знанія... В особенности любовались мы им в специальной аудиторіи, гдѣ среди сравнительно небольшой группы начинающих историков Васильевскій раскрывался вполне... Он ставил нас лицом к лицу с текстом первоисточника и воочію показывал, как из этого текста извлекать историческіе выводы... Мы вступали в самый процесс ученаго изслѣдованія и творчества и начинали понимать завлекательную прелесть успѣшнаго научнаго труда. И с какими милыми приемами у В. Г. Васильевскаго это дѣлалось! Ясная улыбка, беззлобивая тактичная шутка, самое благожелательное отношеніе к слушателям и чрезвычайная простота обращенія — эти свойства профессора чаровали нас... Первый из наших профессоров Васильевскій стал привлекать нас к составленію рефератов...”. Результатом всего этого было то, что “к концу учебнаго года предмет Васильевскаго и сам он в сознаніи нашем заняли первостепенное мѣсто, а подготовка к его экзамену составляла нашу главную заботу”.

Повторяю: тѣ научные приемы, которых не сообщил Платонову Бестужев, сообщил ему Васильевскій.

Весною 1882 г. С. Ф. окончил Университет со степенью кандидата, в слѣдующем 1883 г. была напечатана его первая работа (Замѣтки по исторіи Земских Соборов) и в этом же году 23-лѣтній ученый прочел свою первую лекцію на так называемых Высших Бестужевских Женских Курсах, гдѣ он замѣнил своего заболѣвшаго учителя. С этих пор и начинается его дѣятельность ученаго и профессора, от которой его оторвали только событія послѣдняго пятнадцатилѣтія.

II.

УЧЕБНО-ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
АКАДЕМИКА ПЛАТОНОВА

“В книгах посвященных специальности данного писателя полнѣе и лучше всего отражается весь его духовный облик, все его міросозерцаніе”. Эту фразу, принадлежащую не мнѣ, я охотно беру эпиграфом ко второй части настоящей статьи.

Как ученый, Платонов находил, что всякому историческому изложению должно предшествовать самое детальное изучение отдѣльных фактов на основѣ опять-таки детального изучения исторических текстов. Этому же изучению Платонов и отдал не мало сил и времени, заняв в качествѣ ученаго критика и издателя древних памятников совершенно исключительное, можно прямо сказать — единственное положеніе: равных ему в этом дѣлѣ у нас, пока, не было.

Вот почему и понятно, что именно его считали главой так называемой С.-Петербургской Исторической школы, причем главной отличительной ея чертой полагали специальное — нѣкоторые находили даже чрезмѣрное — критическое обслѣдованіе и изученіе первоисточников.

Острословы указывали, что Петербургская школа с изученія первоисточников и сдвинуться не могла, и что до реконструкціи, на их основаніи, прошлаго, дѣло у нея не доходило; но это замѣчаніе приложимо, конечно, никак не к Платонову, а, пожалуй, развѣ только к Бестужеву, который, дѣйствительно, находил, что для написанія Русской Исторіи время еще не наступило, и что русскіе историки должны, пока, ограничиться только установленіем строго провѣренных (на основаніи критически изученнаго документальнаго матеріала) голых фактов.

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Бестужев впал именно в то преувеличеніе, от котораго так настойчиво предупреждал Фюстель-де-Куланж: “Мы должны работать аналитическим методом, но мы не должны осуждать всякій синтез”. Только историческій синтез, как вывод из аналитически проработаннаго матеріала, увѣнчивает труд историка: но синтез этот не может, не должен быть поспѣшным: «*Pour un jour de synthèse, il faut des années d'analyse*». Платонов цѣликом осуществил в своей ученой дѣятельности эту знаменитую формулу своего старшаго современника и поскольку С.-Петербургская школа его времени значительно видоизмѣнилась, она в его лицѣ представила счастливое сочетаніе здравых сторон обѣих школ. Чтобы не возвращаться болѣе к этому вопросу, процитирую слѣдующій отрывок из нѣмецкой автобіографіи С. Ф.

“Помимо моих изслѣдованій, — пишет он, — я издал еще ряд критических этюдов по источниковѣденію, что по мнѣнію нѣкоторых ученых особенно характерно для меня, как для научнаго работника.

В нѣкоторыхъ статьяхъ по русской исторіографіи (напримѣр, Милюкова и Пичеты) склонность къ источниковѣдѣнію, старательное критико-аналитическое изученіе первоисточниковъ почитается главной чертой Петербургской Исторической Школы. В этомъ много правды. Бестужев, Васильевскій и другіе С.-Петербургскіе профессора прежняго времени почти исключительно давали своимъ ученикамъ темы из области критики и изученія текстовъ и воспитывали ихъ в мысли, что изслѣдовательская работа должна совершаться только на основаніи первоисточниковъ.

“Эту именно манеру работать я совершенно усвоил и дух школы, воспринятый мною от моихъ учителей, передалъ младшимъ поколѣніямъ. Я никогда не любилъ покидать твердой почвы критически провѣренныхъ фактовъ ради отвлеченныхъ построеній.

“Я изображаю на основаніи изученныхъ мною фактовъ и представляю читателю самому дѣлать надлежащіе выводы. Свою собственную философію я всегда оставлялъ для своего внутренняго употребленія”.

Первымъ печатнымъ трудомъ Платонова, напечатаннымъ в Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія в 1883 г., были “Замѣтки по Исторіи Московскихъ Земскихъ Соборовъ”.

Это было сокращеніе его кандидатской работы, “выводы и наблюденія, — говоритъ онъ, — которые по тому времени были новы”.

Сочиненіе это было отвѣтомъ на вышеупомянутое предложеніе Бестужева, но тема была дана не имъ, а избрѣтена самимъ молодымъ историкомъ и лишь одобрена Бестужевымъ. При этомъ любопытно отмѣтить, что выборъ этой темы стоялъ в прямой зависимости отъ переживавшагося тогда русскимъ обществомъ момента: в этомъ смыслѣ Платоновъ поступилъ такъ же, какъ раньше него поступали Тэнъ и Фюстель-де-Куланжъ. Время было Лорис-Меликовское; говорили о конституціи, о народномъ представительствѣ. Платоновъ захотѣлъ узнать, какъ обстояло дѣло с народнымъ представительствомъ в древней Руси.

Къ осени 1881 г. Платоновъ закончилъ свое сочиненіе о соборахъ. “Мнѣ посчастливилось, — говоритъ онъ, — не только исчерпать, свести и провѣрить весь извѣстный матеріалъ, но найти и не привлеченныя пока къ дѣлу данныя (показанія разрядныхъ книгъ). Удалось даже кое-что исправить у моихъ научныхъ предшественниковъ, притти къ новымъ наблюденіямъ и выводамъ. Самостоятельная работа безмѣрно меня увлекала...”.

Бестужевъ остался совершенно доволенъ ею, хотя — и это нужно особливо подчеркнуть — работа эта по признанію С. Ф. была совершенно чужда собственнымъ взглядамъ Бестужева и не отразила на себѣ его ученаго вліянія.

Бестужевъ самъ отлично замѣтилъ это и, предлагая Платонову оставить

его при Университетѣ для подготовки к академической дѣятельности, сказал ему: “Вижу, что вы больше ученикъ Сергѣевича, чѣм мой”. Бестужев, отмѣчает Платонов, имѣлъ полное основаніе считать меня не сочувствующим тому настроенію, какое господствовало вокруг него, “у него дома”, и которое нѣсколькими строками выше Платонов охарактеризовал, как окрашенное славянофильско-націоналистическим цвѣтом, носителем какового были лица “ничтожныя, патріотическія кликуши”. С другой стороны, продолжает он, “темы, какими я интересовался, давали ему извѣстное представленіе о моем научном направленіи: сочиненія я писал о Земских Соборах, реферат подал ему о Боярской Думѣ, не мудрено было Бестужеву заключить, что я нахожусь под вліяніем Сергѣевича... Но в этом он ошибался; под конец моего студенчества я был одинаково далек, как от идеологіи Бестужева, так и от схематических построеній Сергѣевича. В отношеніи техники и метода я вполне слѣдовал Васильевскому, а в воспріятіи смысла и содержанія русскаго историческаго процесса я находился под вліяніем курса Ключевскаго”.

В другом мѣстѣ он обронил такую многозначительную фразу: “В послѣдній год университета было положено начало многому такому, с чѣм мнѣ пришлось прожить всю послѣдующую жизнь. Во-первых... я узналъ литографированный курс Ключевскаго и его Боярскую Думу”. И далѣе: “лично меня прельщала в манерѣ этого автора не его склонность к экономической точкѣ зрѣнія, а разносторонность и широта историческаго пониманія и полная независимость (как мнѣ казалось) от корифеевъ Юридической школы; не говорю уже об остроуміи и красотѣ рѣчи. Я не бросился в подраженіе ему и не желал его копировать... но я читал и перечитывал его Боярскую Думу и Университетскій Курс, которые совершенно восхищали меня... И в то время, как Бестужев звал меня учеником Сергѣевича, я уже чувствовал себя учеником Ключевскаго... Его вліяніе на меня было сильно и глубоко”.

Платонова особенно прельщало в Ключевском то, что на каждой страницѣ чувствуется основательное знаніе великорусской жизни и живой народный элемент. Здѣсь в Платоновѣ без сомнѣнія говорит тот “Москвич и Великорусскій патріот”, который в лекціях Сергѣевича учуялъ недостаточное проникновеніе в русскую исторію... “по недостаточному знакомству с подлинной народной жизнью”. И исправляя невѣрное сужденіе Бестужева, С. Ф. говорит: “Бестужев всегда опредѣлялъ ученых по их учителям. Прилагая к себѣ этот приѣм, я мог бы сказать о себѣ, что я был учеником сперва Бестужева и Градовскаго, потом Васильевскаго и Ключевскаго. Сергѣевича же я не могу считать моим учителем: я наслаждался и дивился на него, как на лектора, но всегда сторонился его”.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на разборѣ перваго произведенія Платонова. Скажу однако, что положеніем, тогда им высказанным, он не только не измѣнялъ в дальнѣйших изысканіях, а скорѣе еще и еще их разрабатывал и обосновывал, по мѣрѣ углубленія своего в эпоху,

и, наконец, суммировал в статьѣ, написанной в 1905 г. и напечатанной в “Журналѣ для всѣх” (1905 г., № 2).

Пессимистическому взгляду Соловьева, что Соборы в XVII вѣкѣ вымерли, что они были лишь пустой формой, соблюдавшейся только по традиціи, что по существу они безсильны были подать помощь Государству, Платонов противопоставил слѣдующій вывод: *вся новая Россія ведет свое начало от того новаго государственнаго порядка, который был создан и укрѣплен на Руси послѣ Смуты XVII вѣка ТОЛЬКО АВТОРИТЕТОМ ЗЕМСКАГО СОБОРА.*

Работа о Земских Соборах, которая, по его признанію, “безмѣрно его увлекла”, стала естественным введеніем к дальнѣйшим ученым трудам С. Ф., посвященным, как извѣстно, изученію Смутнаго времени.

Почему остановился он именно на этой эпохѣ? В своей нѣмецкой автобіографіи Платонов сообщает нѣсколько цѣнных указаній для уясненія развитія его научных интересов. “...Главным достиженіем русской исторіографіи мы почитали выдвинутое Соловьевской школой и твердо установленное воззрѣніе, что реформа Петра Великаго не была внезапным переломом, но что корни ея надо искать в предыдущем Московском Государствѣ и его соціальной жизни... Этим опровергались апріорныя построенія как Западников, так и Славянофилов: Петр не начинал никакой новой эры. Но тогда: если современный государственный и соціальный быт не ведут своего начала с Петра, а раньше, то от какого же именно момента? Все приводило к тому, что таким начальным пунктом современной Россіи надлежит считать не Петра, а Смутное время...”.

Однако, мало было провозгласить это положеніе, надо было его *доказать*, “дать ему конкретное содержаніе, показать на фактах как старый порядок пал в Смутное время и в *каких формах* родился новый порядок, в рамках котораго сложилось современное Русское Государство... Этот острѣйшій вопрос нашей исторіографіи интересовал меня больше всего”.

Здѣсь уместно привести слѣдующую выдержку из нѣмецкой статьи о Платоновѣ (1912 года) проф. Прѣснякова.

“Платонов, — говорит он, — всегда считал, что главная задача историка — опредѣлить общія руководящія линіи историческаго процесса, которыми наша нація дошла до своего нынѣшняго состоянія... Уясненіе этого процесса Платонов считает обязанностью національной исторіографіи, от каковой общество вправе ожидать *такого познанія своего прошлаго*, которое помогло бы ему (обществу) понять современность и задачи будущаго”. И далѣе, развивая ту же идею, он прибавляет: “Сергѣй Федорович считал, что задача историка не в том, чтобы *исторически обосновать* свои политическіе или соціальные взгляды, а в том, чтобы изобразить главные моменты исторической жизни общества, дать ему то разумное знаніе о себѣ самом, примѣненіе котораго к текущей жизни будет уже дѣлом самого этого общества”.

Так думал Платонов не только во вторую половину своей жизни, но и начиная свою ученую карьеру. В этом мы можем убедиться, сопоставив с вышеприведенной цитатой слѣдующія заявленія, взятые из его рѣчи перед защитой магистерской диссертациі. Он говорил: “Из нашего Университета вмѣстѣ с навыками научной критики я вынес стремленіе к отвлеченным историческим построеніям и вѣру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идеѣ. Вот почему, выбирая эпоху для специальных занятій по русской исторіи, я не забывал общей схемы русской исторической жизни и остановился на Смутном времени. Мнѣ представлялось, что *это время является историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россіей*”.

Но тут встало перед молодым изслѣдователем препятствіе, на преодоленіе котораго ушло цѣлых 5 лѣт.

Выяснилось, что для дѣйствительно научнаго изученія Смутнаго времени не имѣется достаточнаго критически провѣреннаго матеріала. Слѣдовательно, предстояла прежде всего кропотливая работа по собиранію и научной разработкѣ первоисточников.

Сама по себѣ такая работа не могла испугать ученика Бестужева-Рюмина и Васильевского. Убѣдившись в недостаточности имѣющихся в его распоряженіи источников, он не задумался превратиться в своего рода Колумба и не жалѣя времени и сил пустился на поиски и открытія новых матеріалов. Лично он обслѣдовал рукописи Московских архивов, Троицко-Сергіевскаго и нѣкоторых других монастырей, а затѣм ему на помощь пришел Университет и Археографическая Комиссія, которая выписала из разных провинціальных древлехранилищ имѣвшіяся там рукописи, нѣкоторыя из которых были совершенно неизвѣстные уникимы.

Результаты 5-лѣтних изысканій щедро вознаградили его: помимо обильнаго чисто-историческаго матеріала, введеннаго Платоновым в научный оборот, оказалось, что его открытіе чрезвычайно обогатило исторію русской словесности: до него XVII вѣкъ считался (за отсутствіем памятников) — совершенно безплодной эпохой в литературѣ, а теперь оказывалось, что это время изобиловало литературными произведеніями, но только эти произведенія носили иной характер, чѣм прежнія: описаніе и объясненіе пережитых смут стало в центрѣ вниманія тогдашних писателей.

Уже Ф. И. Буслаев отмѣтил, что “русская поэзія, лишенная своих мифических основ, приняла в XVII вѣкѣ направленіе историческое”. Это глубокое замѣчаніе нашло себѣ блестящее подтвержденіе в открытіях, сдѣланных Платоновым: литературный пафос писателей XVII вѣка, оказывалось, нашел себѣ выход в историко-публицистических и морально-философских произведеніях эпохи и теперь, благодаря Платонову, “его памятники”, как он однажды их назвал, входят как обяза-

тельная и важнѣйшая часть во всѣ Обзорѣнія литературы XVII вѣка.

Укажу на нѣкоторые выводы, к каким пришел изслѣдователь:

1) Смута вызвала величайшій интерес со стороны Московскаго Общества XVII вѣка, интерес, который и отпечатлѣлся во многих литературных произведеніях того времени.

2) Современники Смуты не столько интересовались изображеніем отдѣльных фактов ея, сколько находженіем и объясненіем ея причин.

3) Это “объясненіе” сложилось рано и было усвоено писателями разных поколѣній. Выразить его можно словами того времени: “Не людцкое то дѣло дѣлало, то сила и рука Всемогущаго Бога” (1608 г.). Или: “Сія вся содѣяшася Божиим промыслом, а не человѣческою хитростію”. В Смутѣ видѣли Божье наказаніе за грѣхи русских людей и только расходились в мнѣніи, кто именно эти грѣхи совершил? Нѣкоторые возлагали всю отвѣтственность на Бориса Годунова, другіе указывали на всеобщее паденіе нравов; послѣднее воззрѣніе было распространеннѣе. Кромѣ того, слагался и третій взгляд на Смуту, взгляд, который усматривал в ней борьбу православія с безбожіем ино-вѣрцев и борьбу иноземцев — поляков и шведов с русской народностью. С этой точки зрѣнія преступниками были всѣ тѣ, кого почитали вѣроотступниками и измѣнниками старинѣ.

4) Ни политическим, ни социальным отношеніям и трудностям писатели XVII вѣка не придавали значенія и на них не останавливались.

Эта магистерская диссертация (вызавшая между прочим интересный разбор Ключевского) называлась так: “Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутном времени XVII вѣка, как историческій источник” (1887 г.). Самое это заглавіе показательно: оно совершенно повторяет заглавіе извѣстнаго труда Ключевского: “Житія Святых, как историческій источник” и невольно подкрѣпляет нас в убѣжденіи, что вліяніе Ключевского на начинающаго петербургскаго историка было сильно и дѣйствительно. Но если заглавіе говорило о Москвѣ и ея школѣ, то способ, метод разработки вполне обличает ученика Бестужева и Васильевского. Таким образом здѣсь мы уже присутствуем при том своеобразном объединеніи школ С.-Петербургской и Московской, живым носителем котораго был Платонов, и который дал и, вѣроятно, еще даст весьма добрые плоды.

Прошло еще 12 лѣтъ и в 1899 г. появились знаменитые “Очерки по Исторіи Смуты” с подзаголовком, опять ясно свидѣтельствующим и о вліяніи Ключевского, и о том глубоком и значительном уклоненіи от черезчур узких заданій С.-Петербургской школы, которое совершалось в Платоновѣ; подзаголовок этот был таков: “Опыт изученія общественнаго строя и сословных отношеній в Смутное время”.

По его собственному признанію это было его высшим научным достиженіем, а мы теперь знаем, что суровая судьба сдѣлала так, что

это было, в сущности, и его *последним* достижением, ибо, говоря его же словами: “В послѣдніе годы обстоятельства так измѣнились, что жизненные условія не позволяли больше отдаваться углубленным архивным и библиотечным изысканіям. Поэтому, давно интересовавшія проблемы хозяйственной жизни и политики Московскаго Государства остались мною неразработанными”.

Не легко было с этим примириться: тѣм болѣе не легко, что заключительный труд, по его собственным словам, сказанным близким в 1928 г., “в головѣ” был уже совѣм готов; ибо все что изучалось и писалось им послѣ “Очерков” до конца жизни — все это было лишь подготовленіем к тому главному произведенію, которому надлежало замкнуть круг его ученых изслѣдованій.

Свои “Очерки” (толстый том в 670 стр.) автор раздѣлил на двѣ неравныя части. Первая (около 200 стр.) называется “Московское Государство перед Смутой”. Вторая (382 стр.) — “Смута в Московском Государствѣ”.

Первую часть своего труда сам С. Ф. *не* признает “самостоятельным изслѣдованіем” на том основаніи, что она опирается на труды предшественников и матеріалы уже раньше извѣстныя. Он придает ей значеніе только “служебное”: она была ему совершенно необходима, как Введение, так как, говоря его словами, “начальный факт XVII вѣка — *Смута* — в своем происхожденіи есть дѣло предыдущаго XVI вѣка”.

Хотя этот взгляд и не совершенно нов, однако, у предшественников Платонова он не был ни достаточно подчеркнут, ни достаточно развит и обоснован. Поэтому и великій кризис на рубежѣ XVI и XVII вѣков носил для них характер нѣкоторой случайности, внезапности, неожиданности, обусловленной скорѣе даже внѣшними интригами (Польша и іезуитов).

Платонов думал иначе: корни Великой Смуты он искал в условіях предшествующей русской жизни и вот потому ему и надлежало прежде всего познакомиться с этими условіями, с социальным и экономическим бытом XVI вѣка.

И вот, изучая этот быт, Платонов пришел к таким новым и цѣнным выводам, которые совершенно перевернули нѣкоторыя мнѣнія утвердившіяся в наукѣ — без достаточных основаній.

Он начал свой труд с детального обозрѣнія “Областей Московскаго Государства”, их социальных и экономических особенностей, их взаимоотношеній и сѣти торговых путей, связывающих их в одно социально-географическое цѣлое. И сдѣлал он это так совершенно, что этот его “Очерк” был назван одним специалистом “лучшим изслѣдованіем Исторической Географіи Россіи”. Таким образом дан был фон, на котором затѣм разворачивается картина броженія и столкновенія социальных и политических сил.

Анализу этого броженія и столкновенія посвящается вторая глава

первой части, в которой разсматривается два основных противорѣчія московской жизни, из которых Московское Государство неудачно пыталось выбиться и которыя привели его в концѣ концов на край гибели.

Эти два основных противорѣчія были одно политическое, другое социальное.

Политическое противорѣчіе выражено формулой Ключевского и заключалось в том, что “Московский Государь, котораго ход исторіи вел к демократическому полновластію, должен был дѣйствовать посредством очень аристократической администраціи”. Такой порядок вещей привел к открытому столкновению Московской власти с родовитым боярством, столкновению, вылившемуся во второй половинѣ XVI вѣка в опричнину.

Второе противорѣчіе опредѣляется Платоновым так: “под давлением военных нужд, с цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, труд котораго служил основаніем народнаго хозяйства, систематически приносились в жертву интересам служилых землевладѣльцев, не участвовавших непосредственно в производительной дѣятельности страны. Послѣдствіем такого порядка вещей было недовольство тяглой массы... и ея побѣг с тяглых жеребьев, что в конец разстроило народно-государственное хозяйство”.

Обращаясь к изучению перваго противорѣчія, политическаго, т. е. к борьбѣ высшей власти с родовитым боярством, Платонов пришел к совершенно новым и очень интересным и значительным выводам.

Можно сказать, что он первый *объяснил* опричнину.

До него опричнина всегда казалась, по выраженію одного ученаго, чѣм-то “*очень странным*”, как для тѣх, кто от нея страдал, так и для тѣх, кто ее изслѣдовал”. Даже самые крупные наши историки, как Соловьев и Ключевскій, хотя и подходили довольно близко к правильному объясненію опричнины, однако же не раскрыли ее с достаточной полнотой (может быть из-за почти совершеннаго отсутствія источников для ея изученія); так, Ключевскому она казалась “лишенной *всякаго политическаго смысла*... ибо дѣйствовала не против класса, а против отдѣльных лиц”.

Современникам же, напримѣр “смиренному дьяку Ив. Тимофееву”, который был великій “книгочтец и лѣтописных книг писец”, дѣло представлялось так, что Царь “возненавидѣл грады земли своея и во гнѣвъ раздѣлил их и яко двоевѣрны сотворил”. Другой современник выражается еще рѣзче; он говорит, что, “в ярости” на своих подданных, Грозный раздѣлил Государство на двѣ части: одну дал царю Симеону, другую взял себѣ и “заповѣдал своей части оную часть людей насилovati и смерти предавати”.

Повторяю: *объяснить* опричнину впервые удалось только Платонову и объясненіе его так цѣлостно и убѣдительно, что оно стало с тѣх пор общепринятым и общепризнанным: “он первый поставил во-

прос отношенія царской власти к боярству на глубокия и прочныя основанія” (Прѣсняков). Он вскрыл значеніе того огромнаго аграрнаго процесса, который совершался во второй половинѣ XVI вѣка.

Академик С. Ф. Платонов

К какому же выводу он, в концѣ концов, пришел? Вот он: “Только наблюденіе над земельной мобилизаціей в опричиннѣ открывает смысл той загадочной суеты, какаѣ началась в государствѣ с учрежденіем опричнины. Царь “перебирал” княжат на мѣстах их вотчинной осядлости, *разрывал их связь с землею*, на которой они родились и которая питала их политическія воспоминанія и понятія”... “Грозный навсегда сломил политическую силу титулованнаго боярства, потому что оторвал его от наслѣдственных вотчин и пересадил в новыя условія службы и хозяйства... Крутая по своей сущности мѣра приняла характер общаго террора именно потому, что еѣ прямой смысл был затемнен непонятными и страшными способами дѣйствія. А прямой этот смысл заключался в стремленіи разрѣшить политическое противорѣчіе Московскаго строя”*)).

Этими двумя главами исчерпывается 1-ая, как бы сказать, вводная и служебная часть “Очерков”.

Во второй половинѣ своего труда, которую Платонов и сам считал вполне оригинальной (и в этом он глубоко прав), он с замѣчательным искусством, единогласно признаваемым всѣми специалистами, распутывает и вскрывает сложное сплетеніе событій и возстанавливает “факты” Смутной эпохи.

*) Отмѣчу, что через 24 года Платонов свел воедино свои изслѣдованія о Грозном и дал его характеристику в специальной монографіи, вышедшей отдѣльной книжкой в 1923 году (в Берлинѣ она переиздана в 1924 г.).

Однако, прежде, чѣм говорить о результатах, к которым он пришел, отмѣчу, что Платонов, изучая Грознаго, его Опричнину и всѣ тѣ явленія, которыя были прологом к Смутѣ, не мог не остановиться на Годуновѣ. А остановившись на нем, не мог не выполнить “прямого долга исторической науки”, говоря его же словами, долга, который заключался в *моральной реставраціи* Бориса. Эту “реставрацію” он и выполнил, сказав о Борисѣ свое хорошо обоснованное и потому вѣское слово.

Дѣлая это, он шел по стопам М. П. Погодина, Н. Полевого и Бѣлинскаго, которые всѣ упрекали Пушкина в черезмѣрном довѣріи к Карамзину, а Бѣлинскій еще и прибавлял: “грѣшно и стыдно утвердить недоказанное преступленіе за таким замѣчательным челоувѣком, как Борис Годунов”... То же думал и проф. Погодин. В 1836 году он писал Шевыреву: “напиши непременно трагедію: Борис Годунов. Он не виноват в смерти Дмитрія; в этом я убѣжден совершенно... Надо же снять с него опалу, наложенную на него, кромѣ вѣков, еще Карамзиным и Пушкиным”. Эту опалу довелось снять с Годунова именно Платонову. Послѣ его изслѣдованія вряд ли возможно попрежнему изображать Бориса только честолюбцем, шагающим через труп царевича к царскому престолу.

Как и относительно Грознаго, Платонов окончательно обработал свои изысканія касательно Годунова в отдѣльной превосходной монографіи (1921 г.), о которой стоит сказать нѣсколько слов.

“Это не Исторія царствованія и не то, что принято называть характеристикой: перед нами біографія вобравшая в себя рѣшительно все, что может служить уясненію жизни и судьбы Годунова. Автору пригодился и понадобился весь запас знаній и наблюденій над эпохой, накопленный в теченіе всей его научной дѣятельности”. Так начинается одна рецензія на эту книжку и с ней нельзя не согласиться.

Но, обрабатывая “запас знаній накопленный за всю научную жизнь”, Платонов освѣтил его всѣми новыми данными, поступившими в научный оборот с теченіем времени. Поэтому, напримѣр, вторая глава книги (в ней всего на-всего три главы), называющаяся “Политика Бориса” и распадающаяся на 2 части: “Внѣшняя” и “Внутренняя Политика”, — имѣет самостоятельную цѣнность почти совершенной новизны: международное положеніе Московской Руси за столѣтіе, послѣдовавшее за смертью Грознаго, еще никѣм не было изложено с такой подробностью и всесторонностью. То же можно сказать и относительно изученія нѣкоторых мѣропріятій внутренней политики и прежде всего об укоренившемся в представленіи широкой публики мнѣніи, будто именно Борис своими Указами прикрѣпил крестьян к землѣ. На основаніи новых документальных данных, Платонов вносит и сюда существенную поправку: “нельзя, — говорит он, — считать, что Борис явился “основателем” или “виновником” прикрѣпленія крестьян

и творцом кабальной зависимости “вольных” людей. Начало общих мѣр, стѣсняющих крестьянскій переход, надлежит видѣть в “Заповѣд-ныхъ Лѣтахъ” Грознаго, а не в законахъ времени Бориса”.

Помимо цѣнности научнаго содержанія, “Борис Годуновъ” замѣчателен и со стороны литературной формы; особенно останавливаетъ вниманіе его языкъ: синтаксис и словарь. В этомъ словарѣ подобраны всѣ термины и ихъ сочетанія, которые только можно найти в оборотѣ живописуемой эпохи. Цитаты не только вливаются в языкъ автора, но и сливаются с нимъ.

На страницахъ “Бориса” тѣ, кто слышалъ в аудиторіи рѣчь Платонова, — узнаютъ ее. А рѣчь эта была примѣчательна тѣмъ, что безъ записокъ лилась плавно “какъ по писанному” и не читаемая, а *говоримая* цитаты органически сплетались со всѣмъ остальнымъ, незамѣтно создавая атмосферу эпохи. Получалось своеобразное художественное впечатлѣніе особой “стильности”.

Этими нѣсколькими замѣчаніями я здѣсь и ограничусь, а теперь возвращаюсь къ разбору “Очерковъ” и ради краткости прямо закрѣплю в нѣсколькихъ положеніяхъ результаты добытые С. Ф. и имъ внесенные в нашу науку.

1) *Смута*, — говоритъ онъ, — не есть революція, ищущая ниспровергнуть старыя государственныя формы и замѣнить ихъ новыми. Нѣтъ: Смута закончилась именно восстановленіемъ прежнихъ формъ Государственнаго быта.

2) И, однако, этотъ *БУДТО БЫ* *возстановленный*, старый бытъ оказался далеко не прежнимъ, а претерпѣлъ существенныя измѣненія. Русское государство, выросшее изъ Смутнаго времени, было в сущности *НОВЫМЪ ГОСУДАРСТВОМЪ*, явившимъ *новую комбинацію* политическихъ соотношеній между *новой династіей* и *новыми сословными группами*, осознавшими именно в смутѣ свои силы.

3) Смута не была случайнымъ явленіемъ, вызваннымъ только случайными и внѣшними обстоятельствами: ея причины лежали внутри самого московскаго общества и государства. Кризисъ начался задолго до Смуты*).

4) Смута была лишь послѣднимъ выраженіемъ того двусторонняго (политико-соціальнаго) кризиса, который переживало Московское Государство XVI вѣка.

5) Грозный началъ борьбу с *аристократіей*; “Смута” ее докончила и выдвинула на ея мѣсто новую общественную силу — *Средніе Классы*. *Произошла смена господствующаго класса и исчезли послѣдніе остатки стараго соціальнаго режима. Таковъ основной фактъ нашей общественной исторіи начала XVII вѣка.*

6) Тѣ же средніе классы, “простой дворянинъ и лучшій посадскій человѣкъ”, вышли побѣдителями и изъ другой борьбы — *экономической*

*) Это замѣчаніе направлено противъ К. Аксакова и Костомарова.

— за землю и рабочія руки: земля была закрѣплена за служилыми помѣщиками, а крестьяне прикрѣплены к этой землѣ.

7) Слѣдствіем такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея к выходу с “тяглых жеребьев”, а один из результатов этого рост казачества: “люди шли за черту искать новых земель в диком полѣ и там казаковали”. Московская государственная власть относилась к этому факту не только снисходительно, но даже, в извѣстные моменты, поощрительно: уж очень велика была нужда в военной колонизации пограничной черты, которую Государство было безсильно защитить иными способами. Авраамій Палицын говорил об этом весьма неодобрительно: “Послѣдова-же царь Борис в нѣких правѣх царю Ивану Васильевичу, ежебы наполнити на край предѣлы земли своея воинственным чином, дабы против сопостат крѣпцы были украинные грады... И гад кто злодѣйствующій осужден будет к смерти и аще убѣжит в тѣ грады, то тамо да избудет смерти своея”.

По словам Палицына, “злодѣйствующих гадов” царь Иван держал в страхѣ “разумом и жестокостью”, царь Федор — “молитвою”, при Борисѣ же “эти змїи” задвигались против Государства и скопились “на Украинах болѣ двадесят тысяч сицевых воров”.

8) Во время Смуты эти “злодѣйствующіе гады”, эти “сцевые вору”, эти “казаки”, словом — всѣ анти-государственные анархические элементы вступили в открытую борьбу с Государством и — были сломлены. Эта побѣда начала государственнаго над анархіей — один из важнѣйших результатов Смуты и дѣятелями этой побѣды явились опять-таки Средніе Классы.

9) Выразителем их желаній и взглядов были смѣнявшіеся Земскіе Соборы. Они создали новую царскую власть; они укрѣпили ее на землѣ; они поддерживали ее: тяжелое бремя правленія дѣлилось между Царем и Собором.

Еще в серединѣ XVII вѣка, именно в 1648/49 годах, Собор принялъ даже дѣятельное участіе в созданіи Уложенія: “все, что в Уложеніи выходило за предѣлы простой кодификаціи, было работою Земских представителей служилаго и тяглаго класса”. Таким образом, Соборы в XVII вѣкѣ играли еще очень существенную роль.

10) Но время шло и жизнь вносила новыя перемѣны: вокруг царя выросла новая дворцовая и приказная знать; она недружелюбно смотрѣла на организующуюся в Земских Соборах “общественную середину”. Со своей стороны, окрѣпшая верховная власть, созданная этой “срединой”, постепенно освобождалась от вліянія этих средних слоев населенія.

Власть видѣла в себѣ руководительницу всего замиренного московскаго общества, представительницу всего государства. Задачи ея (власти) становились болѣе широкими, шли далѣе односторонней защиты интересов того или другого сословія. А Соборы продолжали быть органом общественной середины и выразителями интересов именно средних

классов. Таким образом, государственные горизонты и масштабы Верховной Власти росли и ширились быстрее, чем понятия и представления людей, составлявших Соборы.

Наконец, Верховная Власть, найдя в новой знати и новой бюрократии новые послушные орудия для выполнения своих предназначений, переставала нуждаться в когда-то необходимой ей поддержке той общественной середины, которая говорила в Соборах и через Соборы. В то же время Земщина, раздражаемая злоупотреблениями приказной бюрократической среды, стала мнить на Соборах свой тон: зазвучали нотки недовольства против того средостения, которое становилось между Государем и Обществом. В результате всего этого Государь переставал созывать Соборы: они исчезали.

Так объясняется Платоновым внутренняя политика новой династии, вытекающая из основного факта XVII века — “Смуты”. Таков был “синтез”, к которому привели Платонова долгие годы анализа.

Дальнейших выводов из этого синтеза он не делал: он предоставлял их сделать самостоятельно своему читателю; свою философию, как уже сказано, он оставлял для внутреннего употребления.

Однако, некоторый вывод напрашивается сам собой; формулирую его:

Средние Слои стали силой и спасли Россию тогда, когда, забыв свои узко-сословные и классовые интересы, сплотились в виду общей беды и во имя общей и единой государственной идеи. Не разделение на группы по сословным или экономическим признакам собрало распадавшееся Государство и очистило его от внешних и внутренних врагов, а сплочение всех сил вокруг основных и не колебимых (в представлении той эпохи) основ жизни.

Литературно это хорошо выражено в одной из грамоток архимандрита Дιονисия и его “писцов борзых” (1611 г.): “хотя и будет и есть близко в ваших предѣлах которые недоволы, Бога-для отложите то на время, чтоб о едином всем вам... положить подвиг свой... Аще совокупным и единогласным молением приобщим к всещедрому Богу и обще общаеся подвиг сотворить... милостив Владыка избавит нас нашедшая лютыя смерти и вечнаго порабощения...”.

**

В заключение несколько замечаний, дабы хоть сколько нибудь осветить деятельность Платонова, как писателя и ученого издателя.

Прежде всего напомним, что в Сборник ему посвященном друзьями и учениками в 1922 г., по случаю исполнившегося тогда 40-летия его ученой деятельности (1882-1922), приведен список его трудов в девяносто номеров.

Между тем, писать и печататься он продолжал и потом, и за годы с 1922 по 1928 появилось еще не мало его статей и книжек, так что список его трудов значительно увеличился и перевалил далеко за сотню.

Какія же черты характеризуют Платонова как писателя-историка?

Вчитываясь в его книги прежде всего поражаешься четкостью мысли, обоснованностью выводов и их большой осторожностью. Схематическій рисунок крупными штрихами и яркой раскраски, конечно, легче запомнить, чѣм тонкое, сложное и запутанное сплетеніе житейских будничных нитей, но навѣрно послѣднее будет несравненно ближе к жизненной правдѣ, хотя — именно потому — дальше от теоретической стройности.

Далѣе: необыкновенная точность в изложеніи фактов, разработка всѣх деталей и искусное сложеніе из них мозаичных картин, правдивых, потому что всѣ части их правдивы, создает особую атмосферу научной честности.

К нему по справедливости можно отнести слова знаменитаго Ранка, говорившаго, что предѣльная цѣль историка “сдѣлать осязаемую полную правду”. Эта совершенная научная честность обуславливалась в Сергѣѣ Федоровичѣ двумя чертами его характера, между собой тѣсно связанными: с одной стороны, отсутствіем всякой тенденціозности, каковую он вообще считал подводным камнем для историка-исслѣдователя; с другой — замѣчательной объективностью, каким-то сверхличным спокойствіем по отношенію к изучаемому, описываемому и даже переживаемому. Может быть, именно эта объективность в жизненных устроениях даже мѣшала ему, ибо он никогда не был “нашим” отдѣльных групп, партій, слоев; не даром он сам говорил, что всегда не выносил какой бы то ни было “кружковщины”, хотя бы и понимаемой очень широко. В этом отношеніи весьма любопытна слѣдующая его запись: “В 1909 году появился мой Учебник Русской Исторіи для Средней Школы. Это была попытка дать ученикам в доступной формѣ научное и объективное изображеніе родной исторіи без всяких легенд и патріотической лирики.

“Книга имѣла необыкновенный успѣх и переиздавалась почти ежегодно (в 1916 г. — 8-е изданіе). Хотя Учебник был официально допущен в Среднія Учебныя Заведенія, тѣм не менѣе его считали черезчур независимой и не всегда удобной книгой.

“Я думаю, что именно этому в первую очередь я обязан тѣми неблагоприятными отзывами о себѣ, которыя сложились в это время в высших сферах. Об этом я слышал неоднократно. Послѣ отреченія Государя в 1917 г. в его бумагах нашлась запись о профессорах русской исторіи, в которой, между прочим, обо мнѣ было сказано слѣдующее:

“Совершенно приличен проф. Платонов, обладающій громадной эрудиціей; однако, он очень сух и относится весьма несимпатически к русскому культу героев; конечно, изученіе его сочиненій не может пробудить ни любви к отечеству, ни національной гордости”. И С. Ф. добавляет: “к счастью, прямо противоположное этому мнѣніе я слышал чаще”.

Позднѣ та же научная честность, заставлявшая его избѣгать в своих учебниках всякой патріотической лирики, заставила его откровенно и громко выступить против тѣх искаженій исторіи, которыя не только допускались, но и рекомендовались в послѣднее время в Совѣтской Россіи. Это особенно ярко проявилось в его печатном выступленіи против писаній о Петрѣ Великом Пильняка и Ал. Толстого. Чтобы возстановить в истинном свѣтѣ образ Великаго Императора, Платонов издал о нем монографію, лишній раз подтвердившую его тонкое научное и литературное мастерство.

Тамошняя цензура раз пять не пропускала этой книги, требуя измѣненій, согласных с духом времени. Платонов не уступил ни слова, указывая, что дѣло было именно так, а не иначе, и что он не может передѣлывать историческую правду. В концѣ концов книга была пропущена.

Не случайно, мнѣ думается, когда я дописывала этот очерк, мнѣ вдруг вспомнились Пушкинскіе стихи:

“Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный”.

Платонов не только никогда не требовал и не ждал наград, но и не желал их, отказывался от них: спокойная ровность и независимость характера столь же присуща ему, как и независимость научной мысли, не смущаемой и не затемняемой ничѣм, наука псторонним и чуждым.

Когда в 1916 году он покинул разнообразныя, занимавшіяся им должности и вышел в отставку, его захотѣли вознаградить (особенно за совершенно выдающуюся его дѣятельность в качествѣ создателя и руководителя Женскаго Педагогическаго Института). Вознаградить его хотѣли привычным почетным отличіем: сенаторством, опекунством или креслом в Государственном Совѣтѣ. Опрошенный по этому поводу, он отвѣтил: “Я ничего этого не хочу. Я хочу остаться просто Русским Историком Платоновым”.

Значит ли это, что он вовсе был чужд честолюбія? Я бы не взялась это утверждать, но несомнѣнно, что его честолюбіе было иного порядка и что званіе русскаго историка казалось ему почетнѣе, чѣм чин или орден, продвигающіе в служебной іерархіи. Однако, оказалось, что быть “просто русским историком” в Россіи послѣ 1917 г. нельзя...

Но это пройдет: “все минуется — одна правда останется”, говорилось у нас в старину. И когда в Россіи снова наступят тѣ условія, при которых возможно станет честное и нелицепріятное изученіе *дѣйствительной* Русской Исторіи, пусть перед идущими на смѣну молодыми учеными встанет в качествѣ образца и руководителя в их изысканіях во всем своем значеніи “русскій историк Платонов”.

А. М. Петрунkevич.

Особое Совѣщаніе по оборонѣ государства

1915 - 1916 гг.

(Продолженіе) *)

II.

Налаженная чисто дѣловая работа Особого Совѣщанія по Оборонѣ Государства начала, в какой-то степени, принимать все болѣе и болѣе политическую окраску с критикой не только правительства, но и Императорской фамиліи, как напримѣр Великаго Князя Сергѣя Михайловича, генерал-инспектора артиллеріи, которому ставилась в упрек его непредусмотрительность в дѣлѣ снабженія дѣйствующей арміи артиллеріей и огневыми припасами. Выражая свое фрондирующее настроеніе, Родзянко начал выступать с критикой дѣйствиій отдѣльных министров и требованіями созданія правительства из лиц облеченных общественным довѣріем, иначе говоря его самого и его политических друзей, в том числѣ Гучкова, Шингарева, Некрасова, Астрова и др. С другой стороны он брал иногда под защиту каких-то лиц, которым он почему-то покровительствовал, считая их жертвами безсистемности и безопасности военнаго вѣдомства. Так мнѣ вспоминается, как он, с большим пафосом, указывал, что русским изобрѣтателям военная администрація мѣшает оказать помощь арміи своими выдающимися изобрѣтеніями. Как яркій примѣръ он, в одном случаѣ, назвал поручика Эльгар, изобрѣвшаго какую-то “огнедышащую жидкость”, которая своими поражающими свойствами должна была содѣйствовать побѣдѣ русской арміи над врагом. При этом он подчеркивал, что отрицательное или пассивное отношеніе военнаго вѣдомства к этому выдающемуся виду оружія лишает армію исключительно важнаго предмета военнаго снабженія. Мало того, по словам Родзянко его личныя хлопоты по этому поводу наткнулись на саботаж со стороны наших военных специалистов. В связи с подобным обвиненіем военных властей в засѣданіях Особого Совѣщанія разгорѣлись оживленныя пренія. В результатѣ, несмотря на увѣренія начальника главнаго технического управленія генерала Милеанта о полной несостоятельности изобрѣтенія пор. Эльгара, Родзянко удалось настоять на проведеніи с этим изобрѣтеніем дорогостоящих опытов. Были отпущены значительныя средства на массовыя испытанія. Послѣ ряда неудач, показавших полную несостоя-

*) См. “Возрожденіе” № 188.

тельность огнедышущей жидкости, на осуществленіе которой Эльгар испрашивал огромныя ассигнованія, вопрос о “выдающемся” изобрѣтеніи сам собой отпал, зато каприз Родзянки обошелся казнѣ в изрядную сумму.

Я рассказал только об одном случаѣ из числа многочисленных заявленій этого рода председателя Думы Родзянко, легко попадавшася на удочку авантюристов и проходимцев. К тому же он был не единственным в этом родѣ. Нѣкоторые участники Особого Совѣщанія тоже настаивали на отпускѣ субсидій на всевозможные опыты, очевидно, чтобы порадовать родному человѣчку. Понятно, что к членам Особого Совѣщанія являлось много прожектеров, единственной цѣлью которых было сорвать коммисіонныя. В особенности было много международных авантюристов, предлагавших какія-то сказочныя поставки оружія, снарядов и патронов, при чем все это были чистыя выдумки, на которыя само военное вѣдомство уже больше не попадалось. Поэтому подобныя коммисіонеры для осуществленія своих планов искали путей через посредство легковѣрных членов Особого Совѣщанія. По этому предмету также бывали в началѣ неоднократныя выступленія заинтересованных членов Совѣщанія, настаивавших на веденіи переговоров с этими коммисіонерами: шведами, американцами, предлагавшими цѣлыя партіи винтовок, с патронами к ним, типовъ французскихъ ружей ГРА, ГРА-Кропачек, и других систем, находившихся якобы гдѣ-то под спудом в Южной Америкѣ и других далеких странах. Цѣлью такихъ ходатайствъ коммисіонеров-авантюристовъ было полученіе от русскаго Правительства крупныхъ задатков, о которых и слышать не хотѣло Главное Артиллерійское Управленіе, ни артиллерійская коммисія Савича при Особомъ Совѣщаніи. Когда благодаря настойчивости такихъ членовъ Совѣщанія подобныя заманчивыя предложенія — вопреки компетентному мнѣнію спеціалистов — все же подвергались обслѣдованію, то кропотливая и ненужная работа довольствующихъ органовъ приводила къ заключенію о полной несостоятельности или иллюзорности этихъ предложеній.

Убѣдившись в невозможности дѣйствовать такимъ путемъ диллетантизма, Особое Совѣщаніе обратилось к отысканію иныхъ источниковъ для полученія огнеприпасовъ: во-первыхъ, от русскыхъ заводовъ и во-вторыхъ, заказами заграничей. В отношеніи первыхъ все возможное дѣлалось для поднятія ихъ производительности. Однако, вскорѣ же обнаружилось, что при существующемъ оборудованіи им не справиться съ удовлетвореніемъ потребностей нашей арміи. Сначала нужно было изготовить или пріобрѣсти заграничей станки и другіе предметы техническаго оборудованія. То же самое положеніе было на артиллерійскихъ заводахъ. В этотъ моментъ не было никакой возможности даже частичнаго удовлетворенія срочной потребности в орудіяхъ, в снарядахъ к нимъ и прочаго военнаго снабженія. Наши заводы не могли справиться с новыми заказами по мѣрѣ того, какъ обнаруживалось, что наши предпо-

ложенія о потребности артиллеріи совершенно не соотвѣтствуют масштабу войны. Вопрос о заграничных заказах стал поэтому неотложной проблемой. Над этим вопросом работала Ставка и шло непрерывное обсужденіе в военном министерствѣ. Настала очередь близко подойти к этому вопросу и Особому Совѣщанію, когда оно убѣдилось в безпредметном домогательствѣ всевозможных коммисіонных фирм, преимущественно шведских (Ашеберг) и американских (Kahn Goltesman и др.). За это время было уже много передано заказов на различные предметы снабженія и кромѣ того нужно было координировать дѣйствія воюющих союзников, так как в каждом из дружеских государств имѣлись тѣ же проблемы и конкуренція между ними наносила дѣлу снабженія армій оружіем огромный ущерб.

Чтобы избѣжать печальных послѣдствій подобной конкуренціи и для созданія очереди и порядка, в которых должны были исполняться союзные заказы, британскій военный министр Лорд Китченер предложил всѣм союзникам созвать в Лондонѣ международную конференцію по военным заказам. Эта конференція, обсудив заявки союзников об их военных потребностях снабженія вперед на долгій срок, могла бы, по взаимному соглашенію, установить очередь для изготовленія необходимых для каждой страны орудій, снарядов, винтовок, пулеметов с патронами к ним и прочаго снаряженія. При этом изготовленіе станков для военных заводов, поставки предметов сырья и т. п. также должны были обсуждаться проектированной конференціей. По соглашенію со Ставкой Особое Совѣщаніе признало цѣлесообразным и неотложным намѣтить русскую делегацію на подобную конференцію в Лондонѣ.

Так как военный министр генерал Поливанов не мог сам покинуть страну, то было рѣшено поставить во главѣ коммисіи вице-адмирала Русина, начальника морского генеральнаго штаба, придав ему компетентных представителей от каждого довольствующаго управленія военного министерства. Для этой делегаціи, согласно рѣшенію нашего Главнаго Командованія, подлежащим военным управленіям было поручено составить, по соглашенію со Ставкой, план потребностей арміи, которыя должны были быть покрыты заграничными заказами. Военный министр назначил меня секретарем русской делегаціи, поручив мнѣ сдѣлать общую сводку заявленных главным управленіем потребностей. Эта сводка должна была затѣм быть переведена военными специалистами на англійскій язык с уточненіем технической номенклатуры принятой в британской арміи. Этот перевод был поручен британским военно-обязанным, прикомандированным на время войны к нашему военному вѣдомству, в частности к главному управленію генеральнаго штаба. При этом генерал Поливанов просил меня слѣдить за тѣм, чтобы эта работа была завершена как можно скорѣй. Мнѣ пришлось много раз настаивать на ускореніи работы этих британских офицеров, оставшихся по мобилизаціи в Россіи. Однако, как я ни настаивал, все было безуспѣшно до того момента, когда, вслѣдствіе жалоб со

стороны военного вѣдомства нашему Верховному Командованію, по распоряженію британскаго посла Бьюкенена в Петербург не прибылъ состоявшій при Ставкѣ замѣститель британскаго военного агента в Россіи полковник Нокс. Его вмѣстательство оказалось весьма дѣйственным, так что вскорѣ по его прибытіи порученная англичанам работа была закончена.

Поѣздка русской миссіи в Лондон почиталась весьма секретной — чуть ли не государственной тайной и потому нигдѣ нельзя было найти никаких свѣдѣній, касавшихся предстоявшей экспедиціи и ея цѣли. Ясно было, что отвѣтственные лица боялись тѣх мѣр, которыя германское главное командованіе могло бы принять, чтобы помѣшать поѣздкѣ русской делегаціи в Лондон, сорвать эту поѣздку или погубить каким либо способом членов миссіи. Окончательный текст утвержденной военным министром сводки был сдан для напечатанія в военную типографію, в которой я проводил дни и ночи за правкой плана потребностей русской арміи, носившаго на англійском языкѣ названіе «List of articles to be needed by Russian Empire for the defense of the State». Всѣ гранки и корректуры тщательно уничтожались под моим наблюденіем. Наконец, отпечатанный в небольшом количествѣ экземпляров план был представлен Военному министру на подпись.

Во главѣ миссіи стоялъ вице-адмирал Русин, членами ея состояли: от артиллерійскаго управленія полк. Федоров, от военно-техническаго управленія генерал-майор Савримович (вопрос о заказах для интендантскаго управленія и военно-санитарнаго управленія был раздѣлен между этими двумя представителями военного вѣдомства), от морскаго министерства — капитан второго ранга Романов и лейтенант Любимиров, флаг-офицер адмирала Русина. Секретарем делегаціи, как я уже сказал выше, был назначен я, как представитель канцеляріи военнаго министерства. При этом генерал Поливанов заявил мнѣ, что экспедиція связана с большим риском и даже с возможностью гибели участников и что в послѣднем случаѣ я, имѣя при себѣ в особом портфелѣ 2 экземпляра названной описи, — должен погибать вмѣстѣ с этими двумя документами. Он заявил при этом, что в случаѣ несчастія моя семья будет очень хорошо обезпечена*).

Нашу группу сопровождал еще ряд лиц. Во-первых, полковник Нокс, в качествѣ представителя британскаго военнаго министра, к которому присоединился его помощник Блэр, уѣзжавшій в Англію со своей женой в отпуск. В порту в Архангельскѣ к нам присоединился г. Василев, чиновник Кредитной Канцеляріи, мой младшій товарищ по Императорскому Александровскому Лицею. Он сопровождал цѣнный груз платины, которую он должен был по распоряженію министра финансов П. Л. Барка доставить в Англію в качествѣ частичнаго пла-

*) О деталях этой поѣздки см. мою статью "Из воспоминаній 1915 г." в "Военно-Историческом Вѣстникѣ" №№ 17 и 18, Париж, 1961 г.

тежа русского правительства за отправленные в Россію военные грузы. Эта платина представляла собой огромную цѣнность и находилась под сугубой охраной британских часовых во все время нашего похода.

Отъѣзд наш из Петербурга состоялся особым экстренным поѣздом. Посадка членов группы имѣла мѣсто гдѣ-то на товарной платформѣ, чтобы пройти незамѣченной. Закончились прощанія и мы тронулись в путь.

8 октября 1915 года, вскорѣ послѣ нашего прибытія в Архангельск, наша делегация была перевезена на русском ледоколѣ “Бакан” на военный рейд, гдѣ нас ожидал присланный за русской делегацией британским Адмиралтейством вспомогательный крейсер “Арланца”, — большой по тому времени (17.000 тонн) пароход южно-американской линіи «Royal Mail Packet С», стоявшій тут на якорѣ.

Послѣ церемоніала встрѣчи и отдачи салюта русскому адмиралу, миссія размѣстилась в различных роскошных каютах “Арланцы”, преобразованнаго в крейсер и вооруженнаго многочисленной судовой артиллеріей. Экипаж “Арланцы”, набранный по преимуществу из моряков запаса британскаго флота, отличался своей боевой выправкой и был пополнен британской морской пѣхотой, как это полагается по британскому регламенту со времени подавленія бунта матросов британскаго флота солдатами морской пѣхоты, которые в ту эпоху имѣлись на больших военно-морских судах.

На слѣдующій день, выйдя на палубу, я увидел, что мы шли головным кораблем в кильватерной колоннѣ судов, представлявших собою торговые транспорты везшіе из Россіи в Англію экспортные товары: лѣс, пеньку и т. п. Перед нашим крейсером на нѣкоторой дистанціи шли два тральщика, так как нѣмцами были разставлены плавающие мины по пути слѣдованія морских судов с грузами. Эти тральщики имѣли задачей обезпечить благополучное плаванье “Арланцы” и слѣдовавших за ней судов. Британское Адмиралтейство, не довѣряя работѣ русских тралеров, нашло нужным поручить заботу о безопасности британскаго военнаго судна британским специалистам траленія. Что же однако, случилось в дѣйствительности?

Днем 12 октября 1915 года эти тральщики прекратили нас конвоировать, сославшись на то, что дальнѣйшее плаванье вдоль Мурмана не представляет для нас опасности, ибо тут начиналась зона свободнаго от мин океана. Таким образом, наш крейсер и слѣдовавшія за ним суда были предоставлены самим себѣ. И вот, не прошло и четверти часа, как ужаснѣйшій взрыв потряс наш корабль до самаго основанія. Не было сомнѣнія: мы взорвались на минѣ. Я быстро побѣжал в мою каюту, чтобы схватить зимнее пальто, шапку и портфель с секретными документами, с которыми мнѣ не надлежало разставаться и послѣ гибели судна. Схватив спасательный пояс я выбѣжал на палубу. Пробѣгавшій в общей паникѣ матрос вырвал у меня из рук спасательный пояс и тотчас же скрылся среди бѣгавших по всѣм направленіям моря-

ков, обезумѣвших от животнаго страха. В это время с верхней палубы уже начали спускать на воду спасательныя лодки и вельботы.

Благодаря стеченію ряда исключительно благоприятных обстоятельств, все обошлось сравнительно благополучно. Мы были приняты на ближайшее судно, нагруженное осиновою древесиной для Англіи. А на другой же день, вслѣдствіе относительнаго штиля, командѣ, вызванной обратно на корабль, удалось болѣе или менѣе заклепать взорванное судно. В концѣ концов, командир крейсера дотащил на буксирѣ “Арланцу” до устья рѣки Юканги, недалеко от мыса Святой Нос на Мурманском побережьи.

Здѣсь простояли мы около двух недѣль. Доктора вылѣчили раненых (убитых по счастью не было, а матросы, сорвавшіеся и упавшіе в океан, были спасены и подобраны на лодки). В это время к нам прибыл присланный Британским Адмиралтейством на замѣну вспомогательный крейсер “Оротава”, значительно меньшаго водоизмѣщенія. Это был очень старый корабль, на котором Королева Викторія совершила в 80-ых годах свое путешествіе в Индію. Судно это оказалось, однако, счастливѣй “Арланцы”, так как на нем, послѣ четырехдневнаго шторма в Атлантическом океанѣ, мы все же благополучно прибыли в Англію, избѣжавши возможной атаки нѣмецких подводных лодок, потопивших в тѣ дни и в той же части Сѣвернаго моря небольшое британское госпитальное судно. Мы высадились сначала в порту Гринок, а затѣм попали в Глазго, откуда экстренным поѣздом нас доставили в Лондон. На вокзалѣ нашу делегацію встрѣтил русскій посол граф Бенкендорф, наш военный представитель в Англіи генерал Ермолов, военно-морской агент капитан Волков, предсѣдатель русскаго заготовительнаго комитета в Лондонѣ генерал Гермоніус, а также другіе представители русскаго посольства и военных вѣдомств британскаго и русскаго.

В сопровожденіи состоявших при нем лиц и делегатов вице-адмирал Русин обошел выстроенный на перронѣ почетный караул при музыкѣ.

Нас повезли в гостиницу Викторія, гдѣ британским военным министерством было предоставлено помѣщеніе для каждаго члена русской делегаціи.

На другой день послѣ официальных визитов начались засѣданія междусоюзнической конференціи по снабженію, на которых предсѣдательствовали поочереды Лорд Китченер и французскій министр снабженія Альбер Тома.

В своей вступительной рѣчи Китченер отмѣтил своевременность и важность подобной конференціи для успѣхов вооруженных сил союзников. Ея главной задачей было распредѣленіе военных заказов для каждой из стран коалиціи в порядкѣ дѣйствительной срочности заявок. Он сдѣлал бѣглое изложеніе дѣйствительнаго положенія на имѣющихся заводах с их максимальной производительностью.

“С этим положеніем, отвѣчающим дѣйствительности, надлежит счи-

таться каждой из делегаций, прибывших на Совѣщаніе", закончил он свою рѣчь и пожелав успѣха и плодотворной работы конференціи, передал слово предсѣдателю французской группы Альберу Тома — французскому министру военных снабженій.

Послѣдній изложил, что было сдѣлано в этой области во Франціи, как была проведена мобилизація гражданского населенія для нужд военных предпріятій и заводов и как производилось раціональное распредѣленіе рабочей силы: женщин и мужчин в порядкѣ очередей необходимости. Закончил он свое выступленіе выраженіем благодарности британскому правительству и, в частности, лорду Китченеру за то, что Англія взяла на себя инициативу с намѣреніем привести в порядок хаос, царившій в этом вопросѣ, гибельный для общаго дѣла и интересов союзников, ведущих тяжелую борьбу с австро-германцами на всѣх фронтах.

Послѣ него попросил слова начальник русской делегаціи вице-адмирал Русин. Он сказал приблизительно то же самое, что и предыдущіе ораторы, но отбѣнил жертвенную роль русской арміи, принесшей цѣною тяжелых потерь в Пруссіи стабилизацию французскаго фронта на Марнѣ. Далѣе он подчеркнул тот факт, что вслѣдствіе устарѣвших планов военных дѣйствій, положенных в основаніе русской военной промышленности, наша армія оказалась неподготовленной технически к тому широкому размаху военных дѣйствій, который сдѣлался нынѣ очевидным.

"Русская армія, — продолжал Русин, — держит фронт только благодаря нечеловѣческим усиліям и доблести русскаго солдата, обреченнаго на всевозможныя лишенія. Ввиду недостаточности средств защиты от огня противника, ей приходится ухищряться, чтобы всѣми средствами мѣшать прорыву русскаго фронта, с тѣм, чтобы не привести общее дѣло к подлинной катастрофѣ".

Адмирал Русин привел ряд примѣров войсковых частей, гдѣ не хватало ружей и патронов, не говоря уже об артиллеріи.

"Нам нужна реальная помощь и помощь немедленная, дабы спасти нашу армію от разгрома и остановить кровопусканіе, на которое обречены русскіе солдаты, сражающіеся, как говорится, до послѣдней капли крови, чтобы держаться до прибытія матерьяльной помощи в огнеприпасах и тѣм спасти всю анти-германскую коалицію от пораженія. Мы просим признать нашу потребность в военном снабженіи первоочередной, которая должна быть удовлетворена немедленно и полностью, не считаясь с заявками других стран. Вот это наш план снабженія; то, что он содержит, должно быть получено Россіей в порядкѣ первой очереди и без промедленія", — закончил свою рѣчь адмирал, передавая Предсѣдателю Совѣщанія привезенную русской делегаціей вѣдомость потребностей.

Лорд Китченер поблагодари лглав французской и русской делегацій и заявил:

“Мы прекрасно понимаем отчаянное положеніе на русском фронтѣ и приложим всѣ усилія, чтобы удовлетворить справедливыя желанія русскаго военнаго командованія, но я должен, однако, заявить, что русскія заявки, как и потребности других ведущих войну союзников, должны быть сравнены и уточнены в порядкѣ реальной срочности. Мы, к сожалѣнію, не можем допустить, чтобы всѣ заводы работали исключительно на Россію. Мы признаем ея жертвенность и тяжелое положеніе русскаго фронта. Тѣм не менѣе, мы не можем оставить другіе фронты без достаточной защиты. Нам надлежит считаться с тѣм, что мы этим самым уменьшили бы сопротивляемость на Западѣ и за отсутствіем достаточнаго объема огнеприпасов потеряли бы возможность нашим наступленіем на Западѣ облегчить положеніе русских войск на Восточном фронтѣ. Должно быть достигнуто какое-то равновѣсіе. С этой именно цѣлью и созвана эта первая конференція союзников, на которой мы с самой доброжелательной готовностью обсудим русскія заявки, но не забудем и неотложных потребностей в порядкѣ очередей всѣх союзников. Настоящая конференція приступит немедленно к изученію заявок каждаго правительства и правильности тѣх расчетов, на основаніи которых каждым из них составлены цифры этих заявок. Да поможет нам Бог”.

Закончив свою рѣчь, британскій военный министр указал порядок, в каком послѣдует изученіе потребностей союзных армій. Был установлен календарь работ, которыя дѣйствительно начались в тот же день с участіем экспертов по артиллерійским, военно-техническим, интендантским и другим вопросам.

Вечером того же дня адмирал Русин собрал в своем салонѣ гостиницы всѣх членов русской делегаціи с тѣм, чтобы выработать план поведенія наших экспертов на засѣданіях.

“Нѣтъ никакой надобности, во всяком случаѣ я не вижу таковой, — заявил он по поводу желанія британских представителей присутствовать на этом совѣщаніи, — зачѣм понадобилось англійскому военному министру знать детали того, как мы исчисляем нашу потребность? Наши расчеты не подлежат контролю других стран и я не могу допустить подобное вмѣшательство в установленіе нами размѣров нашей потребности. Прошу вас, господа, имѣть это в виду при переговорах. Англичанам нечего совать нос в нашу внутреннюю кухню. Мы не торговцы, запрашивающіе больше того, что нам нужно, чтобы было затѣм что скинуть во время переговоров. Надо им дать понять, что размѣр наших потребностей был опредѣлен русскими военными специалистами в зависимости от планов военных дѣйствій, выработанных нашим генеральным штабом в новых условіях войны с австро-германцами. Мы здѣсь не купцы, не запрашиваем ничего лишняго и я не могу допустить, чтобы англійскіе или другіе представители указывали нам, сколько нужно нам в дѣйствительности орудій, ружей, снарядов, патронов и всякаго другого вооруженія и предметов военнаго или интендант-

скаго снабженія. Итак, я прошу вас, господа, дѣйствовать согласно этому моему указанію” — заключил адмирал Русин.

Затѣмъ совѣщаніе перешло къ обсужденію нѣкоторыхъ общихъ положеній и закончилось около полуночи.

Со слѣдующаго дня начались регулярныя занятія, происходившія в Военномъ министерствѣ или в нашемъ заготовительномъ комитетѣ в Англіи, помѣщавшемся в многоэтажномъ зданіи такъ называемаго India House. Предсѣдатель этого комитета генералъ Гермоніусъ и нашъ военный агентъ генерал-лейтенантъ Ермоловъ, — одинъ своими техническими познаніями и динамичностью, другой своимъ знаніемъ общей политической обстановки, британскаго общественнаго мнѣнія, англійской манеры работать, — были очень полезны для успѣшнаго веденія переговоровъ, в которыхъ намъ удалось искусно обойти тѣ подводные камни, на которые намекалъ адмиралъ Русин, говоря о недопустимости терпѣть “сованіе носа” англичанъ в наши русскія дѣла, расчеты и планы.

Вскорѣ оказалось, что русской делегаціи почти невозможно держаться в сторонѣ отъ треній и интригъ, періодически возникавшихъ между разными делегаціями. По своему характеру эти тренія были крайне несвоевременны, ибо только тормазили переговоры по разнымъ вопросамъ и в особенности о порядкѣ установленія окончательной очереди для выполненія заказовъ. Наша делегація среди другихъ отличалась большимъ патріотизмомъ и рвеніемъ в отстаиваніи русской точки зрѣнія на всѣ вопросы, подлежащія ея компетенціи.

Время отъ времени происходили пленарныя засѣданія в White Hall’ѣ, в помѣстительномъ и высокомъ залѣ, украшенномъ по стѣнамъ дубовой отдѣлкой и портретами военныхъ чиновъ минувшей эпохи. Вокругъ поставленнаго покоемъ и крытаго краснымъ сукномъ стола находились кожаныя кресла с высокими спинками. Передъ огромнымъ каминомъ помѣщалось монументальное кресло предсѣдателя. Всѣ члены делегацій сидѣли по его сторонамъ. Ровно в 9 утра растворялась монументальная дверь и в залъ входилъ военный министръ лордъ Китченеръ, по правую руку котораго садился Альберъ Тома. Наша делегація помѣщалась всегда напротивъ предсѣдателя, с правой стороны, нѣсколько наискосокъ. Къ нашему составу присоединился еще вновь прибывшій изъ Ставки полковникъ генеральнаго штаба Кельчевскій (будущій командующій одной изъ нашихъ армій). Генераль Гермоніусъ также принималъ участіе в преніяхъ, иногда происходившихъ в повышенномъ тонѣ и всегда, в общемъ, по одной и той же причинѣ: каждая делегація стремилась закрѣпить за собою какъ можно большее количество военнаго снабженія и, притомъ, какъ можно быстрѣй. На одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Адмиралъ Русинъ заявилъ по поводу требованія предъявить расчетъ и планъ нашего Командованія, которые подтверждали бы правильность нашихъ заявокъ, что этотъ вопросъ не можетъ подлежать разсмотрѣнію и обсужденію членами совѣщанія, какъ равно и русская делегація не будетъ настаивать на

полученіи справок и финансовых расчетов в обоснованіе соотвѣтственных заявок наших союзников.

“Мы полагаем, — заявил по этому поводу адмирал, — что всѣ эти расчеты отвѣчают дѣйствительности и обсужденію не должны подлежать. Со своей стороны официально заявляю, что наш, так называемый, «List of articles» составлен de bonne foi и без преувеличеній, а потому никакому обсужденію не может быть подвергнут”.

Взятый адмиралом Русиным твердый тон произвел большое впечатлѣніе на присутствовавших. Он был одобрен и нашим послом, вполне раздѣлявшим патриотическіе, полные достоинства взгляды адмирала. Когда мы были приглашены к графу Бенкендорфу на интимный обѣд, граф в отвѣтъ на жалобу Русина о странных требованіях британцев замѣтил:

“Пожалуйста, не придавайте, адмирал, много значенія этим требованіям. Не попадайтесь на эту удочку. С англичанами надо быть очень твердыми при оспариваніи их необоснованных желаній. Вы увидите в послѣдствіи, что ваша твердость принесет вам только благіе результаты”.

Так и оказалось, как предвидѣлъ Россійскій посол. Впредь наши заявки обсуждались не с точки зрѣнія их цѣлесообразности и обоснованности, но исключительно исходя из принципа срочности в порядкѣ их исполненія и срочности поставок, обусловленной совокупностью заявок всѣх союзников.

(Продолженіе слѣдует)

А. Терне.

„ТРЕСКОТНЯ” — И ДРУГОЕ

В течение десятилетий в Советском Союзе мѣнялось напряженіе, с которым накачивалась марксистская премудрость, но все всегда сводилось к одному: да здравствует коммунизм! Но вот теперь появились нѣкоторые признаки того, что и тут наступает какой-то поворот.

Эта тема и составляет предмет нашего вниманія сегодня.

1.

Не успѣли отгремѣть торжественно-праздничныя статьи и привѣтствія по поводу съѣзда писателей, как надвинулся очередной праздник СССР: “юбилей” Комсомольска-на-Амурѣ, построеннаго руками комсомольцев.

“Комсомольская правда” по этому случаю заполнила свои полосы матеріалами относящимися к жизни комсомола. Слѣдует еще напомнить, что есть обычай в такіе праздничные дни ничего отрицательнаго в газетах не печатать. Теперь от этого обычая редакція сдѣлала существенное отступленіе: напечатала большую статью “Мысли и дѣла сплав” (двойной подвал).

“Мы много и справедливо говорим и пишем, что каждому молодому человѣку необходимо знаніе марксистской теоріи. Мы не устаем призывать к ея изученію. Мы подчеркиваем при этом, что интерес к теоріи идет от жизни и замыкается на жизни через ея осмысленіе. Другими словами, мало изучать марксизм, надо примѣнять его.

“Но вот здѣсь-то и существует загвоздка. Не укладывается в сознаніи это “примѣнять”, не всегда вписываются классическія формулировки в будничныи ритм заводов и строек. Факты? На моем столѣ письмо рабочаго из Подмосковья Геннадія Сидоркина: “Ну, допустим, изучил я “Капитал” или “Коммунистическій манифест”, или ленинскую работу “Государство и революція”. Дальше начинается “сопоставленіе с дѣйствительностью”. Нѣтъ, не вообще, а у себя на заводѣ, в цехѣ. Прихожу, допустим, к выводу, что-то не так у нас получается. Что потом? “Настрогать” из классиков цитат и итти к мастеру, у котораго шесть классов за плечами, и который о Марксѣ знает только то, что тот с бородой? К директору, рискуя выслушать упрек в “цитатничествѣ” и “демагогіи”? Или, может быть, в райком комсомола, гдѣ, чего добраго, обвинят тебя в политической незрѣлости, в том, что не замѣчаешь ростков добраго, свѣтлаго и т. д.?”

Приведен только отрывок из письма Сидоркина. Но воспроизведенная питата уже достаточно ясно говорит о том, что в настоящее время приводит в недоумѣніе рабочаго и страшит эmissара партіи — пропагандиста: полное несоотвѣтствіе марксистской теоріи с “совѣтской” жизнью.

И рабочаго не интересует изобрѣтенная Агитпропом “правда в вѣках”. Он хочет знать ее “не вообще, а у себя на заводѣ, в цехѣ”. То-есть — сегодня и на всяком мѣстѣ, гдѣ примѣняется партійная правда и законность.

Отвѣчать на так поставленные вопросы газетѣ необходимо, потому что вопрошающіе теперь совсѣм не тѣ комсомольцы, что лѣт сорок тому назад, которые если что и умѣли, так только повторять за своими вожаками “давай, давай”, помахивая при этом “довѣренными” им наганями. Тѣ “Капитала” “ни при какой погодѣ не читали”. А тепершніе не только читают, но и разбираются в прочитанном.

Самое страшное для партіи в том, что, возвращенная ею, “комсомольская молодежь” научилась, в ея, партійных школах, критически мыслить. Времена, когда Геннадія Сидоркина за такія письма взгрѣли бы “как сидорову козу”, тоже давно прошли. И тѣм болѣе необходимо ему что-то отвѣчать. Но что?

Автор статьи нашелся. Он не проповѣдует о том, что слѣдует дѣлать, а... в отеческом тонѣ начинает увѣщавать:

“Можно, конечно, разсыпаться тысячами упреков по поводу политическаго снобизма и брюзжанія автора письма. Можно напомнить ему, что продуктивность тѣх или иных методов борьбы (марксистской теоріи в том числѣ) провѣряется не умозрительно, а в процессѣ самой борьбы, что нельзя же бороться, вооружившись лишь цитатами или раскавыченными выводами из авторитетов... — это все равно, что идти в бой с чужим оружіем, рискуя ни разу не поразить цѣль”.

Автор статьи выкрутился: иди, дескать, к директору со своим “оружіем”, а Маркса оставь в покоѣ. Но, если директор отрекается от “цитатчика”, то вѣдь тѣм самым он отрекается и от того, кто автор цитаты. От Маркса, от Ленина!? А если директору и “основоположники” — не указ, так что же может ему достаточно убѣдительнаго представить рабочій из своего собственнаго “оружія”?

Сидоркина с его письмом автор статьи на этом и оставляет в покоѣ. Разговор на тему “у себя на заводѣ, в цехѣ” ему, видимо, совсѣм не по вкусу, и он стремительно переходит на разсужденія “вообще”.

Но здѣсь-то и начинается самое интересное.

“Ленин предупреждал в свое время, что коммунистическія книги и брошюры, сами по себѣ, еще не воспитывают политиков... Поэтому, в частности комсомольская практика послѣдних лѣт и отмѣчена поиском таких форм работы, которыя способствовали бы *воспитанію людей политически нравственных* (курсив мой. — Б. С.), а это возможно

лишь тогда, когда политическое слово и политическое дѣло сплавлены воедино”.

Об этом автор лучше бы помолчал. Ленин “политически нравственным” человѣком никогда не был. О том, что он принял деньги из рук нѣмецкаго командованія во время войны против Россіи, достаточно извѣстно, как и о том, какой разгул именно при нем приобрѣли “силы революціи”, примѣнившія террор в крайних размѣрах.

Но будет небезполезно привести еще одно, мало извѣстное свидѣтельство человѣка, долго и близко знавшаго того, именем котораго партія теперь старается облагородиться, выставляя его в качествѣ нѣкагого святого, уча всѣх слѣдовать его “моральному” ученію.

Владимір Войтинскій, долго наблюдавшій Ленина, выпустил еще в 1923 году в Берлинѣ книгу “Годы побѣд и поражений”. Вот что он писал:

“Партія не пансіон для благородных дѣвиц, — говорил Ленин. — Нельзя в оцѣнкѣ партійных работников подходить с узенькой мѣркой мѣщанской морали. Иной мерзавец может быть тѣм для нас и полезен, что он мерзавец...”.

“...Если при Ленинѣ говорили о недопустимых поступках какого нибудь большевика, он иронически замѣчал: У нас хозяйство большое, а в большом хозяйствѣ всякая дрянь пригодится”.

Все это было “хорошо” в то время, когда требовалось “старый мір разрушать”. Но вот пришло время новый мір *строить*. Тут-то “дрянь”, набранная в партію Лениным, и оказалась строителем никуда не годным.

Не товарищам коммунистам воспитывать подвластных им людей в нравственных правилах. Их теперешнія попытки все свести к принятію “заповѣдей строителя коммунизма”, в которых они попытались к своим цѣлям, привычкам и вкусам приспособить мораль религіозно-нравственную, — безнадежная затѣя.

Их попытки отдѣлаться “развѣнчаніем” Сталина, свалив на него одного всю отвѣтственность за преступленія всей партіи, в свою очередь ни на чем не основаны. Маркс и Энгельс, как основоположники коммунизма, — интеллектуальные зачинщики тѣх звѣрств, которыя творились как во времена Ленина и Сталина, так и при владычествѣ болѣе поздних их преемников. Теперь эти звѣрства приняли иной облик. Но законспирированные лагеря, о которых начинают просачиваться вѣсти, ссылки в “трудовые колоніи”, заключеніе в дома умышленных, — все это поступки власти аморальные и противозаконные (даже с точки зрѣнія партійных законоположеній).

2.

Кое как отдѣлавшись от необходимости отвѣчать на вопрос, на

который отвѣтить по существу ничего нельзя, автор разбираемой статьи переходит к занятію, мало что общаго имѣющему с письмом Сидоркина, — к описанію, к разъясненіям: что такое “ленинскій урок”.

“Инициаторами ленинских уроков первыми выступили редакціи молодежных газет (впервые ленинскій урок состоялся по темѣ “Не жди мандатов, контролер”)... Интерес к ленинским урокам довольно быстро стал массовым. Однако, послѣднее время кое гдѣ недавній энтузіазм схлынул (с газетных страниц во всяком случаѣ)”.

Автор дальше сообщает два примѣра, безспорно типичных, хотя он этого и не говорит.

“Два ленинских урока по одной и той же темѣ: “Мы придем к побѣдѣ коммунистическаго труда”. На Ленинградском заводѣ имени ХХІІ съѣзда и на цементном заводѣ в Мордовіи. Но если у ленинградцев это взыскательный и требовательный анализ, ...если по словам старѣйшаго ленинградскаго пропагандиста... “ни от одного участника урока мы не имѣли заявленія, что он уже трудится по-коммунистически”, то совершенно иная картина у цементников. Вмѣсто анализа — здѣсь умиленіе итогами... ленинскія питаты, формально пристегнутыя... и единственная нерѣшенная проблема — отсутствіе у ударников коммунистическаго труда дополнительных льгот”.

Иными словами — вскрылась необоримая истина. Ни там, ни здѣсь ударников коммунистическаго труда не существует. И в этом нѣтъ ничего загадочнаго. Вѣдь, если расшифровать пропагандныя словоизліянія, то “ударник коммунистическаго труда” должен больше работать и меньше зарабатывать. А такое требованіе очень просто комментируется крыловским: “И кому же в ум пойдет на желудок пѣть голодный”.

Только вожди матеріалистическаго ученія додумались до таких требованій, — не к себѣ, а к трудящимся! Автор статьи полагает, повидимому, иначе и продолжает:

“Только на таком пути и ждет нас успѣх. Там, гдѣ с него свернули, там спад интереса к урокам. Там, гдѣ на него не вставали, — там интерес и не появлялся”.

Дальше идет мало вразумительное разсужденіе о “печальной участи “новых форм”, когда с их помощью старались латать старыя дырки, зашивать узкія мѣста комсомольской (в том числѣ и журналистской) практики, не размышляя особо о назначеніи этих форм”.

Из всего этого можно сдѣлать только одно заключеніе: комсомольскія организациі и газеты что-то дѣлают не так, как того требуют “верхи”, “латая старыя дыры”.

Но выговор за то, что продѣлывают это “не размышляя”, — неумѣстен. Всѣ вожди, и “персональные”, и “коллективные”, в теченіе полустолѣтія добивались бездумнаго повиновенія. Если сегодня и ближайшіе помощники верхов занимаются тѣм же безпрекословным ис-

полненіем буквы “спущеннаго” распоряженія, то их вины в том нѣтъ. Но автор и этого не принимает во вниманіе, а продолжает:

“Слѣдует сказать, что эта старая и заскорузлая болѣзнь (привитая самой партией, — добавим мы. — Б. С.) не такое уж рѣдкое явленіе: надѣмся, к примѣру, что комсомольское собраніе оживет благодаря свѣтовым или звуковым эффектам и в политкружок начнется паомничество, если придумаем ему романтическое названіе”.

И опять: напрасный труд, — облекать в наукообразную, не сразу понятную форму давным давно всѣм извѣстный факт. Комсомольскія собранія удаются в большинствѣ случаев тогда, когда они сопровождаются танцами — “звуковыми эффектами”. А “свѣтовыми эффектами” комсомольцам сел и деревень не дано развлекаться: кино-передвижек, даже для пропаганды, нехватает. Сколько раз об этом доводилось читать в “Крокодилѣ”. Но “Крокодил” — не “Комсомольская правда”. Над его страницами полагалось смѣяться, а теперь слѣдует и подумать: над тѣм, о чем продолжает рассказывать статья.

“Иногда приходится слышать: “Кружок распался. Переходим на Ленинскіе уроки”. Так прямо и заявили на одной фабрикѣ, в одном совѣтѣ еще молодом, комсомольском, по возрасту, городѣ. На фабрикѣ сложныя условія работы, вызванныя во многом неразворотливостью администраціи. (Не потому ли она “неразворотлива”, что уж слишком многосложна: “совѣтская” администрація, затѣм партійная, комсомольская — это во всяком случаѣ; но в дѣла административныя нерѣдко вмѣшиваются, конечно, и профсоюз — не очень сильно, — и всевозможные контроли. — Б. С.). Остро нехватает жилья для рабочих фабрики. Рабочіе — в основном пріѣзжіе — на ней не задерживаются. Комсомол устранился и от производственной жизни, и от насущных нужд своих комсомольцев, квартирных в том числѣ. Что даст на таком предпріятіи Ленинскій урок, да еще на тему “Завѣтам Ленина вѣрны”, как это предлагалось, если здѣсь даже актив не сколочен, если собранія не собираются, если большинство комсомольцев даже не открывали ленинскій томик? И вовсе не исключено: отпрапортуют нѣкоторые молодые, что завѣтам, мол, вѣрны, а назавтра соберут чемоданы, забыв о своей вѣрности”.

И тут не сказал автор ничего новаго: сколько лѣтъ уже об этом писалось. Да и удивляться здѣсь тоже нечему. “Лагерь социализма” таков, что в совершенном порядкѣ в нем должно быть только дѣлопроизводство. Там вѣдь все “директивами спущенными сверху” начинается, а рапортами кончается.

Но в статьѣ есть и новое. И не только такія словечки, незнакомыя в коммунистических писаніях, как “латать старыя дыры”, но еще и то, что она подписана *“завѣдующим отдѣлом пропаганды и агитаціи ЦК ВЛКСМ”*.

Что статья написана кѣм-то из особо “отвѣтственных”, ясно и из ея изложенія. Но обыкновенно такія статьи раньше “спускались”

в редакції газет без подписи. Напрашивается единственное объяснение: весьма высокопоставленную персону обязали выступить от своего имени в цѣлях вящшаго внушения.

Но персона, по нашему убѣжденію, выполнила поставленную ей задачу очень неказисто.

Закончив обрисовку печальной картины на не названном по имени заводѣ, что в совѣтской печати вообще-то не положено, “отвѣтственный” автор пишет, что у желающих проводить ленинскіе уроки “не выработалось умѣніе самим выбирать тему урока”, а потому они обращаются к “старым подшивкам” (газетным, конечно).

“А старыя подшивки пестрят заголовками: “Революція продолжается”, “Я себя под Лениным чищу”, “Чтобы плыть в революцію дальше”. Эти темы очень общи, *они сами по себѣ фактически исключают живой анализ живой практики* — что составляет душу в ленинском урокѣ (курсив здѣсь и дальше мой. — Б. С.). И за обязывающим названіем приживается на практикѣ *болтовня*... И получается порой парадоксальное: цитируем такія нужныя, такія вѣрныя и своевременныя ленинскія слова о вредѣ политической *трескотни*, о необходимости практическаго осмысленнаго дѣла, а сами низводим это дѣло до голой словесной агитки в видѣ постановленія “всѣм комсомольцам учиться” или призыва перевыполнять нормы. Развѣ это не разновидность той же трескотни? Развѣ мы таким образом не лишаем слово реального жизненнаго смысла?”.

Вот она, наконец, долгожданная, безукоризненно вѣрная и, что особенно важно, авторитетная оцѣнка всей практики построения коммунизма, данная самим “завѣдующим отдѣлом пропаганды и агитаціи ЦК ВЛКСМ”!

Вѣрно — болтовня! Тысячу раз вѣрно: трескотня!

Затѣм высокопоставленный автор принимается хвалить волгоградскую газету “Молодой ленинец” за статью, в которой проведена “острая полемика со столь чуждым Ильичу пропагандистским принципом “дай, дай”. “Я имѣю в виду, — пишет автор этой статьи, — общепринятая похвала в адрес тѣх, кто “дал 250 процентов”, кто “работает в счет 198... года”, когда все это преподносится без сколько нибудь серьезнаго указанія на то, за счет чего это достигается. Когда же копнешь глубже, то оказывается, что “дал на пять лѣтъ вперед”, а серьезный экономист увидит в этом замораживаніе оборотных средств, “выработал 150 процентов”, а брака четыре процента. Здѣсь тоже есть цитаты, даже в названіе урока вынесены ленинскія слова “хозяйствуйте всѣ”, но какой заряд увлекательности и дѣловитости таят они в себѣ, скинув догматическую шелуху “цитаток”, обнажив свѣжую и острую ленинскую мысль!”.

Позволительно спросить: да что же тут “свѣжаго и остраго”? Развѣ не от вѣка и до сего дня “хозяйствуют всѣ”, вездѣ, гдѣ только

не заворачивает дѣлами и людьми на самом “строга научном основаніи” коммунистическая партія!?

“Но пороку, очевидно, не хватило у газетчиков; журналисты и комсомольскіе активисты позволяют почему-то затухать выстѣченной искрѣ...”.

Да как же вы можете, оберпропагандист и партійный товарищ, своих комсомольцев, подвластных вам на каждом шагу, выставять на поруганіе, когда вы сами в тот же самый момент, не то что “позволяете затухать”, а просто-на-просто поносите и отвергаете именно то, что десятилѣтіями насаждали как всесоюзную практику, — это самое “давай, давай”, начиная с того самого дня, когда выдумали и выпестовали вашими же пропагандными усиліями пресловутаго Стаханова! Того самого Алексѣя Стаханова, котораго на этих же днях, в очеркѣ “Слава и будни”, застѣнчиво вспомнила редакція, помѣстившая ваши разсужденія, выговоры и обвиненія.

Облегчив душу разносом комсомола и партійных газет, автор уже совсѣм спокойно переходит к схоластическому разбору: какая разница между ленинским уроком, кружком и школой? И он пишет:

“Пропаганда ленинизма — дѣло и увлекательное, и архисложное: всѣм нам учиться и учиться. Учиться тѣм болѣе необходимо, что нѣтъ болѣе популярной и авторитетной для молодого поколѣнія личности. Колоссальна потребность в освоеніи его теоретическаго наслѣдія”.

Этими утвержденіями В. Ганичев, завѣдующій отдѣлом пропаганды и агитаціи ЦК ВЛКСМ, автор статьи, прикрывает как фиговым листком свою главную мысль.

А мысль эта подана — тоже не очень откровенно — под нападками на газетные призывы “давай, давай”. Они, вѣдь, не что иное, как старое партійное требованіе производства как можно большаго количества “любой цѣной”. Берем это выраженіе в кавычки. Оно не нам принадлежит, а совѣтским редакціям. Результат: брак, временами невѣроятно высокая стоимость производства.

Теперь, как будто бы, курс мѣняется. Насколько “всерьез и надолго”, неизвѣстно. Но оставим догадки в сторонѣ. Обратимся лучше к фактам.

В промышленности переходят к “буржуазной” оцѣнкѣ результатов производства по признаку прибыльности. Значит, “давай, давай” больше не к мѣсту.

В сельском хозяйствѣ под шумок, без болтовни (чрезмѣрной) переходят (частично уже и перешли) к нѣкому артельному кооперативному способу земледѣлія, гораздо ближе стоящему к частной собственности, чѣм к коллективному хозяйству. Именно в “Комсомольской правдѣ” уже давно прозвучали требованія “юридическаго закрѣпленія земли за лицами ее обрабатывающими”. И, что знаменательно, кампанія за осуществленіе этого перехода началась в той же газетѣ под назва-

ніем “Ленинскій урок”, при непосредственном и активном участіи Свѣтличнаго, героя соціалистическаго труда, члена партіи.

Это особенно подчеркиваем потому, что в опытных руках “умѣльцев” из Агитпропа Ленинскія цитаты годны на всяком мѣстѣ и по всякому случаю.

Писатели, поэты, художники все больше и дальше отходят от партіи и от услуженія ей. Результаты послѣдняго конкурса на ленинскія преміи и позорный в полном смыслѣ этого слова съѣзд писателей, — доказательства вполне достаточныя.

Молодые ученые, также по свидѣтельству партійной печати, рѣшительно и безбоязненно заявляют, что “времена філософіи прошли”, что ее надо сдавать в архив. Но вѣдь в СССР разрѣшается и не преслѣдуется, т. е. не сдается в архив, только одна філософія — марксистская!

Когда же партія рѣшает от чего либо или от кого либо отдѣлаться, то пускает в застрѣльщики “Комсомольскую правду”. Так было в случаѣ с партійным академиком Лысенко, так было при переводѣ колхозов и совхозов на “полный хозрасчет”, по-настоящему — на звенья.

Так начинается и теперь.

3.

8 іюня “Комсомольская правда” помѣстила чрезвычайно интересную и обширную статью А. М. Румянцева, вице-президента Академіи Наук СССР, озаглавленную “Вступающему в мір науки”. В редакціонном примѣчаніи сказано: “Статья подготовлена автором на основѣ его выступленія на научно-теоретической конференціи “Соціализм и молодежь”. Слѣдовательно, статью эту можно разсматривать как одну из рекомендацій академіи по затронутому вопросу.

А так как Академія Наук в СССР считается еще и сегодня — “оружіем партіи”, особенно в вопросах соціальных, а президент Академіи — член партіи, то можно полагать, что академик Румянцев формулирует настроенія, существующія и в ЦК КПСС.

И еще. Эта статья по существу — продолженіе статьи “Мысли и дѣла сплав”. Разница только в том, что та предназначена для рядовых комсомольцев и написана языком пропагандиста, а эта — для студентов, соответствующим языком академика.

Общее содержаніе и той и другой можно изложить совсѣм коротко. Марксизм-ленинизм поустарѣл, его необходимо обновлять новыми изслѣдованіями и “открытіями”, “для повышенія эффективности общественнаго производства, которое позволит рѣзко поднять жизненный уровень нашего народа...”.

Статья А. М. Румянцева еще недавно была бы совершенно невозможна на страницах партійной газеты, не только потому, что она

достаточно откровенно обрисовывает настроенія молодежи, но еще и потому, что показывает, какими способами, какими приёмами пользуется партія для того, чтобы отмежеваться от своих партійных прародителей.

“Вопрос об отношеніи молодежи к наукѣ, — пишет он, — совершенно справедливо выдвинут сегодня на первый план. Именно молодым ученым предстоит все в большей мѣрѣ предвосхищать, открывать неизвѣданные пути к будущему, главным принципом котораго является, по словам Маркса, свободное и всестороннее развитіе личности каждаго, как условіе развитія всѣх. Само собой разумѣется, что воплощеніе этого принципа в жизнь без всемѣрнаго развитія науки просто немыслимо”.

С мыслью академика невозможно не согласиться, — но в том только случаѣ, если бы с наукой не имѣли дѣла такіе “ученые” как Сталин или Хрущев. Значит ли такое вступленіе академика, что партія отмѣнила данную ею “свободу в рамках марксизма”, что в будущем и впрямь “общественными науками” будут заниматься ученые, а не вожди партіи?

“В. И. Ленин в своей работѣ “От какого наслѣдства мы отказываемся?”, написанной задолго до октябрьской революціи, подчеркивал, что хранить по-настоящему прогрессивное идейное наслѣдіе прошлаго, значит развивать и обогащать его, — продолжает академик. — К сожалѣнію, в опредѣленные періоды нашего развитія (которые непрерывно продолжались с первых дней революціи и может быть — что еще далеко не доказано — близятся к концу только теперь. — Б. С.), этим указаніем Ленина как бы пренебрегали. Создавалось впечатлѣніе, что все существенное в развитіи марксизма-ленинизма уже сдѣлано и что остается лишь пропагандировать и популяризировать нѣкую сумму готовых выводов.

“Такое положеніе вещей в наших общественных науках пагубно отражалось и на научно-техническом прогрессѣ в цѣлом... Это привело к тому, что общественныя науки *стали в какой-то мѣрѣ терять свой престиж в глазах нашей научной общественности и в особенности в глазах молодых*” (курсив здѣсь и дальше мой. — Б. С.).

“Иногда наша вузовская молодежь, столкнувшись с тѣм или иным неумным преподавателем, не умѣющим или не желающим отвѣтить на волнующіе ее вопросы, “честит” почему зря общественныя науки вообще.

“Особенно это относится к студентам естественно-научных и технических вузов. Здѣсь можно услышать, напримѣр, что всѣ науки дѣлятся на естественныя, сверхъестественныя (то-есть изслѣдующія совершенно новыя, необычныя области) и, как студенты иногда выражаются, *противоестественныя, то-бишь общественныя*.

“В подтвержденіе обращаются к практикѣ недалекаго прошлаго. Приводятся взгляды юристов на теорію судебного доказательства и

презумпцію невинности, взгляды философов на теорію относительности, на кибернетику и так дальше. Всѣ эти примѣры, разумѣется, малютѣшительные. Но можно ли дѣлать отсюда общій вывод о несостоятельности общественных наук?”.

Академик не постѣснялся (а может быть и здѣсь выполнил опредѣленное зданіе?) указать на часть преступленій, которыя партія совершила по отношенію ко всей странѣ накладываніем своих невѣжественныхъ запретовъ на научныя достиженія, потому что они “противорѣчат марксизму”.

Но послушаем, как он оправдываетъ всѣ эти “неувязки”!

“По-моему это просто несерьезно. Никакой процесс познанія не можетъ быть свободен от ошибок и заблужденій, подчас роковых, и ни одна наука, будь то естественная или общественная, не движется к абсолютной истинѣ церемоніальнымъ маршем, ни разу при этом не сбившись с ноги. Если же сбой в общественных наукахъ случается чаще, чѣм в естественныхъ, то это лишь отражает тот фактъ, что онѣ болѣе непосредственно апеллируютъ к человѣку, острѣе задѣваютъ его живые, соціальныя интересы. Неспроста же Ленин отмѣчал в “Матеріализмъ и эмпириокритицизмъ”, что если бы математическія аксіомы задѣвали чьи-то интересы, их бы давно уже опровергли”.

Ленин в этомъ случаѣ былъ безусловно прав. Всякій научный — но только не марксистскій — экспериментъ всегда ставится в узкихъ рамкахъ, какъ временныхъ, такъ и пространственныхъ, притомъ со всѣми возможными предосторожностями, чтобы “остро не задѣвать жизненные интересы” человѣка.

Но марксистская наука вотъ уже полстолѣтія эти интересы “задѣваетъ”, да еще какъ “остро”.

Напомнимъ академику, какъ в первое время партія по существу поставила внѣ закона “лишенцевъ”, виновныхъ только в томъ, что ихъ родители честно несли государственную службу, такъ же, какъ и теперь есть люди честно ее несущіе; напомнимъ, какъ прикрѣпили к предпріятіямъ рабочихъ, какъ выпускали фальшивыя банкноты царскаго времени и сплавляли ихъ легковѣрнымъ иностранцамъ, безъ всякаго, конечно, покрытія... И можно ли указать иную “науку”, которая бы стоила (и продолжаетъ стоять) человѣчеству столько испытаній, страданій и крови, какъ “общественная наука” коммунизма?!

Далѣе слѣдуетъ весьма серьезная мысль, изложенная, к сожалѣнію, очень туманно. Академикъ говоритъ:

“Передъ нами уже брежитъ заря новаго вѣка — вѣка біологіи, которой принадлежитъ поистинѣ безграничное будущее. Но ея достиженія, какъ и достиженія физики, сами по себѣ еще не содержатъ гарантій того, что научно-техническій прогрессъ, с его поистинѣ сказочными возможностями, будетъ служить на благо, а не во вредъ человѣку. Ядерная энергія можетъ быть использована, какъ для того, чтобы поднять

жизненный уровень бѣдных в энергетическом отношеніи стран, так и для того ,чтобы положить конец жизни на землѣ”.

Мысль об опасностях неоспоримо правильная. Но в ком, или в чем видит академик носителя этой опасности?

Не приходится сомнѣваться в том, что в СССР уже теперь ведутся соотвѣтствующія работы, как ведутся онѣ и в США. Но и та, и другая сторона об этом неумоимо молчат. Это огромной важности военная тайна. Так, напримѣр, уже годами в обѣих странах конкурирующих по вопросам вооруженія ведутся усиленные работы для усовершенствованія лазерных аппаратов. И ведутся онѣ, конечно, не для того только, чтобы при их помощи контролировать точность возведенія телевизионной башни в Передѣлкино: там это такая тайна, к которой не подпускают ни одно лишнее лицо. Американская печать писала на эту тему куда больше. Но может быть академик вынужден был упомянуть об опасностях, принимая во вниманіе тѣ сужденія, которыя ведутся по данному вопросу среди молодежи, “вступающей в науку”?

Впрочем, автор в слѣдующем абзацѣ нѣсколько раскрывает смысл им сказаннаго.

“Не случайно, что современное прогрессивное человѣчество встало перед рѣшеніем серьезной задачи: при каких общественно-политических условиях и какими социальными инструментами нужно управлять огромными, созданными наукой и техникой силами, напримѣр, атомной энергіей. Принесут ли эти силы нашей цивилизаціи разрушеніе или даже гибель или онѣ будут служить величайшими рычагами прогресса — вот вопрос, который объясняет нам, почему особенно в послѣднія десятилѣтія развитіе общественных наук принимает все болѣе бурный характер. Вѣдь науки об обществѣ, как их понимают марксисты, являются инструментом человѣческаго познанія, который обезпечивает использование достижений научно-техническаго прогресса для счастья человѣчества. Только онѣ могут рѣшить актуальнѣйшую проблему современнаго міра — проблему оптимальных социальных условий для управленія созданными наукой и техникой силами”.

Академик — это не подлежит сомнѣнію — все время ведет разговор о марксизмѣ. Почему же он опредѣляет его только как “инструмент человѣческаго познанія”? Вѣдь пол-вѣка коммунисты утверждали, что марксизм есть, так сказать, наука всѣх наук, что без него — послѣдняго слова в наукѣ — вообще немислимо существованіе?

Доклад академика (статья написана, напоминаем, по докладу) сдѣлан блестяще. Начав с наук естественных и точных, он все больше отходит от них с почти незамѣтной постепенностью и переходит к наукам — по опредѣленію совѣтских студентов — “противоестественным”. И теперь туман начинает постепенно осѣдать, становится яснѣе, в каком направленіи движется мысль докладчика. Он переходит к тому, что:

“Рѣчь идет, как говорят теперь, об интеграціи наук, хотя строго

говоря, этот термин не совсем точен. Опредѣляемые этим термином процессы отнюдь не являются сліяніем ранѣ обособленных дисциплин в одну новую, а означают *установленіе болѣе тѣсной связи, развитія общих методов для самых, казалось бы, различных наук.*

“В современную эпоху... произошло соединеніе математики с экономикой, инженеріи с психологіей, изслѣдованій в области производства и быта с эстетикой. Точныя естественныя науки все чаще и настойчивѣе проникают в общественныя науки, *развивая и обогащая их.* Пожалуй, самым наглядным свидѣтельством тому является *проникновение кибернетики в экономическія, социологическія, историческія, лингвистическія и науковѣдческія изслѣдованія.* Становится трудным найти область знанія, гдѣ не примѣнялись бы электронно-вычислительныя машины”.

Это весьма цѣнное признаніе полностью устанавливает несостоятельность марксистской “науки”, еще вчера, так сказать, державшей кибернетику под строжайшим запретом.

“И сегодня сам облик специалистов в таких областях знанія, как *инженерная психологія* или *техническая эстетика*, серьезно измѣняет ту традиционную дилемму, которую ставили не так давно перед молодым человѣком, выбирающим профессію. Теперь уже не вполне правомѣрно звучит вопрос — хочешь ты быть “физиком” или “лириком”?”.

Эта откровенность академика пуще прежней. Вѣдь такое раздѣленіе в устах пропагандистов всего нѣсколько лѣтъ тому назад звучало, как “наш” ты или не “наш”? Социально-близкій или далекій?

“Рѣчь идет о том, — продолжает ученый, — что для рѣшенія конкретной проблемы той или иной общественной науки теперь требуется пѣлый комплекс совершенно опредѣленных знаній: современная исторія, наприимѣр, всерьез изучает и конкретную социологию, и социальную психологию, и логику, и криминалистику”.

Значит, теперь уже недостаточно одних экономических знаній для опредѣленія всего хода исторіи!? Сильный удар по “ученію”...

“Однако, современное взаимодействіе естественных и общественных наук — это не простая проблема, и она заслуживает самаго пристального вниманія ученых. *Нельзя просто повернуть руль на сто восемьдесят градусов* и начать без разбора внѣдрять в общественныя науки, наприимѣр, кибернетику”.

Не возражаем. Кибернетика — может быть и наименѣе “опасное” из того, что ищет себѣ мѣста в “общественных науках”. А если для развитія общественных наук примѣнить, скажем, философію не марксистскаго типа, что тогда получится? В цѣлом это означало бы не меньше, не больше, как революцію. Крови при этом нельзя желать — ея и без того пролито больше, чѣм достаточно. Но нельзя и забывать, что “промедленіе смерти подобно”, особенно для партіи в настоящем ея положеніи.

Академик, повидимому, и не нуждается в нашем, только что высказанном предупреждении, так как сам дальше говорит:

“Отсюда, конечно, вовсе не слѣдует, что мы уже теперь не можем и не должны выискивать пути примѣненія высоко эффективнаго кибернетического аппарата к рѣшенію тѣх или иных общественных проблем. Въѣ даже в нынѣшних условиях, когда статистическая база оставляет желать много лучшаго (опять разительное признаніе. — Б. С.), примѣненіе кибернетических методов и техники дает положительные результаты. *Огромное значеніе, напримѣр, дает перестройка всей системы управленія на кибернетической основѣ. Примѣненіе кибернетики в общественных науках представляет собой широкую и благодарную арену для приложенія творческих способностей нашей молодежи — особенно в условиях, созданных нынѣшней хозяйственной реформой*”.

Это невозможно опровергать. Но позволительно задать вопрос: что останется — если останется вообще — от партійной системы, если ее начнет “перестраивать” современная молодежь, при помощи кибернетики, а с ней и ту общественную науку, которую она квалифицирует как противоестественную?

В этой “перестройкѣ” академик рекомендует использовать и “конкретную социологию, особенно в современных условиях широкаго примѣненія электронно-вычислительной техники. Работа социологов позволяет гораздо точнѣе опредѣлить сдвиги в социальной жизни общества, коллектива и отдѣльных людей под вліяніем научных, экономических, технических, культурных и других факторов. Социология дает то, что в кибернетикѣ называется механизмом обратной связи. *Результатом этого является повышеніе эффективности управленія обществом, политической и идеологической работой*”.

Слѣдовательно, еще раз, еще по иному поводу, марксистская наука во всяком случаѣ должна как-то посторониться?

Но, продолжает автор, “нас интересует не только существующее положеніе дѣл, но и возможные измѣненія в будущем”, а потому “становится болѣе настоятельной необходимостью предвидѣть... и отдаленныя послѣдствія того или иного мѣропріятія в экономикѣ, техникѣ, культурѣ. Рѣшенію этой, крайне сложной задачи служит особая наука — социальное прогнозированіе”.

И опять, повидимому, помимо марксизма-ленинизма.

“Современное общество представляет весьма сложный комплекс развитія каждой из сторон его жизни, разсматривать которыя нужно в тѣсной взаимосвязи. Динамика роста численности населенія обусловлена экономическими, научными, техническими, политическими факторами и сама в свою очередь оказывает на них серьезное вліяніе. *Поэтому любое прогнозированіе должно носить комплексный характер и учитывать сложныя взаимодѣйствія всех без исключенія факторов*. (Опять для діамата не слишком почетное мѣсто. — Б. С.). Ра-

бота в этой области требует умѣнія строго взвѣшивать наблюденія и факты, *смысла полета воображенія*. Я не сомнѣваюсь, что многіе молодые люди найдут себя в этой новой увлекательной сферѣ”.

Создается впечатлѣніе, что академик как бы оглашает послѣднюю волю стараго, уходящаго поколѣнія партійцев, отзываясь о старом пониманіи марксистскаго ученія (и послушаніи ему) весьма сдержанно.

Впечатлѣніе это подтверждается дальше, когда автор говорит:

“Пять-семь лѣтъ тому назад, по данным академика Топчіева, средний возраст сотрудников Академіи Наук СССР был 38 лѣтъ, а в 1965 году, если взять сибирское отдѣленіе Академіи Наук СССР, средний возраст составлял примѣрно 33 года. Если же взять сотрудников института кибернетики Украинской академіи наук, то здѣсь средний возраст 26 лѣтъ. Из 700 тысяч научных сотрудников в изслѣдовательских институтах и вузах страны почти половина в возрастѣ до 30 лѣтъ”.

Иными словами, в настоящее время половина всѣх научных сотрудников — в “комсомольском” возрастѣ. Повидимому, такова же, приблизительно, картина и в административном аппаратѣ, а равно и в самой партіи.

Получилась широкая возрастная трещина в результатѣ физическаго истребленія огромной части ведущаго класса дореволюціонной Россіи, вмѣстѣ с которым пострадало и большое число ученых, мѣста и работу которых пытались возмѣстить всякаго рода рабфаковцами и выдвиженцами, вродѣ академика Лысенко, обращая особое вниманіе на их идеологическую выдержанность и даже классовую близость. Дѣло доходило до того, что дипломы совѣтских вузов теряли почти всякую цѣну на Западѣ.

Но разрушать старый мір с такими “учеными силами” можно было без затрудненій, когда же пришло время строить, — все равно что, — сказалась неотложная потребность в настоящих, серьезно подготовленных научных силах, за рѣшеніе каковой задачи партія и принялась.

А вырастивши, увидала, что новая, “совѣтская” интеллигенція вообще, ученые в частности, очень близки к интеллигенціи просто русской, с той только разницей, что, повидимому, в ней теперь гораздо меньше маниловых и несравненно больше костанджогло! Так, повидимому, только и можно объяснить то явленіе, что современные студенты уже обзывают “общественныя науки” — “противоестественными”. И это опять подтверждает нам академик, говоря:

“Можно без преувеличенія сказать, что во всем современном мірѣ подготовка научной молодежи стала національной проблемой. Естественно, что в этих условіях, в развитіи всѣх наук, и особенно в общественных, рѣшающую роль приобретает міровоззрѣніе, а слѣдовательно умонастроенія ученых. *Это особенно важно напомнить сейчас приходящим в науку молодым людям с не совѣм устоявшимися еще взглядами на жизнь.*

“Быть может, здѣсь и не стоило бы еще раз говорить о социальной значимости коммунистическаго идеала, если бы не проявлялось иногда у нѣкоторых молодых научных работников *такое ребячество по отношенію к марксистскому міровоззрѣнію*. Такое отношеніе является прямым слѣдствіем противоположнаго ему стремленія нѣкоторых ученых прикрывать свое неумѣніе изслѣдовать сущность современных нам общественных явленій ссылками на извѣстныя марксистскія положенія и цитаты. Фактически за такими приѣмами стоит такое же формальное, школярское отношеніе к марксизму, как и у скептиков. Стремленіе подогнать свои выводы под извѣстныя марксистскія положенія, или, что еще хуже, замѣнить серьезное кропотливое изслѣдованіе операцией с цитатами — это значит искать легкій путь в наукѣ, позорить званіе ученаго, становиться на путь приспособленчества”.

Совершенно ясно, что “скептическое” отношеніе к марксизму сложилось и складывается не только “у вступающих в науку”, но и у студентов и, что еще важнѣе, у самих профессоров.

В этом мѣстѣ статьи-доклада академик довел накал содержанія до высшей точки, для того, очевидно, чтобы подготовить своих слушателей к слѣдующему:

“Марксизм, как извѣстно, не догма, а руководство к дѣйствію. А это значит, как подчеркивал Ленин, что положенія марксизма надо брать: исторически, в связи с другой истиной и в связи с конкретностями данной ситуациі”.

Так как “конкретности данной ситуациі” могут быть самыми разнообразными и неожиданными, как, напримѣр, в “ситуациі” современной, когда оказалось кстати ввести в практику опять “прибыль” в индустріи, а земледѣліе освобождать от коллективных работ, то обсуждать это положеніе не станем. Перейдем сразу к дальнѣйшему.

“Поэтому марксизм-ленинизм предполагает необходимость изучить заново (обращаем вниманіе: курсив не наш, а “Комсомольской правды”) измѣняющуюся дѣйствительность, начиная с предшествующих обобщеній и фактов, чтобы увидѣть источники новаго, чтобы использовать для изученія общіе принципы марксизма как методологическое средство”.

Только здѣсь академик подошел к основной темѣ своего доклада. Его такое длительное, такое обстоятельное вступленіе становится совершенно понятным. Невозможно же было, в самом дѣлѣ, без такой тщательной подготовки, сразу, без предупрежденія, призывать “увидѣть источники новаго”, при содѣйствіи новых наук (да еще таких, как кибернетика, вчера считавшаяся лженаукой), силами молодых ученых, в лучшем случаѣ скептически настроенных по отношенію к марксизму.

Будет ли это еще марксизм, разбавленный чѣм-то посторонним?

“Сегодня, в эпоху поиска наиболѣе эффективных социальных средств для коммунистическаго строительства, — продолжает акаде-

мик, — наше обществовъдѣніе, какъ никогда прежде, нуждается въ развитіи новыхъ идей, концепцій, теорій, и онѣ дѣйствительно возникаютъ въ нашей наукѣ”.

Слѣдуетъ ли это понимать какъ призывъ строить коммунизмъ безъ основоположниковъ его, или, въ лучшемъ случаѣ, по идеямъ весьма сильно реновированнымъ?

Повидимому — да, судя по тому, что пишетъ авторъ непосредственно за сказаннымъ:

“Здѣсь хотѣлось бы подчеркнуть, что научная работа въ наше время требуетъ развитія творческой инициативы (!), поиска и героическаго энтузіазма (!!), какъ назвалъ когда-то свою книгу Джордано Бруно (!!!)”.

Всѣ восклицательные знаки поставлены нами. Чѣмъ вызвано, въ самомъ дѣлѣ, упоминаніе этого именно философа, всю жизнь боровагося противъ господствовавшихъ тогда взглядовъ, въ такой степени, что послѣ семилѣтняго заключенія онъ былъ, наконецъ, сожженъ на кострѣ? Что это? Намекъ на сходство положеній, тогда — четыреста лѣтъ тому назадъ, — и теперь? Призывъ не падать даже своей жизни для достиженія цѣли: “заново пересмотрѣть”? Или это сказано потому, что партія больше не въ состояніи преслѣдовать сторонниковъ этого пересмотра?

На эти вопросы отвѣчать еще рано. Но если и въ данномъ случаѣ будетъ использованъ тотъ же методъ, какъ съ “выводомъ” изъ академическаго званія Лысенко, или какъ въ вопросѣ дробленія колхозовъ и совхозовъ на звенья, тогда, съ нѣкоторыми перерывами, слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ статей на ту же тему въ той же газетѣ.

Продолжаться будетъ такая “полемика” довольно долгое время. И “обсужденіе” будетъ вестись для выясненія: кто и въ какой формѣ будетъ оспаривать и порицать задуманныя перемѣны? Въ первую очередь, несомнѣнно, красный Китай! Потому что самое трудное, это, конечно, отказъ отъ своего коммунистическаго имени, который, повидимому, продѣлать раньше или позже все-таки будетъ необходимо.

Вѣроятно, академикъ, сдѣлавъ такіе радикальные призывы, и самъ нѣсколько испугался, потому что сейчасъ же сказалъ: “было бы вообще принципиальной ошибкой сбрасывать со счетовъ ту огромную работу, которую продѣлала наша общественная наука”... А немного ниже онъ называетъ причину, приведшую его къ этому докладу-статѣ:

“Большія задачи стоятъ передъ научной молодежью въ связи съ проводимой въ нашей странѣ экономической реформой”.

Сдѣлавъ, обязательную въ такихъ случаяхъ, ссылку на “трудности роста”, онъ продолжаетъ:

“Прежняя экономическая теорія и созданные на ея основѣ методы планированія народнаго хозяйства стали въ этихъ условіяхъ недостаточными”.

Это совершенно несомненно. Нельзя же нѣкую часть народной жизни вести почти по-коммунистически, а другую почти по-капиталистически.

Кормиться самим и кормить население необходимо, одѣвать и обувать тоже, а золота, по всей видимости, если и осталось, то очень немного. (На это указывает и то, что за послѣднее время появился цѣлый ряд корреспонденцій об успѣшных работах на золотых приисках). Да и сам академик подтверждает нашу мысль:

“Мы еще мало сдѣлали в области изученія потребностей нашего общества в средствах существованія, в производствѣ средств производства для производства средств существованія и так далѣе”.

И, наконец, завершая свою статью, он переходит к не менѣ важной, а может быть и самой важной причинѣ, вызвавшей его выступленіе, которую он излагает слѣдующими словами:

“Чтобы научно рѣшить проблему “Соціализм и молодежь”, дать практическія рекомендаціи для повседневной работы комсомола, нужно прежде всего выявить *точно и детально* социальный портрет современного молодого поколѣнія. Думается, что только такое конкретное, *безоговорочно правдивое* выясненіе дѣйствительнаго положенія вещей является непремѣнным условіем успѣшнаго рѣшенія вопросов коммунистическаго воспитанія молодежи. Я бы не хотѣл, чтобы это выступленіе было понято как призыв всей поголовно молодежи на фронт общественных наук. Но общественныя науки сегодня *особенно остро нуждаются в притокѣ пытливей, ищущей молодежи...* Да и молодежь не может рѣшить свои специфическія проблемы и встающія перед ней общеністорическія проблемы без помощи марксистско-ленинской науки об обществѣ”.

Заключеніе, сдѣланное академиком, плохо вяжется со всѣм содержанием его доклада-статьи, зато соотвѣтствует политической линіи текущаго дня.

Настроеніе молодежи нашего времени — вопрос первостепенной важности. А потому обратимся и к иным свидѣтельствам.

Журнал “Совѣтскій союз” (№ 5 т. г., стр. 13) опубликовал статью “Молодые люди”, главнаго редактора “Комсомольской правды” Бориса Панкина.

И редакція, и автор настолько авторитетные люди именно в данном случаѣ, что их можно без боязни противопоставить заключительным словам академика.

Молодых людей тянет к самостоятельности, — говорится здѣсь, — и это, дескать, не плохо. Но “нерѣдко тѣ или иныя здоровыя стремленія перехлестывают разумныя рамки, да так, что перехлест ставит под сомнѣніе само стремленіе”.

Дальше можно не цитировать. Лучше обратимся еще к одному источнику.

На этих днях из Совѣтскаго Союза вернулся один иностранец, отлично говорящій по-русски и превосходно знающій исторію и культуру нашей страны. Много интереснаго и для коммунистов очень печальнаго рассказывал он. То из его рассказов, что относится к нашей темѣ, можно изложить так. Молодежь в Россіи охвачена протестом против существующих порядков. Это стало уже модным. Порой критика переходит в критиканство, что, конечно, уменьшает ея значеніе. Молодежь учится для того, чтобы *знать*, в противовѣсъ европейской, стремящейся не столько к знанію, сколько к полученію диплома.

Вообще доказательств об отрицательном отношеніи молодежи к власти и партіи накопилось так много, что дальнѣйшія перечисленія не нужны. Отмѣтим еще только одно:

Неужели же разсужденія о настроеніях молодежи и о необходимости “заново” пересматривать “ученіе” нельзя было отложить, пока не пройдут “юбилейные” дни!?

Да, пожалуй, в данном случаѣ, это уже не трескотня и не болтовня.

Б. Сибирскій.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Многоуважаемый Господин Редактор,

Очень прошу Вас, не отказать в любезности помѣстить в ближайшем номерѣ “Возрожденія” нижеслѣдующее:

Сим заявляю, что статьи, подписанныя псевдонимом “Разсвѣт-ный”, появившіяся в іюньском и іюльском номерах “Возрожденія” под заголовком “В дополненіе к воспоминаніям П. Л. Барка”, написаны не мною.

Вслѣдствіе цитаты из какой-то книги или статьи моей матери Аріадны Тырковой, приведенной в этой статьѣ, нѣкоторые мои добрые знакомые рѣшили, что я автор этих статей.

Мнѣ уже писали и звонили из других городов Америки, упрекая меня в том, что я исказил роль Основоположника Добровольческой Арміи, ген. Алексѣева, в мартовскіе дни 1917 г.

Я тут не при чем. С толкованіем автора статей я совершенно не согласен.

Прошу принять и пр...

Аркадій Борман.
28.VII.67.

СМЫСЛ „КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ“ В КИТАЕ

За послѣднія нѣсколько лѣтъ Китай, бывший до второй міровой войны скорѣе не политическим, а географическим понятіем, выдвинулся в число самых могущественныхъ государствъ — несмотря на то, что с перваго дня существованія в нем коммунистической власти (точнѣе, даже до этого момента) он отказался признавать “неравные” договоры или то небольшое, что от них еще оставалось (инцидентъ с “Аметистомъ”) и отвѣтилъ презрительнымъ бойкотомъ на бойкотъ, проводимый противъ него “благовоспитанными” странами и Организацией Объединенныхъ Націй.

Политическую побѣду коммунистовъ в Китаѣ предсказывалъ еще Сталинъ в своихъ статьяхъ 30-хъ годов. В то время Совѣтскій Союзъ мог гордиться своимъ все крѣпнущимъ вліяніемъ на китайскія событія и вѣрилъ, что китайскій коммунизмъ останется на вѣчныя времена послушнымъ отпрыскомъ коммунизма интернаціональнаго, возглавляющагося ВКП(б).

Захватъ Маньчжуріи со всѣмъ японскимъ оружіемъ и фабричнымъ оборудованиемъ в 1945 году совершился при активномъ соучастіи совѣтскихъ оккупационныхъ войскъ. Китайскій коммунизмъ оставилъ свою старую базу в сѣверо-западномъ углу страны и приобрѣлъ новую, несравненно болѣе широкую базу в Маньчжуріи. Почти немедленно вслѣдъ за этимъ весь континентальный Китай былъ “освобожденъ”. Не приходится отрицать, что успѣхи Китая за истекшія двадцать лѣтъ были колоссальны, несмотря на отсталость его промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ методовъ. Многія безпокойныя рѣки были взяты подъ контроль. Была улучшена система орошенія. Было введено чередованіе культур. Былъ улучшенъ транспортъ. Увеличилось производство желѣза, угля, стали. И было сдѣлано очень много для ликвидаціи безграмотности.

Но в то же самое время ростъ народонаселенія становился еще болѣе быстрымъ, чему содѣйствовали успѣхи медицины, гігіены и санитаріи, покончившіе с чудовищной дѣтской смертностью (прежде считалось, что средняя продолжительность жизни китайца — 27 лѣтъ). Использование земельной площади Китая стало в настоящее время почти максимальнымъ. “Пустыхъ” земель больше нѣтъ. Даже горы и полупустыни орошаются и воздѣлываются. С нескрываемымъ вождѣлѣніемъ лидеры китайскаго народа высматриваютъ на картѣ рѣдко населенныя сосѣднія земли, которыя могли бы вмѣстить избытки народонаселенія Китая. Показательны в этомъ отношеніи попытки освоенія Передняго Тибета и ликвидація полу-инородческой провинціи Сиканъ, которая была недавно

присоединена к чисто китайской провинции Сычуань, военная оккупация и присоединение Тибета и попытка завладеть смежными владениями Индии. Однако, Тибет почти непригоден для земледелия, а Индия сама перенаселена даже в большей степени, чем Китай. Есть еще Корея и Индокитай, но это страны густо населенные, хотя участие Китая во вьетнамской войне несомненно и одной из его целей может оказаться создание из Вьетнама еще одного “особого района национального меньшинства”. В сущности, Китай имеет или мог бы, если бы захотел, иметь притязания на Корею, Бирму, Цейлон, весь индокитайский полуостров и архипелаг Лю-цю. Правители всех этих стран в ту или иную эпоху посылали к китайским императорам посольства, которые преподносили подарки и дарили “котоу” (иначе их не допускали в высочайшее присутствие). Затем послы возвращались домой, в свои иногда очень отдаленные страны. “Управлять” этими “данниками” Китай не пытался, но их посольства неизменно вносились в китайские летописи именно, как “посольства данников”. Из-за Аннама и Тонкина Китай даже воевал с Францией, из-за Кореи и Лю-цю — с Японией, но это случилось уже в новое время, когда европейские и совершенно чуждые китайской политической традиции понятия вассальной зависимости и сюзеренитета были введены в Китай из европейских университетов.

В настоящее время Китай не оспаривает независимости Бирмы, обеих Корей и обоих Вьетнамов, но в любой момент он может вспомнить о своих старинных связях с этими странами, об их посольствах и “дани”. Может, — но едва ли сдѣлает это в ближайшие годы. Его взоры устремлены на север и на запад. Нам еще хорошо памятно то сопротивление, которое оказал Китай, когда ему пришлось, в знак благодарности Советскому Союзу за участие в войне против Японии, признать независимость Внешней Монголии. Сама по себе Внешняя Монголия, то-есть преимущественно пустыня Гоби, непривлекательна для китайцев. Но зато Внутренняя Монголия уже имеет “особый район монгольского национального меньшинства”, и несколько подобных районов имеется в Восточном Туркестане. Китайцы, ссылаясь на расовое родство с монгольскими племенами Сибири и права наследников исчезнувших маньчжур, находившихся в родстве с тунгусскими племенами, имеют притязания на азиатскую часть Советского Союза. Понятно, в этом освещении, почему медовый месяц между СССР и красным Китаем миновал так скоро. Не нужно быть ортодоксальным марксистом, чтобы понять, почему советские коммунисты оказались, в китайских глазах, ревизионистами: ведь Маркс провозгласил когда-то лозунг: “Каждому по потребности” (то-есть и земли тоже), а СССР не согласен истолковать это, как право безземельных китайцев на фактически незанятые просторы Сибири. От первых дней истории, войны велись только за землю и пищу, но всегда камуфлировались под борьбу за славу, за что-нибудь освобождение, за свободу то проливов, то морей, то негров. Китай Мао Цзе-дуна выступает, как борец за чистоту марк-

системскаго вѣроученія, но на самом дѣлѣ ищетъ территоріальной экспансіи.

Все это, такъ сказать, сторона “внѣшней политики”, и тутъ все выглядитъ однимъ сплошнымъ достиженіемъ. Но что таится внутри? Внутри — огромный китайскій народъ, только вчера пріобщившійся къ западной цивилизаціи, Китай, жившій до самаго послѣдняго времени своей замкнутой жизнью, своими тысячелѣтними традиціями. Одной изъ такихъ традицій былъ конфуціанизм — конечно, не религія и, конечно, не философія, а своеобразная этическая система, основанная на добродѣтели сыновней преданности (“сяо”), отъ которой, какъ отъ главнаго корня, растутъ всѣ остальные добродѣтели.

Сыновняя преданность объясняетъ почти все въ до-коммунистической китайской психологіи. Ея теорія была изложена однимъ изъ учениковъ Конфуція, Цзэн-цзы, въ книгѣ “Сяо-цзинъ” (= классическая книга Сыновней Преданности), прекрасный новый перевод которой на англійскій языкъ — The Hsiao Ching — былъ недавно сдѣланъ монахиней ордена Мэринолл М. Леліей Макра и изданъ вашингтонскимъ католическимъ университетомъ. При монгольской династіи въ XIII вѣкѣ былъ составленъ сборникъ “Двадцать четыре примѣра сыновней преданности” (“Эр-ши-сы сяо”), ставшій фундаментомъ образованія каждаго китайскаго ребенка. Эта брошюрка содержитъ, въ самой сжатой формѣ, философію поведенія, почти всегда отличную отъ западной, а иногда и просто возмутительную съ нашей точки зрѣнія. Эти примѣры толковывались десяткамъ поколѣній китайцевъ и даже заучивались наизусть.

Въ нѣсколькихъ “примѣрахъ” выступаетъ, какъ *deus ex machina*, безличное “тянь” (небо). Это объективный принципъ справедливости и человѣколюбія, который иногда вмѣшивается въ судьбы людей, непременно съ педагогической цѣлью. Напримѣръ, баснословный Шунь, сынъ нищаго музыканта, былъ такимъ примѣрнымъ сыномъ, что за него пахалъ слонъ, а птицы пололи грядки. Услышавъ объ этомъ, императоръ Яо поручилъ ему своихъ девятиерыхъ сыновей и отдалъ ему въ жены своихъ двухъ дочерей, а затѣмъ и уступилъ ему престолъ. Въ другомъ “примѣрѣ” нѣкто Мынъ Цзунъ, по прозванію Гун-у, когда бы однажды зимою доведенъ до отчаянія своей больной матерью, постоянно (“каждый мѣсяцъ”) требовавшей похлебки изъ бамбуковыхъ побѣговъ, убѣжалъ въ рошу и, обнявъ бамбуковое деревцо, горько плакалъ. И “тянь” умилилось. Въ одно мгновеніе земля разступилась, и появились свѣжіе бамбуковые ростки. Ясно, что послѣ такой похлебки мать выздоровѣла.

А вотъ другой примѣръ, который мнѣ хочется привести полностью вмѣстѣ съ четверостишіемъ, заканчивающимъ его, какъ каждую изъ этихъ исторій:

“Во времена Ханьской династіи Го Цзюй, очень бѣдный, имѣлъ двухлѣтняго сына. Мать Го часто дѣлилась своей долей пищи съ этимъ ребенкомъ. Го Цзюй сказалъ своей женѣ: — Бѣднякъ не можетъ достойнымъ образомъ служить матери, такъ какъ его дѣти всегда отнимутъ у нея пищу.

Поэтому я закопаю этого ребенка в землю. Вырыв яму в три чи, Го нашел на дне золотой котел, закопанный там кем-то, чтобы чиновник его не унес и люди не отняли.

Го Цзюй, озабоченный тем, чтобы послужить своей матери,
Решил закопать сына, но сохранить мать.
Золото, дарованное ему самим небом,
Наполнило светом его бедное жилище”.

Западный читатель оценит по-своему такие “примѣры”, как поступок чиновника высокого ранга, который подал в отставку для того, чтобы паясничаньем развлекать своих впавших в дѣтство родителей. Или примѣр императора Ханьской династии Вэнь-ди, который три года не отходил от постели своей матери, пробуя за нее всѣ прописываемыя ей лѣкарства. Или поведение того мальчика Лу Цзи, который гостил у знакомых и, когда прощался, выронил из рукава украденный им апельсин и отговорился тем, что его мать очень любит апельсины. Будь он вашим или моим сыном, он получил бы хорошую порку сначала за воровство, а потом еще за вранье. Но в Китае он стал “образцом”:

“Сыновняя преданность даруется самим небом:
Один из стольких, он на шестом году
Прячет апельсины в рукав,
Чтобы отдать их матери в воздаяніе за ея доброту и ласку”.

К этим двадцати четырем примѣрам я добавил бы еще двадцать пятый: императора Цянь-луна. Как извѣстно, его дѣд, император Кан-си, царствовал 60 лѣт (1662-1722). Цянь-лун (1736-1796) процарствовал бы еще дольше — долгое царствованіе, несомнѣнно, доказательство собственных заслуг и признанія их “небом” — но он отрекся от престола добровольно, чтобы не затмить дѣда продолжительностью царствованія и, слѣдовательно, заслугами, и мотивировал этот поступок, конечно, тою же “сыновней преданностью”!

Почти каждый из этих “примѣров” интересен, но, за недостатком мѣста, откажусь от желанія привести их всѣ. В общем и цѣлом они образуют одно стройное ученіе. Старшіе члены семьи — единственный предмет почитанія. Любой поступок, даже неблагоприятный, оправдан, если он совершен во имя сыновней преданности.

Практически это проявилось прежде всего в том, что китаец всегда смотрѣлъ назад, и идеи прогресса у него никогда не могло возникнуть. Лучшіе люди — герои древности, мудрецы, праведники. Мы можем только подражать им и повторять их ученіе. Слѣдствіе отсюда — равнодушіе к задачам современности. Образованіе вѣками сводилось к заучиванію старых текстов, так как никто в наше время так хорошо не скажет и не напишет. Высшія должности в государствѣ давались лицам,

удачно выдержавшим экзамен по литературѣ. Если я знаю из книг, как Чжу Го-лян выигрывал сраженія и что писали об этом позднѣйшіе комментаторы, то я вполне достоин быть командующим арміей.

В итогѣ этой системы, семья всегда ставилась выше болѣе широких и болѣе отдаленныхъ групп (сословія, класса, удѣльнаго княжества, самой имперіи), что проявлялось в nepотизмѣ, коррупціи, регионализмѣ: за семьей слѣдовала своя деревня, свой уѣзд, своя провинція, свой Юг или свой Сѣвер. Считалось совершенно естественнымъ, что южане будутъ помогать иностранной карательной экспедиціи, дѣйствующей противъ правительства на Сѣверѣ, что губернаторъ назначитъ на всѣ зависящія отъ него должности своихъ родичей или земляковъ и т. п.

Все это было такъ до того времени, пока Китай не сталъ коммунистическимъ. Партія, ставшая правительствомъ диктатуры, сразу же повела борьбу противъ всего этого патріархальнаго наслѣдія. Ея цѣлью тотчасъ же стало перевоспитаніе человѣка. Старому идеалу партикуляризма былъ противопоставленъ націонализмъ, культу прошлаго — идея прогресса и “свѣтлаго будущаго”, преобладанію литературы — упоръ на технику. Партія объявила войну семейному эгоизму, коррупціи, прежнимъ авторитетамъ (я читалъ гдѣ-то, что храмъ надъ могилой Конфуція былъ недавно снесенъ). Авторитетъ — только одинъ, и этотъ авторитетъ — партія. Однако, поскольку и партія не вполне монолитна (есть и среди коммунистовъ поклонники Ду Фу, Бай Цзюй-и, Ли Бо, натурфилософіи Лао-цзы и конфуціанской литературы), единственнымъ авторитетомъ становится Мао Цзе-дунъ. Я не знакомъ съ его пресловутымъ руководствомъ для веденія партизанской войны, но читалъ и даже переводилъ (по заказу) его брошюрки “Обслѣдованіе деревни” (“Нун-цунъ дяо-ча”), “О новой демократіи” (“Лунъ синь минь-чжу-чжу-и”), “О коалиціонномъ правительствѣ” (“Лунъ лянъ-хэ чжэн-фу”), “По вопросу о литературѣ и искусствѣ” (“Лунъ вэнь-и вэнь-ти”), “Китайская революція и Китайская коммунистическая партія” (“Чжун-го гэ-мин юй чжун-го гун-чань-данъ”). Ни в одномъ изъ этихъ “твореній” я не нашелъ ничего не только гениальнаго, и просто оригинальнаго. Это собраніе прописныхъ истинъ и “откровеній” въ родѣ: “Если изъ трамвая выйдутъ всѣ пассажиры, то онъ станетъ пустымъ трамваемъ” или “Если почтальонъ приноситъ письмо, то ясно, что тотъ, кто его написалъ, не былъ неграмотнымъ” (это, конечно, не изъ Мао Цзе-дуна, но жанръ тотъ же самый).

Повидимому, скрытая оппозиція настолько значительна, что правящей группѣ пришлось выступить на открытую борьбу. И не случайно в авангардѣ этого “движенія” поставлена “красная гвардія” подростковъ, то-есть пореволюціонное поколѣніе, уже отвыкающее отъ старой культуры, которая ему никогда не преподавалась, не знающее ничего, кромѣ своего ограниченнаго міра за “бамбуковымъ занавѣсомъ” и представляющее себѣ свободный міръ такимъ, какимъ его изображаетъ партійная пресса: реакціоннымъ, себялюбивымъ, порочнымъ, гнилымъ. Это молодое поколѣніе освобождено отъ всѣхъ традицій, отъ старой “феодальной”

культуры. Даже недавний “лидер молодежи” Лю Шао-ци оказался в опалѣ, — тот самый Лю Шао-ци, который в началѣ 50-х годов считался чѣм-то в родѣ китайскаго коммунистическаго кронпринца.

Перевоспитаніе человѣка — титаническая задача. Силы безпощадныя, разрушительныя, но вмѣстѣ с тѣм и творческія, желающія все сломать, чтобы все построить заново, но уже по-иному, схватились с силами относительно консервативными, которыя не прочь сохранить от стараго то, что в нем было и есть цѣннаго. Конфликт далеко не новый. В этой борьбѣ Мао Цзе-дун выступает, как подлинный крайній революціонер, как человѣкъ несокрушимой воли и вмѣстѣ с тѣм как идеолог.

За кѣм останется конечная побѣда, послѣднее слово? Вопрос ненаучный. В исторіи не бывает “концов”. Обычно, побѣдившая революція, начавшая с ломки существующаго уклада, быстро становится охранительницею новаго порядка и в этом смыслѣ измѣняет собственному знамени, становясь консервативной. Это превращеніе обычно называют “консолидаціей”. Кто-то замѣтил довольно цинично, что “лучшіе пожарные выходят из поджигателей”.

У исторіи есть своя діалектика. Уже отсюда мы можем прозрѣвать грядущій синтез, в котором сгладятся углы, в котором “сыновняя преданность” исчезнет вмѣстѣ с вліяніем Конфуція, Мэн-цзы и Чжу Си, но зато будет преодоленна, как крайность, и ненависть къ старой культурѣ.

Когда-то первый циньскій император сжег всѣ конфуціанскія книги, и с тою же цѣлью, с которой их теперь “сжигает” Мао Цзе-дун с товарищами: уничтожить одним ударом даже самую память о феодальных традиціях и создать единое, монолитное государство. Когда циньская династія пала, старые свитки, замурованные в стѣнах, зарытые в кувшинах, и стихи, хранившіеся в памяти стариков, снова выплыли наверх. Говорят, исторія повторяется. И не очень далек тот день, когда разрушенные старинные храмы примутся возстанавливать по кирпичикам и дощечкам, разбитыя плиты и статуи склеивать из осколков, сочиненія старых мудрецов и стихи классических поэтов складывать, как мозаику, из уцѣлѣвших цитат. В Россіи, гдѣ не было такого преувеличеннаго и возведеннаго въ культ консерватизма, этот процесс реабилитаціи прошлаго занял нѣсколько десятилѣтій. В Китаѣ, странѣ консервативной по преимуществу, на это потребуется много, очень много времени. Но возврат къ собственному прошлому вполне закономѣрен. И поэтому он неизбежен.

В. Ф. Салатко-Петрище.

ПО «ТУ» СТОРОНУ

“Правда” 20 мая порадовала своих читателей передовицей так начинающейся:

“Послѣ октябрьской революціи, когда власть в нашей странѣ взяли в свои руки рабочіе и крестьяне, ...впервые появились благоприятныя условія для рѣшенія проблемы использования и охраны богатства природы на строго научной базѣ”.

А немного ниже читаем:

“Ярким примѣром научно-обоснованнаго подхода к сохраненію природных богатств служит недавно принятое ЦК КПСС и СМ СССР постановление о неотложных мѣрах по защитѣ почв от вѣтровой и водной эрозій”.

Каким именно качеством — умом, совѣстью или честью — нужно обладать, чтобы преподнести своим читателям такое утверждение? Развѣ не “дорогой” (в самом прямом, не переносном смыслѣ слова) Никита Сергѣевич “освоил” черныя бури в размѣрах никогда еще в странѣ не виданных? Развѣ не партія полстолѣтія не обращала никакого вниманія на состояніе, в которое приходит обрабатываемая по ея командѣ земля, развѣ не под ея “историческим правленіем” земля была отнята у тѣх, кто умѣл и хотѣл бы заботиться о ней и отдана в руки тѣх, кто этого не умѣл, и учиться этому не хотѣл? Да, не хотѣл! В продолженіи этой же передовой говорится о том, что по существу можно передать в немногих словах: ЦК КПСС жалуется на всѣ партіей же созданныя инстанціи за то, что онѣ не желают выполнять распоряженія партійных вожakov.

“В использованіи природных ресурсов у нас имѣются, однако, упущенія и серьезные недостатки. “Правда” получает не мало (читай — много) писем о том, как страдает природа от неразумнаго хозяйствованія”.

Кто “хозяйствует”, не сказано. Да и нѣтъ надобности. Ясно!

“Почти во всѣх союзных республиках приняты спеціальныя законы, в которых охрана природы провозглашается важнѣйшей государственной задачей, дѣлом всего народа”.

Не стоит приводить дальнѣйшія выдержки из передовицы. Все сводится к одному: партійное начальство мало кто слушает.

И это вполне “закономѣрно”. Партія не соблюдает основного закона-конституціи, ею же самой выработаннаго. Какое же основаніе имѣет она требовать от своих подчиненных исполненія приказаній не ими вынесенных?

И наконец: несомнѣнная истина, что “охрана природы — дѣло всего народа”. Однако, истина эта стала бы дѣйственной только при той поправкѣ, если бы партія не занималась непрерывно уничтоженіем этой природы.

Наш журнал годами уже приводит примѣры такого пиратскаго отношенія к землѣ и народу. Настолько разнообразны эти примѣры, подчас анекдотически абсурдные, что невольно шевелится мысль: да вѣрит ли и теперь всему этому наш читатель?!

Перед нами “Еженедѣльные обзоры”, составляемые комитетом “Радио-Свобода”. Всего пять номеров, за апрѣль и май. Издаются они изслѣдовательским отдѣлом. Редактируют их американцы, чьи интересы весьма разны от наших. Предполагается, что они болѣе нас способны воспринимать без предвзятости все происходящее в СССР. Им мы и оставляем в этом обзорѣ слово.

Все слѣдующее далѣе взято из названных выпусков — сводок, составляемых по совѣтской печати.

“МЫСЛИ О БУДУЩЕМ” (24 марта)

“Когда я говорю “человѣкъ”, я могу говорить лишь о человѣкѣ, котораго я знаю, — о нынѣшнем человѣкѣ. Как измѣнится міроощущеніе этого человѣка, его нравственность, его критеріи, взаимоотношенія людей, их связи, личность человѣческая, характер? То-есть, что останется от нынѣшняго человѣка?

“К сожалѣнію, я плохо представляю себѣ возможность такого прогнозирования... А если оглянуться назад, воспользоваться опытом исторіи? Несомнѣнно, человѣкъ за минувшія двѣ тысячи лѣтъ измѣнился. Он больше знает, он больше умѣет... Боюсь все же, что даже исторія дает нам мало матеріала для такого анализа. Во всяком случаѣ, мы пока не сумѣли добыть такія данныя, чтобы с их помощью спроектировать этический облик человѣка грядущаго. Вряд ли могли просвѣтителі восемнадцатаго вѣка, его утописты, представить себѣ, что через двѣсти лѣтъ вмѣсто костров инквизиціи появятся топки Освенцима. И тогда естественно возникает вопрос: а можно ли на основаніи соціально-экономическаго прогнозирования, научно-техническаго прогнозирования создать этическое прогнозированіе?”.

К кострам и топкам в добавленіе самым настоятельным образом напрашиваются и концлагери с Лубянкой. Но этого-то уже не мог ни написать автор статьи — Д. Гранин, ни напечатать редакція московскаго журнала “Иностранная литература” (№1/67), откуда американцы взяли этот отрывок. А комментируют они его слѣдующим образом:

“Статья Д. Гранина свидѣтельствует о том, что лучшіе представители совѣтской интеллигенціи думают о будущем не при помощи газетных штампов, избитых цитат из “марксизма-ленинизма” или “обка-

танных” фраз из постановлений ЦК КПСС. Они чувствуют, что мир становится единым, что едиными становятся также идеи, как едиными для всего человечества становятся и бѣдствія, таящіяся в будущем.

“Грядущее таит в себѣ не только блага, избавленіе от многих страданій, опасностей. Любая оснащенная лабораторія сможет, например, производить огромныя мощности. Или биохимическіе препараты всеобщаго дѣйствія и распространенія. Так же как сегодня изготовленіе атомнаго оружія становится под силу все большему количеству стран, точно так же могут появиться и другія средства массоваго уничтоженія, еще болѣе простыя и доступныя в изготовленіи”.

“ЗАПАДНАЯ ИДЕОЛОГІЯ”

“Советская печать признает, что буржуазная идеологія сильно вліяет на советских граждан. Этому вліянію в СССР главным образом подвержена молодежь, творческая интеллигенція и ученые”.

То-есть как раз тѣ слои населенія — замѣтим мы от себя, — которые наиболѣе способны поддерживать или ниспровергать режимы.

“На XXIII съѣздѣ КПСС было заявлено, что вести борьбу с западными идеями надо на “научной основѣ”. Почти весь номер журнала “Коммунист” № 14 за 1966 год был посвящен борьбѣ с зарубежной “идеологической диверсіей”. Его передовая, озаглавленная “Антикоммунизм — идеологія страха и ненависти”, подчеркивает, что западныя идеи призваны “эрозировать коммунизм”.

“Завѣдующій отдѣлом пропаганды ЦК КПСС В. Степаков в “Коммунистѣ” № 17 за 1966 год признает, что сейчас миллионным тиражам газет и журналов, радіо и телевизионным передачам нехватает наступательности в борьбѣ с буржуазной идеологіей, умѣнія ярко и доказательно пропагандировать советскій образ жизни”.

Партійный товарищ Степаков, конечно, прав со своей точки зрѣнія. Но и то нужно сказать, что всю советскую индустрію партія сама переводит с социалистических на “буржуазныя” рельсы, предлагая добиваться прибыльности. Колхозы и совхозы она также не хочет больше субсидировать, удерживая их в рамках, с позволенія сказать, добровольно-принудительных артелей. В партійной печати, конечно — с вѣдома ЦК партіи, начали все чаще появляться слова, в свое время поставленныя внѣ социалистическаго закона, как, например, “крестьянин”. Послѣднее время “Правда” допустила на свои столбцы, тоже в свое время упраздненное, слово “служащій”. До сих пор оно появлялось только в одном единственном сочетаніи: “служитель культа”. Всѣ остальные “трудящіеся”, включительно до министров, писателей, поэтов, артистов, — всѣ были “работники”.

Партія знала, что дѣлала. Работник происходит от слова “раб”,

и таким образом точно опредѣляет отношеніе трудящагося к “самым демократическим в мірѣ партіи и правительству”.

И нужно сказать, что в извѣстной средѣ это так привилось, что какой-то “совѣтскій интеллигент” однажды спросил оперную пѣвицу: “А вы сегодня *кого работали?*”.

Итак, пришло самое “подходящее” время для “наступательной” борьбы с западной идеологіей.

Но видимо, — замѣчает дальше американское изданіе, — этого оказалось недостаточно. Недавно президіум Академіи Наук СССР... принял постановленіе о созданіи научнаго Совѣта по проблемам зарубежных идеологических теченій.

Работы этого Совѣта будут поставлены весьма широко. Он должен изучать всѣ политическія, также и антикоммунистическія теченія, вести учет всѣх антикоммунистических центров и собирать возможно болѣе полную информацію обо всем этом. Так что появляется даже мысль: а не ученое ли это отдѣленіе КГБ? Но даже если и так, мы искренне привѣтствуем созданіе Совѣта, как еще одного, вполне официальнаго, канала распространенія антикоммунистических идей в странѣ. Потому что и тѣ матеріалы, которые станет собирать и изучать названный Совѣтъ, окажутся тѣм самым шилом, котораго в мѣшкѣ не утаить.

Как жаль, что ограниченность мѣста в журналѣ не дает возможности сказать все, что просится в обзор! Но дѣлать нечего. Приходится “сокращаться”.

“СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО” (7 апрѣля)

“До 1966 года величайшей проблемой сельскаго хозяйства СССР была проблема количества сельскохозяйственной продукции, — так начинают американцы. — Нехватка в странѣ продуктов питания толкала партію и правительство добиваться увеличенія количества сельскохозяйственной продукции любой цѣной. Отсюда миллиардные капиталовложенія в цѣлинныя земли. Отправка туда же самолетами десятков тысяч механизаторов на посѣвную и уборочную кампаніи из других районов страны. Мобилизація городского автотранспорта и населенія на уборочную кампанію, и т. д. Все это обходилось слишком дорого и ложилось высокими накладными расходами не только на сельское хозяйство, но и на промышленность, на всю экономику страны”.

К сказанному хочется сдѣлать небольшое добавленіе. Указано на “нехватку продуктов”, но обойдено самое главное — причина этой нехватки: нежеланіе колхозников и неумѣніе партійнаго начальства работать на землѣ. Об этом и тому подобных явленіях в СССР американцы послѣднее время из политических соображеній помалкивают.

Заканчивается замѣтка слѣдующими словами: “Проблема сниженія себѣстоимости сельскохозяйственной продукции — это проблема

всей экономики СССР, а не только сельского хозяйства. Передовая статья газеты “Правда” от 1 марта показывает, что ЦК КПСС начинает, наконец, это понимать”.

И опять хочется сделать поправку. Не “понимать”, а признавать. Еще “дорогой” Никита Сергеевич выражал, если не ошибаемся, румынам свое негодование по поводу того, что их партийные гении тоже обзавелись колхозами, хотя на это их “никто и не тянул”.

“ПАТРИОТИЗМ” (21 апреля)

“За последнее время среди части советской интеллигенции начал распространяться русский патриотизм... Часть интеллигенции не хочет зачеркивать прошлое и вести начало истории с Октября. Об этом свидетельствует выступление в печати художника Ильи Глазунова, Владимира Солоухина, Юрия Казакова, Ефима Дороша (Ефим Дорош сейчас работает над книгой, в которой описывается жизнь Сергея Радонежского и его сподвижников) и др...”

“Часть дореволюционных историков утверждала, что одной из основных задач России является защита Западной Европы от азиатских завоевателей. Мысль эта нашла отражение и в русской дореволюционной философии, и в литературе... Эта же идея, в немного измененном виде, пронизывает и новые стихи А. Вознесенского.

“Поэт своим острым чутьем чувствует надвигающуюся со стороны Азии опасность.

Он пишет:

Чую Кучума!
 Чую кольчугу
 сквозь чужь о “военных коммунах”,
 Чую Кучума,
 чую мочу
 на жемчужинах луврских фаюмов —
 чую Кучума,
 пыль над ордою встает грибовидным
 самумом”...

И затѣм:

“Время!
 Молись Россіи
 за неслыханную ея судьбу!
 За наше самозабвеніе, вѣчное, как небеса,
 Всѣ пули за Рим, за Вѣны, вонзающее в себя!

Спасательная Россія! Какіе бы ни Батии —
Вѣчно Россія,
Снова Россія,
Вѣчно Россія!"

Стихотвореніе напечатано в "главной квартирѣ коммунизма" — в Москвѣ! Уже это знаменательно, а комментаріи американскаго изданія не менѣе заслуживают вниманія.

"А. Вознесенскій в своем стихотвореніи распри Китая с Совѣтским Союзом повернул в чисто національный план, мол, ничего новаго не происходит, исторія повторяется. Все то, из-за чего ссорится Совѣтскій Союз и Китай, не играет рѣшающей роли. Суть происходящаго коренится гораздо глубже — в судьбѣ Россіи, на плечи которой исторія возложила задачу защиты Западной Европы от азіатских завоевателей".

Американскій комментарий продиктован, несомнѣнно, государственными интересами США. За послѣднее время появились признаки, позволяющіе говорить о желаніи американскаго правительства укрѣпить свои отношенія с... кѣм? С народом или с компартіей? Логично бы было предполагать, что с народом.

"Ум, совѣсть и честь эпохи" нанесла уже и будет наносить странѣ неисчислимыя потери до того самаго момента, пока или сама — как пивка — не отпадет от тѣла народнаго, или пока ее не сорвут.

И не менѣе важный вопрос: произойдет ли это только послѣ тотальнаго уничтоженія партій всѣх природных богатств страны, или нѣсколько раньше?

Рѣдко наш обзор обходился без указанія — по партійным же источникам — на такого рода потери. Сегодня — о новых, пришедших к нам через американское изданіе, но из партійных же источников.

"БѢДСТВІЯ В СРЕДНЕАЗІАТСКИХ СОВѢТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ" (28 апрѣля)

Передаем сообщеніе дословно.

"В апрѣлѣ прошлаго года в Узбекистанѣ начались ташкентскія землетрясенія. В юнѣ там же, в горах Алтайскаго хребта, озеро Яшин-Куль вырвалось из своей запруды. Когда стихія бушевала в Ферганской долинѣ, оцетинились рѣки Киргизіи. На рѣкѣ Исфайрамсай образовался водяной вал высотой в 12 метров. Были человѣческія жертвы.

"5 юлія прошлаго года "Литературная газета" сообщила, что наибольшую тревогу вызывает положеніе в нѣкоторых районах Казахстана и Средней Азіи. Не исключены новые случаи прорывов высокогорных озер.

“Создается впечатлѣніе, что из-за чрезмѣрной эксплуатаціи природы, в ней что-то очень серьезно разладилось.

“Советская печать, как правило, скрывает правду о природных бѣдствіях и производственных катастрофах. Отсутствие правильной информации порождает слухи.

“В Ташкентѣ говорят, что хищническая эксплуатація подземных нѣдр вызвала ташкентскія землетрясенія. Об этом говорят и специалисты-геологи. Вѣдь только чрезмѣрное использование ташкентских минеральных вод и газовых мѣсторожденій Бухары с нѣдрами под Ташкентом нарушило равновѣсіе в ташкентском “перекресткѣ” разломов.

“Теперь, с большим опозданіем, “Комсомольская правда” от 26 марта 1967 года сообщает о производственной катастрофѣ в Таджикской ССР. Специальный корреспондент этой газеты Т. Агафонова в статьѣ “Огненная буровая”, с подзаголовком “третій мѣсяц люди на окраинѣ Душанбе сражаются с подземным дьяволом”, так описывает это производственное несчастье.

“Нѣкій кандидат наук явился в одно из самых отвѣтственных учрежденій Душанбе. Приводя точныя техническія выкладки, этот специалист считал: “Удаленіе газа из породы вліяет на общую структуру породы. Газ уходит и из под города. Слѣдовательно, произойдет осѣданіе почвы, город провалится”.

“В январѣ 1967 года в районѣ Комсомольскаго мѣсторожденія глубиннаго газа на сѣверо-западной окраинѣ города Душанбе, во время смѣны сработаннаго долота и отсутствія мастера скважины, газ метнул ввысь тонны глинистаго раствора. За секунду — тонны!

“Душанбинцы не сразу узнали о случившемся. В сторону Комсомольскаго мѣсторожденія одна за другой промчались пожарныя машины. Мчалась и “Скорая помощь”. Первая мысль — пожар? Бьющій из земли газовый фонтан дѣйствительно в любую секунду мог вспыхнуть.

“4 февраля фонтан вспыхнул. Срочно эвакуировали поселок Чаготай. Повалили вышку... За пятьдесят метров от огня жар плавит кожу... Куда-то вниз, в черную бездну провалилась бурильная труба. Скважина нарушила покой города.

“Кто-то из молодых не сдержал эмоций: “Похоже... Отец рассказывал”. На улицах слышны обрывки разговора: “Понимаешь, газ выходит из-под города. Мы скоро провалимся”, “скважину заливают сахаром...”, “говорят, мы можем взорваться”.

“На эти разговоры замѣститель предсѣдателя совѣта министров (! — Б. Б.) Таджикистана... по душанбинскому телевидѣнію заявил, что “нѣдра земли коварны, предугадать всѣ каверзы трудно. Но городу не грозит опасность — не надо вѣрить глупым слухам”.

“Но когда создали на бушующей скважинѣ противодавленіе, газ, рванув землю сразу в нѣскольких мѣстах, вырвался на поверхность в четырехстах метрах от скважины. Там земля бурлит небольшими

огненными кратерами. На скважинѣ горит десять газоотводов. Так будет до той поры, пока не встрѣтятся под землей двѣ скважины — аварийная и наклонная к ней, которую бурят сейчас. Только послѣ этого пламя исчезнет”.

К этому сообщенію американской радіо-станціи слѣдует добавить, что за тѣ четырнадцать мѣсяцев, что не прекращаются землетрясенія в Ташкентѣ, их зарегистрировано уже 763! Послѣднее из них было 15 мая, силою в 5-6 баллов. Видимо, специалист, о котором писал советскій корреспондент, недалек был от истиннаго положенія вещей.

Это самое большое, но, к сожалѣнію, не единственное несчастье разразившееся за послѣднее время в нашей странѣ.

ОБРАЗОВАНИЕ

“Соціологи установили (“Комсомольская правда” от 9.6.66), что ок. 74 % бывших школьников хотят учиться в высших учебных заведеніях... однако, высшая школа смогла принять в прошлом году только 9 процентов бывших школьников... На этом несоотвѣтствіи вырастает недовольство. Оно было бы меньше, если бы ВУЗы принимали только самых одаренных подростков. Но практика показала, что это не так — в ВУЗы поступают часто дѣти знатных родителей, успеваемость которых ниже вузовских требованій...”

“Дѣти бѣдных родителей не могут не видѣть всего этого. “Комсомольская правда” (16.3.67) опубликовала письмо одного такого пролетарія из страны “осуществленного социализма и строящагося коммунизма”.

“Оказывается, — пишет он между остальным, — в судьбы людей вмѣшивается политика университета. Доступ в него ограничивается для простых людей. Я так считаю, хотя я и не соціолог и имѣю только самыя первоначальныя представленія о социальной структурѣ государства”.

“В ЗАЩИТУ МЕЛОДИИ РУССКОЙ РЪЧИ”

Под этим заголовком идет рассказ о том, как “два студента разговаривали перед университетом о видѣнном ими спектаклѣ “Оптимистическая трагедія”, а иностранные туристы, присутствовавшіе при этом, подумали, что между ними идет перебранка и что они скоро подерутся”.

“А между тѣм это огрубеніе интонацій и пренебреженіе к звучащему слову охватывает рѣшительно всѣ области жизни. Оно замѣтно в быту и в школѣ, гдѣ на это попросту не обращается вниманія, и даже

в театрѣ. “Заявляю напрямик свое мнѣніе, — говорит В. Г. Гайдар, артист из Ленинграда, — мы говорим плохо!”.

“...Теперь московское произношеніе размыто. Как случилось это, могли бы рассказать историки, социологи, языковѣды. К сожалѣнію, я не могу выписать рецепт и указать, гдѣ — конкретно гдѣ — слѣдует теперь учиться, к какому научному — вполне разработанному — критерию прибѣгнуть... Но меня чрезвычайно волнует тот явный факт, что тускнѣет, а то и вовсе уничтожается интонаціонная мелодика и музыкальный рисунок рѣчи. Вѣдь это тяжкая утрата, это — бѣдствіе...”.

Нам уже приходилось писать, что все, к чему только прикасается партійная рука, — гибнет. К сожалѣнію, это оправдывается чужими наблюденіями над совѣтской дѣйствительностью, по совѣтским же источникам.

Никакое добро злом не начинается и злом не утверждается, сказано уже давно и не нами. Коммунизм — явное зло, которому дано было не только собрать вокруг себя все злобствующее, но и показать себя во всеоружіи злобы. Именно это и приводит коммунизм к неожиданным послѣдствіям. Испытавшіе на себѣ всю силу, весь — если можно так выразиться — вкус ея, люди спѣшат уклониться от партіи, злобу культивирующей...

Все тот же американскій обзор от 19 мая т. г. дает нам возможность утверждать эту нашу мысль, нашу надежду и увѣренность.

“ТЕАТР И МОЛОДЕЖЬ”

“Как пишет Н. Балашова, среди молодежи “стиляжного” типа спектакль “Смерть Тарелкина” Сухово-Кобылина имѣл большой успѣх. Молодежь просто неистовствовала в зрительном залѣ. И интересно то, что остальная публика реагировала на спектакль крайне сдержано. Н. Балашова находит, что причиной успѣха спектакля среди молодежи была новая подача и новое переосмысленіе. В статьѣ читаем:

“В пьесѣ чувствуется опредѣленный замысел режиссера и замысел этот состоит в том, чтобы через заостреніе всего недоброго... утвердить в нашем сознаніи мысль о беспросвѣтности, трагической безысходности міра...”.

“Но дѣло не только в беспросвѣтной трагичности міра, — главное в том, что этот мір режиссер во что бы то ни стало “опрокидывает” в современность. И если бы не это, говорит Балашова, может быть спектакль

“перестал бы подавать повод неуравновѣшенным юнцам приходить в восторг от каждой, могущей быть двояко истолкованной фразы”.

Нам остается только подчеркнуть, что “стиляжничество” в СССР — не только мода, как на Западѣ. Там это еще и протест против запретов, налагаемых даже на идеологически невыдержанные брюки.

А выражение — "неуравновѣшенные юнцы" за послѣднее время предлагается к тѣм, кто и без стилистичности в мѣру возможного протестует против режима.

Молодость постепенно прокладывает себѣ новые — без партійной указки — пути, и дряхлѣющая партія вынуждена отступать перед ней.

Это отрадно, это дает надежды. Но еще отраднѣе то, что и люди взрослые не опускают больше голов перед командой "догматиков".

"ПОЛЕМИКА ВОКРУГ "ПИСЕМ ИЗ РУССКАГО МУЗЕЯ" В. СОЛОУХИНА"

"Одновременно (с их опубликованіем) о "Письмах" стала писать критика. Наряду с доброжелательными оцѣнками, появились и злобныя. Особенно злобой была замѣтка в "Вечерней Москвѣ". Авторы этой замѣтки обвинили В. Солоухина в ложном патриотизмѣ...

О том, как были встрѣчены "Письма" читателями, мы узнаем из замѣтки В. Солоухина и из писем самих читателей, опубликованных в журналѣ "Молодая гвардія" № 4 за 1967 год.

В. Солоухин пишет, что подавляющее большинство читателей отзывалось о "Письмах" положительно. Только в одном отзывѣ была выражена мысль о том, что в "Письмах" чувствуется великорусскій шовинизм. В. Солоухин опровергает эту мысль. Одновременно он указывает на хвалебные отзывы татар, финнов, украинцев, армян и евреев, что одно уже свидѣтельствует об отсутствіи в "Письмах" великорусскаго шовинизма.

Солоухин пишет:

"В одном очень строгом письмѣ осуждается мое отношеніе к художнику Бродскому, требуется "принятіе мѣр". Но мнѣ это совѣм непонятно. Вот если бы я маршала назвал лейтенантом или ефрейтором, это была бы дѣйствительно ошибка. Искусство — дѣло субъективное... Одни считают, что Маяковский крупнѣе чѣм Есенин или Блок, а другіе — что он не годится им в подметки. А тот факт, что существует множество улиц и площадей Маяковского, но улиц Есенина и Блока нѣтъ ни одной, не должен говорить о их масштабности в литературѣ. Памятник Маяковскому стоит в центрѣ Москвы, а подобнаго памятника Толстому пока что нѣтъ. Да, я не считаю Бродскаго выдающимся художником. Я считаю присвоеніе его имени одной из центральных улиц Ленинграда неоправданным".

(Вот как стало возможным говорить о художникѣ, "увѣнчавшем" себя многократными изображеніями "вождей", включительно до самого Сталина! — Б. Б.).

"Редакція "Молодой гвардіи" полностью согласна с высказываніями В. Солоухина. Она приводит ряд писем читателей, в котором с восторгом говорится о "Письмах из Русскаго музея".

“Читатели пишут, что в библиотеках очереди за “Молодой гвардией”; “Письма” Солоухина обсуждают, многие переписывают их цѣлыми страницами, хотят приобрести отдѣльное изданіе; сообщают, что особенный интерес вызвали они среди молодежи; обращаются к журналу: больше пишите на эти темы!”.

Читательница Вельская пишет из Москвы:

“Большое, огромное, человѣческое спасибо за “Письма из Русского музея”. Ждем новых с нетерпѣніем. От имени тѣх, кто “рвал” журнал из рук в руки, — Вельская”.

Нам комментировать здѣсь нечего. Хочется только отмѣтить, что прошли тѣ времена, когда русскій должен был опасаться своей русскости в предѣлах своей собственной страны.

“Нѣкоторые читатели, — продолжает американская сводка, — защищают В. Солоухина от критики. Так, профессор МГУ С. Хромов утверждает, что если Москва и осталась не совсѣм похожей на европейскіе города, то это произошло не *благодаря* чему-то, а *несмотря* на тѣ бессмысленныя разрушенія, которыя в ней были произведены...”

“Старые большевики Соловей и Тыдман также поддерживают В. Солоухина. Они утверждают, что Мосгорисполком в 1941 году, отмѣчая столѣтіе со дня смерти Лермонтова, ничего не мог придумать, как снести дом, гдѣ родился поэт.

“Редакція журнала “Молодая гвардія” считает самым печальным во всѣх этих спорах то, что разрушеніе памятников продолжается...”.

“Еженедѣльный бюллетень” заканчивает свою замѣтку соображеніем, что “принадлежность к лагерю догматиков или ревизионистов” опредѣлялась по отношенію к повѣсти Солженицына “Один день Ивана Денисовича”.

“Примѣрно такая участь постигла и “Письма из Русского музея”. Тот, кто за “Письма”, становится в ряды русских патріотов; тот, кто — против, в ряды безкомпромиссных интернаціоналистов”.

Можно сказать иначе — в ряды тѣх же партійцев-догматиков, хотя уже по иному признаку. Но дѣло не в словах. Пропасть между двумя лагерями углубляется.

Б. Борисов.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ

БОРИС ФИЛИППОВ «ТУСКЛОЕ ОКОНЦЕ — ВАЛЕНТИН ГАЛИН —
«БЛИЖЕ К РОДИНѢ» — ЕВГЕНІЯ КВЕСИТ «ГОЛУБЫЯ ДОРОГИ»

1. — Борис Филиппов «Тусклое оконце». Рассказы, стихи, очерки.
Изд. «Русская книга». Нью-Йорк, 1967 г.

Всего восемьдесят пять страниц в этой книжкѣ, черная обложка которой точно бы задает какой-то вопрос. К ощущенію вопроса возвращаешься и послѣ чтенія, когда, снова взглянув на обложку, пытаешься разгадать, что же, собственно, может обозначать заштрихованный квадратик, — заштрихованный и оттого сѣроватый, тусклый, — квадратик со вписанным в него бѣлым Т. Оконце, через которое автор позволил заглянуть в его душу? Или оконце, через которое эта душа хотѣла выглянуть наружу? А может быть и то, и другое? Во всяком случаѣ оконце это тускло, и хорошо, что это так. Неимовѣрная страстность и порывистость автора, если бы он дал им полную волю и допустил читателя в крайніе закоулки своего сознанія, сдѣлали бы чтеніе книги невозможным. Скажем, что и так образы Филиппова скользят по откосам, за краями которых мерещится тьма ли? ослѣпительный ли свѣтъ? — опредѣлить нельзя. Посвящен сборник “Лѣсному Звѣрю — с великой преданностью”, и очень, надо сказать, удачно посвященіе это.

“Молодая была, и хотя полная, но полнота была пріятная, пикантная”, — говорит о себѣ героиня перваго рассказа “Блажен иже скоты милует”. Раньше она жила в Полтавѣ, в опереттѣ, а на склонѣ лѣтъ стала домашней хозяйкой в Бруклинѣ. Там же, в том же Бруклинѣ, с ней продолжают жить мелодіи: “Сильва, ты меня не любишь, Сильва, ты меня погубишь”, “Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?” и другія, так же как сценическіе псевдонимы, претенціозность коих только оттого переносима, что находят себѣ “звучную фамилію” — рутиня. Олесь Гришко по сценѣ Ромуальд Двѣпров! Миша Шапиро — Свѣтозаров! и т. д. Но жили в Бруклинѣ и восклицанія:

Частица чорта в нас
Заклучена подчас...

Все это, весь этот “багаж” прошлаго пришлось приноровить к модуляціям очень осѣдлой и мелко-буржуазной жизни. И в видѣ внутренняго протеста, нежеланія начисто, совсѣм подчиниться, с помощью

“частицы чорта”, гдѣ-то внутри шевелящейся, героиня назвала свою любимую кошечку Сильвой, а котика Ромочкой. Пѣсенка, которая “вонзилась в душу”, и Ромуальд, котораго она так любила, что “на сценѣ готова была ему броситься в объятія”, нашли себѣ воплощеніе. И “Байядерка” — самая первая кошечка, так названная в память выступленій в легких шелковых шальварах и черном лифчикѣ, с блестящими. У кошечки этой как раз такое же черное пятнышко на груди...

Далѣе кошек стало двадцать три, а котов — восемнадцать. Пришлось для них нанять рядом вторую квартиру. “Кошачью страсть” муж-археолог объяснял тѣм, что в древнем Египтѣ коты и кошки были причислены к сонму богов. Потом пришло предложеніе покинуть квартиры, — и шум слишком большой и, опять же, вонь. Куда дѣваться? Нашелся, как раз, богатый американец, сам владѣлец тридцати четырех собак, двѣнадцати котов и двух черепах, человѣкъ явно понимающій. Пришел, погладил по спинкам, почесал за ушами и написал чек: покупайте, мол, домик.

Чрезмѣрность во всем этом? Иронія? Несуразность? — Нѣтъ. Горячая рука автора чувствуется с первой же страницы, и в ней все дѣло, это все объясняет.

В “Усах” — втором рассказѣ — напряженность и темы, и изложенія таковы, что ни об ироніи, ни о чрезмѣрности или несуразности говорить не приходится. Тут прямая черта проведена не от сценических эмоцій и рукоплесканій к потомкам египетских богов, а от раскольничества, сектантства, самосожженія во избѣжаніе антихристовой власти, прямо к русско-украинскому ресторану, в Нью-Йоркѣ, “Параска с Полтавщины”. — “Усы”, сходство с запорожцем или с моржем, катанье американских дѣтишек на ослах под пѣніе Віют Витры и Ой за гаем, гаем, — даже самый ресторан, его взлет и его паденіе — все это эпизодично, все не больше чѣм искусно, рѣзкими мазками набросанный фон или очень хорошо подобранная рамка. Настоящее содержаніе это отношенія повѣствователя с Нютой, у которой “глазищи такіе, что бѣлков прямо не видать”, которая “что ни нацѣпит, все ей к лицу”, которой на двадцать лѣтъ меньше чѣм ему, и которая грозит уйти.

“Ты мнѣ жена, куда же ты уйдешь?” — повышает он голос, на что она отвѣчает, что они не вѣнчаны, и нигдѣ даже не записаны. Тогда он обозлился. “Вѣдь знала же, говорит, что у нас в Федосѣевском согласіи мы окручиваемся сами, попов не признаем...”. А она “смотрит на него, что змѣя, да еще дразнит: усы, мол, как у моржа и всегда на них борщ или подливка застревает...”. И спрашивает: “Твой дѣд сам себя сжег? — Сжег”... “Поинтереснѣй тебя, покрѣпче был твой дѣд”, прямо шипит мнѣ, а у самой глаза, что адскіе угли. — Морж, говорит, сопатый”.

Послѣ чего он ее избил (и как!), послѣ чего она, голая, ему глаза чуть не выцарапала... “не смотрит даже на удары, визжит и ногтями,

ногтями...”, послѣ чего она ушла, ничего с собой не захватив, послѣ чего он ее два раза видѣл, все “в том же платьѣ” простеньком, бросался за ней, “да ее поймашь развѣ — змѣя”, послѣ чего взял другую хозяйку.

— Да что толку: толстая, бѣлая, лѣнивая, водку сладкую выпьет и все. Прогнал. — А сам оглядывается: “все здѣсь Нюту напоминает, каждый гвоздь вмѣстѣ вбивали”. И “живет один, как перст”.

Что дѣйствительно могло остаться там, гдѣ была и откуда ушла Нюта “с адскими углями” вмѣсто глаз?

Третій рассказ называется Любовь.

Любовь пяти Борисов и одного Павла к Любочкѣ. Все случилось в совѣтском лагерѣ. Борисы и Павел уже там были, когда прѣхала харбинская, совѣм-совѣм молоденькая, Любочка. Заключены были Борисы и Павел в соотвѣтствіи с Ленинскими правилами, конечно, совѣм без вины, и, кое-как, к лагерному житію приспособились, установив связь с вольнонаемными, с оставшимися на волѣ родными, которые им и присылали пусть тощія, но все-таки посылки. Только бѣдная Любочка, тихая, скромная, ничего ни от кого не получала, так как никого — ни родных, ни даже знакомых — на волѣ у нея не было. От недоѣданія стал ей угрожать туберкулез. Видя это Борисы и Павел начали отдѣлять для “мышенка”, для “грызунка”, что могли — и как можно больше — и от пайков своих, и от передач. И выходили Любочку! Всѣ шестеро ее полюбили самой, что ни на есть, настоящей, самой чистой любовью... Ничего, конечно, они Любочкѣ о своих чувствах не говорили и, пока ее подкармливали, выкармливали, помогали выкарабкаться, не только не тревожились тѣм, что себя, полуголодных, урѣзывают, но даже и говорить стали “лучше”, стали строже в выборѣ выраженій, не рассказывали соленых анекдотов, не шептались о женщинах, не чувствовали по ним голода, всегда в лагерях и казармах свирѣпаго. И были вознаграждены: Любочка поправилась. Отбыв срок наказанія, осталась при лагерѣ вольнонаемной, в канцеляріи. А еще немного погодя, один из Борисов, самый молодой, тоже отбыл свой срок, был освобожден и Любочка вышла за него замуж.

Каждый из этих трех коротеньких рассказов, объединенных общим названіем “Курятник Радости”, мог бы быть повѣстью, может быть и романом. Но не легче ли писать повѣсти и романы, чѣм вот такіа сжатія, спресованныя, сбитыя в кулак страницы, на сокровенную сущность которых, дѣйствительно вѣдь, только через матовое стекло можно смотрѣть? Всѣм пишущим давно извѣстно, что коротенькіе рассказы — одна из самых трудных литературных форм. И уж конечно тѣм, у кого нѣтъ к краткому рассказу особаго расположенія, лучше воздержаться от попыток так писать.

В таких же тональностях выдержана и Петрушка — “лирическое скерцо на тему Игоря Стравинскаго”. Стремительная музыка эта весьма талантливо передана в стремительном же, чередующемся, срываю-

щемся, скользящем, падающем, вскакивающим подборѣ строк и строф, в их порядкѣ-беспорядкѣ, в восклицаніях, репликах, в тут и там вкрапленных словах из пѣсен, в намеках, перебранках, островах, разговорах... Написано это было в 1942 году, написано “за здравіе Россіи, за любовь”. Все тогда и вездѣ полыхало. В 1966 году Борис Филиппов прибавил к своему Скерцо послѣсловіе, два куплета из котораго приводим полностью:

Игрушки, подружки Петрушки,
Гармошки простуженный скрип...
Петрушка в объятых Простушки —
И страсти надорванный крик.

.
Цѣлуй же, Петрушка, простушку! —
Осенняя пѣснь зазывал...
Обманивай смерть, как простушку,
Под взвихренный треск покрывал.

Надо ли, можно ли подчеркнуть, в слѣдующих за “Петрушкой” стихах, нѣкоторую — если не меланхолію, — то слегка тяжелую задумчивость, или слегка мучительную сосредоточенность? Не всѣ эти стихи такіе — это подразумевается само собой, — но не соответствующих этой настроенности скорѣй мало. Стихотворенія Бориса Филиппова наводят на мысль о неспѣшной, одинокой прогулкѣ и так же в них отражены окружающая обстановка, как и бродящіе в памяти образы и звуки прошлаго.

Перед кѣм, за что нам быть в отвѣтѣ,
Нам, покинувшим навѣки дом?

спросит он себя, и вопросом же отвѣтит на вопрос:

Пустота немислимой свободы,
Отвлеченных дум живая рѣчь...
Что сберечь нам, пасынкам природы,
Что для смутной вѣчности сберечь?

И, не то вздрогнув, не то окаменѣв:

Вся любовь надеждой согрѣта, —
А простуженный голос тих, —
Не свожу с твоего портрета
Я растерзанных глаз своих.
А гитара все стонет с эстрады:
“Ничего мнѣ, да, в жизни не надо”.

Что бывает ему порой очень не по себѣ в чужих городах, он от-
мѣтит в послѣдней строфѣ послѣдняго стихотворенія:

Луч солнца золотит кирпич армад,
Плывущих в вѣчность городской невзгоды,
Траву среди камней, пропащую погоду,
Асфальта раскаленный ад.

Не владея в должной мѣрѣ англійским, не беремся судить о сте-
пени близости переводов, сдѣланных, “с англійской рукописи”, Евге-
ніей Жиглевич и Б. Филипповым, совокупность которых носит назва-
ніе “Лѣтній цикл”. Взятый независимо от близости к подлиннику, рус-
скій текст удивителен.

Животное начало восприняло в нем
Эоны все растущаго ума,
и он ошеломлен и по сегодня
влеченьем пола, экскрементами и смертью...

Или:

Изобрѣтатель всѣх этих невнятиц,
круг завершен его и сдержки полон;

Или:

Эстетское животное, он знает
всегдашнее несовершенство акта — фокус
приложенья сил, —
нѣтъ, одного влеченья, возвращаемаго вновь
в словах — и только.

Скажем попросту: вѣрим на-слово.

2. — Валентин Галин «Ближе к Родинѣ». Изд. автора. Лос Анжелес,
1967 г.

“Оренбург — моя родина”, пишет Галин. Там он провел дѣтство,
юность и уѣхать оттуда ему пришлось в 1918 году. Вѣроятно, не уѣхать
пришлось, а бѣжать, или уйти с бѣлыми, но об этом он ничего не
говорит. Можно, во всяком случаѣ, предположить, что причиной того,
что он покинул свой город, было углубленіе “революціонных завоева-

ній". А недавно в его руки попали снимки родного города, "которого, — говорит он, — я никогда больше не увижу". Раньше там жили "по сосѣдски, дружно, миролюбиво, торговали честно и всѣ богатѣли, так же как богатѣл сам городок...". На снимках, сдѣланных в 1921 году, совсѣм другое: на всѣх видны мерзость запустѣнія, бѣдность, печать бессмысленной жестокости, часовые с огромными красными звѣздами, разставленные у ограбленных банков превращенных властью в тюрьмы, особняки с выбитыми стеклами, стѣны которых от пуль "выглядят как лицо человѣка, болѣвшего оспой". — "Развѣваются лохмотья рваных гардин"... — "Возлѣ одного из домов... группа военных в кожаных куртках, с наганами, и тут же толпа крестьян... в помятых шинелях, у каждого в руках узелок"... передача! И, конечно, большой автомобиль-грузовик, с забранными рѣшетками окнами, "знаменитый, залитый слезами и кровью, Черный Ворон". Вмѣсто "до отказа заваленных добротными товарами — всѣх видов и образцов" над облѣзлыми дверями безобразно намалеванная вывѣска "Общество потребителей", и ни товаров, ни потребителей! Если идет какая нибудь торговля, то только на черном рынкѣ, единственном мѣстѣ, не захваченном еще социалистическими дозорами.

Словом, всѣ Ленинскія прелести!

Эти нѣсколько цитат из перваго рассказа сборника "Родной город", в извѣстной мѣрѣ, опредѣляют тональность всѣх остальных. Валентин Галин то и дѣло — если не все время — заглядывает и "через рубеж", и в тѣ русскія области, которыя тут, за рубежом, от совѣтскаго погрома уцѣлѣли. Он ищет — и находит — вокруг себя образы, прямо или косвенно связанные с покинутыми краями, в частности, с городом, куда он больше никогда не возвращался... и котораго, вѣроятно, никогда больше не увидит (как не увидят многіе Петербуржцы — Петербурга, Москвичи — Москвы, Кіевляне — Кіева...).

Но хотя он, — теперь американец, — и прожил десятилѣтія в Соединенных Штатах, его память о довоенной, еще не искалѣченной революціей жизни так ясна, и привязанность к "маленькому, — но гостепріимному, пыльному, — но веселому, уютному степному городку" так нетронута, что он чувствует себя "ближе к родинѣ" из-за одного того, что пріѣхав в Европу, не отдѣлен больше от родных краев Атлантическим океаном.

"Я русскій, — говорит он, — лишенный права навѣстить страну моих предков; однако, у меня есть возможность побывать вблизи Россіи, в других странах Европы и пожить среди людей общей с нами культуры".

И рассказывает о Лондонѣ, о Парижѣ и его окрестностях, о поѣздкѣ в Испанію, — рассказывает кратко, ясно, попросту. Не упускает, конечно, случая упомянуть о встрѣчах с осѣвшими в Европѣ русскими, о посѣщеніи русских собраній, церквей, мѣст встрѣч, редакцій, ресторанов, спектаклей. Но исключительнаго вниманія эмигрантам

и эмигрантской жизни Валентин Галин не удѣляет, его — если можно так выразиться — кругозор культурнаго русскаго человѣка освѣщен вниманіем к европейской культурѣ вообще: не прорубил ли, в свое время, окно Петр Первый и, потом, не сливались ли, все больше и больше, в одном теченіи и наш Восток, и здѣшній Запад? Так все шло вплоть до замѣны Лениным Россіи социалистической федераціей; потом был Сталин; потом желѣзный занавѣс... Что до нынѣшних попыток “сближенія”, то их гомеопатическій характер не позволяет их принимать всерьез. Кромѣ того Кремль своих намѣреній даже не скрывает, так что к моменту “разрыва” и измѣны-то никакой не получится.

Так, заграницей, Валентин Галин ближе подошел к русской культурѣ чѣм подошел бы к ней, если бы поѣхал в совѣтчину, гдѣ придавленная “родной и любимой Партіей” она живет почти подпольно, подспудно, тайно, контр-революціонно, гдѣ гоненія на нее не прекращаются.

Но, конечно, сборник Валентина Галина не ограничен образами и заключеніями, прямо связанными с памятью об Оренбургѣ и впечатлѣніями, оставленными поѣздкой из США в Европу, хотя — вторым — эти два рассказа-очерка и дают сборнику его особую тональность.

Очень интересны воспоминанія о “Жоржѣ” Маленковѣ, котораго Галин знал гимназистом, потом комиссаром, о маршалѣ Коневѣ, встрѣченном в Вѣнѣ, гдѣ автор, послѣ второй всемірной, был переводчиком при союзных миссіях и штабах. Лишний раз, и убѣдительно, звучит разговор с совѣтчиком в Австріи о послѣ-побѣдном обманѣ, “о страшной, бессмысленной чумѣ, которая охватила тогда армію и страну. Народ выиграл жестокую войну и ожидал другой, болѣе свободной жизни. Но продолжал и продолжает мучиться в тисках террора”. Вообще, очерки, в которых Валентин Галин говорит о своей работѣ переводчиком в послѣ-военной Европѣ, — ярки и содержательны.

Всѣ рассказы, входящіе в сборник “Ближе к Родинѣ”, уже появлялись в повременной печати. И, как то всегда бывает, прочитанные в разное время, в разных условіях, при разном, так сказать, “освѣщеніи”, они не давали того представленія об авторѣ, какое дала его книга. Ея беллетристическая часть, — из которой надо выдѣлить “Нелюдь”, гдѣ говорится о таком страшном цинизмѣ, что, поневолѣ, приходят в голову мысли о нѣкоего рода Хулѣ, — по большей части относятся к быту, дѣятельности и приключеніям русских за рубежом, как в Америкѣ, так и в Европѣ. Больше, впрочем, в Америкѣ, гдѣ жил, и гдѣ живет, автор. Не чужд Галину и юмор (Баронесса, Однофамилец, Доходная Профессія, Чудесное исцѣленіе, Одинокая женщина). Иные рассказы (Отец Аристарх, Храм на холмѣ) трогательны, или волнительны. Драматическая развязка рассказа Странное Знакомство и возбуждающій опасенія образ самозваннаго врача-гениколога, “родом из татар”, напоминают нѣкоторые тексты *Série noire*. Очерки

“Монреаль сегодня” и “В городѣ Ангелов” носят, конечно, характер репортажа, но весьма живы и читаются с интересом.

Валентин Галин не поэт. Поэтому единственное, введенное им в сборник, стихотвореніе “Ошибка” в сущности не стихотвореніе, а со-всѣм коротенькій, очень лирической разсказик. Но есть какая-то внутренняя аналогія между этими “бѣлыми стихами” и попыткой автора “быть ближе к родинѣ”, зная, что всамдѣлшпо побывать на родинѣ нельзя, что это недоступно. Поэтому и приводим это единственное стихотвореніе Валентина Галина полностью:

Прошло пятнадцать лѣтъ
И я вернулся в город,
Гдѣ молодость текла
Так безмятежно-тихо.
Я жил здѣсь с ней,
Надежным, вѣрным другом;
Был временами счастлив, был любим,
Порою равнодушен, недоволен...
Капризничал я очень
И требовал всего не в мѣру.
Все ожидал чего-то,
Не зная точно, что хочу.
И разошлись мы,
Неожиданно и странно.
Оставив все, покинул город наш,
Чтоб никогда не возвращаться.
Легло время в суетѣ,
И одиночествѣ. Мечтами с ней
И мыслями о прошлом
Я жил надеждой встрѣчи.
Но встрѣчи не было.
В расцвѣтѣ лѣтъ, не пережив разлуки,
Она прервала жизнь,
Трагически, внезапно...
Я на кладбищѣ, у ея могилы.
С трудом нашел надгробную плиту,
Поросшую травой сорной,
С фамиліей моей на ней.
Дотронулся, перекрестился,
Стоял не двигаясь, припоминая все...
Все это было, казалось, недавно —
Могло бы быть и сегодня,
Не сдѣлай я, как-то невольно,
Жестокую в жизни ошибку.

3. — Евгения Квесит «Голубые дороги». Стихи 1930-1965. Вашингтон, 1966 г.

Что за тридцать пять лѣт Евгения Квесит написала только двадцать девять стихотвореній, входящія в этот сборник, представляется нам невѣроятным. Без сомнѣнія она написала гораздо больше, но отобрала из написаннаго лишь малую часть, то отобрала, что ей показалось самым ей самой близким. Что за столь долгій період она подчинялась разным вліяніям, что в стихах ея можно найти сходство (никогда не подражаніе) с тѣм или иным автором — понятно, и, если можно так сказать, закононо. За предѣлами этих сходств и вліяній есть нѣчто присущее ей самой: много, очень много тихой женственности, много чуткости к природѣ, нѣкоего рода дѣвичья мечтательность, нѣсколько в духѣ той мечтательности, которую приписывают средневѣковым затворницам:

Натянула ткань на пальцы,
Тѣнь упала на лицо.
У тебя на тонком пальцѣ
Черное кольцо.

Природа, граціозная и скромная кокетливость, подчас печаль, мечтательная задумчивость... Все очень, очень мягко, сквозь все свѣтится доброжелательность и готовность отвѣтить любовью на любовь, нигдѣ не сдѣлать никому никакого упрека. Иногда, радостная, тихонько-торжествующая улыбка:

Весь город был веселый, новый,
Все: смѣх людей, собачій лай;
В весенних сумерках лиловым
Казался радостный трамвай.

.

Рекламы огненно и остро
Кричали что-то с высоты
И в первый раз легко и просто
Вы прикололи мнѣ цвѣты.

В том же тонѣ, так же почти смиренно говорит она о том, что украсит «платье кружевами», что «синій бант закончу я цвѣтами, чтобы понравиться тебѣ», — «вплету три нити нѣжно-золотых».

Но ты не должен даже их замѣтить,
Как затаенных в сердцѣ чувств моих.
Пройдешь ты строго, словно изваянье,
Чуть дрогнет перстень на рукѣ твоей...

И ниже опять такая же грусть:

Тихо склоняются желтыя лиліи,
Смотрятся в зеркало озера соннаго
И улыбаются нѣжной идилии
Сосны и ели у озера темнаго.
Ты не придешь в золотой уголок
Слушать, как тихо звенят камыши...

Весной, когда “снѣг потемнѣл, посѣрѣл, затуманился, сжался комочком у мокрой земли”, надо непременно прислушаться ко всѣм голосам, в особенности к тому, как

Звонко кукушка считает года,

и непременно замѣтить, что

В первой травинки зелененькій волос
Ландыш вдѣвает свои жемчуга.

К концу небольшого этого сборника стихов, охватывающаго много лѣтъ, нотки грусти звучат отчетливѣй, но поэтична и нѣжна эта женская грусть, эта почти мечта, которая почти не окрашена в тона сожалѣній и лишена каких бы то ни было обвиненій.

Все ушло... Занесено метелями...
Затянулось снѣжным серебром...
Старый дом с рѣзными капителями
И с большим узорчатым окном.

Пропосту, почти робко оборачивается Евгенія Квесит к прошлому и почти шепчет:

Скатилось мѣдью звонкою
Завѣтное желаніе.
О нем морщинкой тонкою
Живет воспоминаніе.
На днѣ морском качается
Кольцом моим вѣнчальным...

Но в самом концѣ сборника строки о послѣдних минутах входнов-
лены не нѣжной грустью, не печальной улыбкой, а чѣм-то совсѣм
другим:

Как страшно жить, не отдавая сердца,
Отсчитывая дни, как автомат.
Пока внезапно роковая дверца
Не позовет в сиреневый закат.
Минуты станут...

Вас не спросясь, из собственной постели
Перевезут в чужой, холодный дом,
Там Вас одѣнут. Холодно, сурово
И неподвижно строгое лицо.
Не улыбнетесь, и не дрогнет снова
На вашем пальцѣ звонкое кольцо.
А у дверей небеснаго чертога,
Гдѣ ангел с огненным мечом,
Какой отвѣт готов у Вас для Бога
О пройденном пути земном?

Я. Н. Горбов.

ПОЛУЧЕНО ДЛЯ ОТЗЫВА:

МИХАИЛ БУЛГАКОВ "Мастер и Маргарита". Изд. УМСА-Press,
Париж, 1967 г.

НИКОЛАЙ ВАТАНОВ. "Метелица. Сборник юмористических раз-
сказов". 1962 г.

ОЛЬГА ЮРК. "РѢКА ВРЕМЕН". Изд. автора, Нью-Йорк, 1967 г.

ЮРИЙ ИВАСК. "Хвала". Изд. В. Камкина, Вашингтон, 1967 г.

ИВАН ЕЛАГИН. "Косой полет. Стихи". Изд. "Новаго Журнала",
Нью-Йорк, 1967 г.

ВАЛЕРІЙ ПЕРЕЛЫШИН. "Жертва". 4-ая книга стихов. Изд. т-ва
"Заря", Харбин, 1944 г.

Дѣла и Люди

СВИСТОПЛЯСКА НА КУБѢ — «ЗАЩИЩАТЬ ГРАНИЦЫ РОДИНЫ» — ПОСЛѢДНІЕ ТОРМАЗА

Свистопляска на Кубѣ

В течение десяти дней, пока продолжалась в Гаванѣ созванная Фиделем Кастро конференція революціонныхъ группировокъ Латинской Америки, совѣтская печать сообщала о ней все, что угодно, только не то, что составляло суть дѣла и привлекло вниманіе всего свободного мірового общественнаго мнѣнія, не связаннаго партійно-коммунистическими шаблонами и цензурой. Эта суть была ясна совершенно: революціонные “активисты” Латинской Америки, вдохновленные и под конецъ уже открыто возглавленные “дорогимъ товарищемъ” Кастро, ополчились на “капитулянтовъ”, ради “мирнаго сосуществованія” отказывающихся отъ вооруженной борьбы, и ихъ одолѣли: саму совѣтскую политику “мирнаго сосуществованія” конференція отвергла какъ антимарксистскую ересь, съ тѣмъ единственнымъ смягченіемъ, что текстъ резолюціи, наиболѣе рѣзко направленной противъ самого Совѣтскаго Союза, не опубликованъ, хотя ея существованіе вовсе и не скрывается и ея основное содержаніе извѣстно всѣмъ. Только отъ совѣтскаго населенія случившееся пытаются скрыть, но, надо думать, тоже тщетно: мы знаемъ, какъ широко въ Россіи слушаютъ теперь иностранныя радіо и съ какой легкостью свѣдѣнія вообще проникаютъ теперь туда изъ заграницы.

Прошлый разъ мы упомянули о томъ, что на обратномъ пути изъ Нью-Йорка въ Москву Косыгинъ, вѣроятно, для того остановился на Кубѣ, чтобы постараться “отговорить Фиделя Кастро отъ слишкомъ опасныхъ намѣреній”; и тогда же мы писали, что успѣшность этихъ стараній оставалась еще подъ вопросомъ. Теперь сомнѣній больше нѣтъ: конечно, совѣтскій премьеръ старался внушить Фиделю Кастро ту осмотрительность, за которую потомъ на Гаванской конференціи ратовали “вѣрные” Москвѣ компартіи Южной Америки, — а по результатамъ видно, что успѣха онъ не возымѣлъ.

Можно даже думать, что сама эта попытка Косыгина была уже по существу безнадежной. Разрывъ между революціоннымъ “активизмомъ” и тѣми требованіями реальной политики, съ которыми больше не можетъ не считаться совѣтская власть, уже раньше опредѣлился настолько, что три изъ наиболѣе послушныхъ Москвѣ южно-американскихъ компартій — Венесуелы, Аргентины и Бразиліи — вообще уже сочли для себя неумѣстнымъ, или просто невозможнымъ, участвовать въ представле-

ни, устроенном Фиделем Кастро, и своих делегатов в Гавану не послали. Дѣйствительно, это уже не спор о тѣх или иных “методах” одного и того же политическаго “движенія”, а столкновение совершенно различных, взаимно исключающихъ подходовъ к совокупности современныхъ проблемъ.

В своей рѣчи на конференціи Фидель Кастро говорилъ:

“Мы — марксисты-ленинцы, но мы не довольствуемся фразами. Мы хотим фактовъ и дѣйствій и отнынѣ мы по дѣйствіямъ будемъ судить о другихъ. Пусть никто не заблуждается: тѣ, у кого в дѣйствительности нѣтъ рѣшимости драться, всегда будутъ в противорѣчій с нами”.

И далѣе:

“Мы убѣждены в томъ, что вооруженная борьба неизбежна, даже в тѣхъ странахъ, гдѣ она непосредственно еще невозможна. Это только вопросъ послѣдовательности во времени”.

Этому вторитъ одна изъ основныхъ резолюцій конференціи:

“Народы обладаютъ огромнымъ революціоннымъ потенціаломъ, который только ждетъ того, чтобы быть канализированнымъ в нужномъ направленіи революціоннымъ авангардомъ для вступленія в борьбу и ея усиленія. Эта обстановка требуетъ, чтобы разразилось революціонное насилие в отвѣтъ на насилие реакціи. Революціонное насилие, высшая форма народной борьбы, — не единственный путь, которымъ можно идти, но оно, очевиднымъ образомъ, представляетъ собой наиболѣе конкретную возможность сразить имперіализмъ”.

Ничего другого и Мао-Цзе-Дунъ не говоритъ. Но у Совѣтскаго Союза, очевиднѣйшимъ образомъ, больше нѣтъ, и быть не можетъ, этой “рѣшимости драться” для того, чтобы в качествѣ “революціоннаго авангарда” “канализировать революціонное насилие” и “развязать вооруженную борьбу”, будто бы “неизбѣжную” повсемѣстно. Оттого и оказались безпомощными отчаянныя усилія возглавителя уругвайской компартіи Арисменди найти в Гаванѣ какую-то среднюю линію. Элементарную необходимость поддерживать международный миръ невозможно сочетать с военно-революционнымъ угаромъ, и старанія Арисменди кончились тѣмъ, что он самъ крикнулъ:

“Намъ надобно слушать наглости. Если хотите, чтобъ мы (просовѣтскіе коммунисты) ушли, — мы уйдемъ”.

На что представитель Фиделя Кастро ему отвѣтилъ:

“Если хотите уйти, то дверь направо открыта”.

Дѣйствительно, и до этой реплики “наглостей” было сколько угодно: начиная от формальнаго осужденія, в особой резолюціи, просовѣтской венецуельской компартіи, — заглазно, такъ какъ ея представители на конференцію не явились, о чемъ мы уже упомянули, — и кончая той резолюціей, которая требуетъ прекратить экономическую помощь, “оказываемую нѣкоторыми социалистическими странами (читай: Совѣтскимъ Союзомъ) диктатурамъ и олигархіямъ” Латинской Америки.

И все же, коммунисты московскаго толка с конференціи не ушли,

хотя им и показали на “дверь направо”, а советская пропаганда теперь дѣлает вид, будто ничего особеннаго не произошло. Революціонные “активисты” предусмотрительно оставили им эту возможность тѣм именно, что принявъ резолюцію против экономических отношеній Советскаго Союза с “диктатурами и олигархіями”, они не стали ее официально публиковать. Вполнѣ понятно, почему: для Фиделя Кастро было бы еще преждевременным лишаться русских денег, которыя по миллиону рублей в день текутъ на Кубу и дают экономическую возможность жить Кубинскому революціонному “бастіону”. Оттого и в своей рѣчи на конференціи, послѣ всѣх “наглостей”, преподнесенных Москвѣ, он в желаніи вызвать разрыв между ним и “странами социалистическаго блока” обвинил все ту же венецельскую компартію, вѣрную Москвѣ и уже осужденную в Гаванѣ за измѣну, добавив:

“Мы не поддадимся на шантаж”.

В дѣйствительности, шантажем в отношеніи советскаго правительства занимается, конечно, сам Кастро, и не трудно понять, в чем этот шантаж состоит. Притом кубинскій “Лидер Максимо” увѣрен, повидимому, в его продолжающейся дѣйственности, — иначе не стал бы он, вѣроятно, устраивать весь этот бедлам с оставленіем московскому “руководству” одной только узенькой лазейки для избѣжанія немедленнаго, полнаго и официального разрыва. Что, в самом дѣлѣ, мѣшает советскому правительству сдѣлать выводы из нанесенных ему афронтов и просто прекратить содержаніе революціонной Кубы на русскія народныя деньги? Отвѣтъ не вызывает сомнѣній: мѣшает то самое, что годами мѣшало Москвѣ “замѣчать” афронты со стороны “братскаго” коммунистическаго Китая, то самое, что и до сих пор заставляет Москву соблюдать в Вьетнамѣ нѣкое подобіе солидарности с тѣм же красным Китаем, хотя он и превратился в открытаго врага, — мѣшает страх потерять свое революціонно-коммунистическое “лицо”.

В нынѣшнем кубинском скандалѣ — назрѣваніе котораго мы отмѣчали давно — этот страх тѣм болѣе силен, что “дружба” с Кастро осталась одним из послѣдних революціонно-идеологических украшеній советской внѣшней политики, одним из ея послѣдних марксо-ленинских “алиби”, как очень удачно выразился “Ле Монд”. Что касается Вьетнама, на той же Гаванской конференціи, по крайней мѣрѣ в ея кулуарах, не было недостатка — как сообщала международная печать — в рѣзких нападках на вялость советскаго противодѣйствія “американским агрессорам”. О впечатлѣніи, всюду произведенном советским дипломатическим отступленіем во время арабско-израильской войны, нечего и говорить... Зато даже Хрущев в своем недавнем интервью еще хвалился тѣм, что вот он Кубу отстоял. И для нынѣшней Кремлевской власти, порывать теперь также и с Кастро, а вмѣстѣ с ним и с возбуждаемым из Гаваны революціонным броженіем в Латинской Америкѣ, это если не совсѣм конец партійно-идеологической советской внѣшней политики, то по меньшей мѣрѣ очень замѣтное его приближеніе.

Потому в Москвѣ и сейчас, — как еще недавно в отношеніи красных китайцев, — стараются в отношеніи Кубы вести себя по пословицѣ: “Он тебѣ плюнет в глаза, а ты ему: — Божья роса!”. Шантаж Фиделя Кастро оказывается все еще дѣйственным: от страха прослыть “ревизионистами” до конца, ему, несмотря на всѣ его продѣлки и дерзости, готовы продолжать платить алименты, — до тѣх пор, пока он не устроится так, что эти алименты перестанут быть ему нужны. Тогда он, конечно, отвергнет Совѣтскій Союз окончательно, так же рѣшительно, как это сдѣлал Мао Цзе-Дун, обзаведясь атомною бомбой.

Заявляя, уже не впервые, что у себя на Кубѣ и вообще в Латинской Америкѣ он не желает быть ничѣм сателлитом, Кастро, повидимому, так и рассчитывает: добиться такого успѣха, который позволит ему стать независимым от совѣтской экономической помощи. Не случайно сыр бор между ним и приверженцами “мирнаго сосуществованія” непосредственно загорѣлся именно по вопросу о Венесуелѣ, об отношеніи к партизанщинѣ, развивающейся в этой странѣ, разжигаемой с Кубы, но не признаваемой коммунистами совѣтскаго толка. На это очень убѣдительно было указано в одной из недавних редакціонных статей “Фигаро”: революціонный захват Венесуелы, расположенной географически недалеко от Кубы и изобилующей природными богатствами (в особенности нефтью), избавил бы Фиделя Кастро от опасности задохнуться в его кубинской “цитадели”, а тѣм самым и от экономической зависимости от Совѣтскаго Союза.

Но тут-то и становится ясным, что для Москвы дѣло принимает такой оборот, по сравненію с которым накладность безконечных алиментов Кубѣ становится чистым пустяком. Возможность распространенія кубинской революціи на Венесуелу — вопрос самаго крупнаго международнаго значенія и в случаѣ ея осуществленія Соединенные Штаты — кое как мирящиеся с существованіем коммунистической власти на Кубѣ — уж ни коим образом не могли бы остаться пассивными. Сам Кастро это, конечно, понимает и поэтому, нацѣлившись на Венесуелу, он и проповѣдует созданіе “очагов революціонной борьбы” гдѣ только возможно, для “распыленія сил сѣверо-американскаго империализма”, — точно так же, как это со своей стороны проповѣдуют из Китая. На Гаванской конференціи эта устремленность к повсемѣстному раздуванію насильственно-революціонных выступленій ярче всего сказалась в диком шумѣ, поднятом вокруг так называемой “черной власти” в США, т. е. тѣх крайних вожakov сѣверо-американских негров, которые берут на себя организовать революціонный террор и чуть ли не партизанщину на территоріи самих Соединенных Штатов.

В перспективѣ, таким образом, — кровопусканія во всевозможных мѣстах американскаго материка, до самих США включительно, — добавляющіяся к продолжающейся вьетнамской войнѣ, — при основной задачѣ — устроить настоящую революцію в Венесуелѣ. По этому поводу, даже такой сдержанный орган печати, как “Ле Монд”, написал

в передовой статьѣ, что Кастро “принимает на себя риск, размѣр котораго соотвѣтствует могуществу его врага”.

Спрашивается: если все это могущество Соединенных Штатов Америки будет вынуждено обратиться против Кубы, для того, чтобы покончить со всей этой революціонной провокаціей, — что станет тогда дѣлать Совѣтскій Союз? Есть у него та “рѣшимость драться”, которой потребовали в Гаванѣ, — драться в защиту революціонных авантюристов, его не слушающих и даже высказывающих ему всякія “наглости”?

А за неимѣніем этой “рѣшимости драться”, в Москвѣ могут быть увѣрены в том, что ни к чему не поведут и теперешнія совѣтскія старанія закрывать глаза на кубинскія продѣлки. При нежеланіи втягиваться в міровой конфликт, от зарвавшихся революціонных “активистов” Латинской Америки придется отказаться, чуть раньше или чуть позже. А тѣм самым пожертвовать одним из самых послѣдних “идеологических алиби” совѣтской внѣшней политики.

«Защищать границы Родины»

Мы, конечно, не говорим, что в Россіи нѣтъ “рѣшимости драться” ни при каких обстоятельствах. В тот самый момент, когда кончалось революціонное представленіе в Гаванѣ, маршал Якубовскій поѣхал на русскій Дальній Восток и в Хабаровскѣ призвал войска “усилить бдительность и боевую подготовку” в виду “тревожности теперешняго международнаго положенія”. Он напомнил побѣды, одержанныя на этой нашей окраинѣ в 1938-39 и в 1945 гг. От имени войск, маршалу отвѣтил заслуженный сержантъ:

“Клянемся еще тверже защищать границы нашей Родины”.

Вся исторія Россіи доказывает, что это — не пустыя слова. В защиту границ родной земли наш народ и теперь готов драться, с тѣми, кто на них посягнул бы дѣйствительно.

За нѣсколько дней до выступленія маршала Якубовскаго в Хабаровскѣ, китайскіе коммунисты хвастались, что в каком-то пограничном столкновеніи они будто бы уничтожили чуть ли не цѣлую русскую дивизію. Конечно, это немедленно опровергли в Москвѣ. Вслѣд за тѣм совѣтскому правительству пришлось пригрозить разрывом экономических отношеній с Китаем, чтобы добиться освобожденія русских моряков, которых китайцы вмѣстѣ с их судном захватили в Дальнем, при этом еще звѣрски избив капитана на глазах арестованной команды (напомним, что порт Дальній совѣтская власть широким жестом вернула Китаю послѣ побѣды 1945 г.). Угрожающая нота подѣйствовала, китайцы выпустили и судно, и всѣх моряков, поджав хвост — впредь до слѣдующей провокаціи. Таковая и не замедлила воспослѣдовать — вторженіем “культурно-революціонной” толпы в совѣтское посольство

в Пекинѣ. Остановиться в своих антирусских провокаціях китайскіе коммунисты, как видно, уже не в состояніи, все болѣе и болѣе теряя разсудок от “великой мысли” Мао Цзе-Дуна. И русскій Дальній Восток живет в постоянной и все возрастающей тревогѣ оттого, что китайскіе сосѣди могут окончательно “зарваться” в любой момент.

Перед нами ронеотипированныя путевыя замѣтки бельгійскаго католическаго священника, очень ярко подтверждающія то, что рассказывают и другіе путешественники. Уже при приближеніи к совѣтско-китайской границѣ поѣзд наполняется милиціонерами, никого не подпускающими к окнам: всю приграничную зону не только нельзя фотографировать, на нее запрещается даже смотрѣть. Все в вагонах обыскивается так, как ни на одной другой границѣ. На обратном пути, совѣтскіе таможенники конфискуют, на всякій случай, всю литературу, какая идет из “братскаго” Китая. В Улан-Удѣ на вокзалѣ слышатся упреки пассажирам, направляющимся в Пекин: “Что вы хотите там дѣлать?!” (они смѣняются улыбками, когда выясняется, что это — туристы из Франціи). Русская переводчица объясняет иностранцам: “С вами китайцы будут, навѣрно, очень любезно, с нами — далеко не всегда”.

Остановимся на этом. У китайской границы, русскіе люди чувствуют с особой остротой, что стихія ненависти, развязанная китайской революціей, теперь направлена главным образом против Россіи. Это и есть та — подлинная, а не “догматически” вымышленная — “тревожность теперешняго международнаго положенія”, о которой маршал Якубовскій говорил в Хабаровскѣ, гдѣ и войска, и народ его, разумѣется, поняли.

В этом дѣйствительно существующем положеніи, для русскаго народа просто уже не может быть рѣчи о том, чтобы втягиваться в иные конфликты ради революціонных цѣлей, не только чуждых ему, но и легко поддающихся эксплуатаціи китайцами. И в самих правящих совѣтских кругах больше не могут закрывать глаза на необходимость избавиться от всего, что осложняет отношенія с Западом и, в частности, с Соединенными Штатами. Это и заставило Москву в критическій момент остановиться перед дальнѣйшим обостреніем переднеазиатскаго конфликта и, напротив, вмѣстѣ с Америкой тушить начавшійся пожар, а затѣм искать средств к мирному разрѣшенію арабско-израильской тяжбы; уже извѣстно, что и Тито ѣздил к Насеру и к другим, что называется, “прогрессивным” арабским правителям по меньшей мѣрѣ с благословенія одновременно и Москвы, и Вашингтона. Может быть даже раньше чѣм этот наш выпуск выйдет в свѣтъ, станет ясным, в чем именно заключается то “уже ведущееся” усиленіе “для урегулированія” ближневосточнаго конфликта, о котором, “не открывая подробностей”, Тито заявил перед своим отъѣздом из Каира. Косвенно этим подтверждаются слухи о том, что нѣкій общій план на этот предмет был уже намѣчен между Джонсоном и Косыгиным в Глассборо. Но так

же упорно говорят и о том, что параллельно изыскивается способ прекратить и вьетнамскую войну, не взирая на Китай и ему вопреки. Снова усиливая “давление” на Сѣверный Вьетнам, правительство США во всяком случаѣ увѣрено в том, что Совѣтскій Союз не станет глубже втягиваться в этот конфликт, а новое “мирное наступление”, в то же самое время несомнѣнно подготовляемое Джонсоном, предполагает встречное желаніе Москвы снять, наконец, вьетнамскую “ипотеку”, тяготящую на совокупности совѣтско-американскихъ отношеній. Та же необходимость заставила совѣтское правительство внезапной уступкой вывести из тупика вопросъ договора о “нерасползаніи” термоядерного вооруженія, — того договора, котораго такъ желаютъ в Вашингтонѣ по всевозможнымъ причинамъ, не только политическимъ, но и финансовымъ, и психологическимъ, и заключеніе котораго должно повести къ опредѣленному сотрудничеству обѣихъ сверх-великихъ державъ в обузданіе китайской угрозы. Отстраняя в связи съ этимъ возникавшія было притязанія Западной Германіи, Вашингтонъ со своей стороны облегчаетъ Москвѣ общую съ Америкой гарантію Индіи противъ Китая, какъ дополненіе къ договору о “нерасползаніи”, необходимое хотя бы уже потому, что в противномъ случаѣ Индія, а за нею и рядъ другихъ странъ, договора не подпишутъ и онъ останется мертвою буквой.

И то же международное положеніе, дѣйствительное, а не вымышленное, ведетъ совершенно неизбѣжно и къ тому, что в Москвѣ придется отмежеваться отъ кубинскихъ революціонныхъ авантуръ, разстаться и съ этимъ “идеологическимъ алиби”, однимъ изъ самыхъ послѣднихъ.

Все, что можетъ еще дѣлать “догматически” совѣтская пропаганда, это — твердить о “чуждой марксизму-ленинизму” сущности теперешней китайской политики и выражать надежду на ея крушеніе:

“Наступитъ время, — писала “Правда” 16 августа, — когда Коммунистическая партія Китая и китайскій народъ порвутъ съ нынѣшней пагубной политикой Мао Цзе-Дуна и его группы, возстановятъ братскія отношенія съ Совѣтскимъ Союзомъ и другими социалистическими странами въ интересахъ мірового социализма и прежде всего самого Китая”.

Уже изъ этого видно, что ни малѣйшей надежды на какое бы то ни было примиреніе съ “Мао Цзе-Дуномъ и его группой” в Москвѣ больше не питаютъ. Приведенный тутъ же съ явнымъ сочувствіемъ перечень китайскихъ коммунистовъ-оппозиціонеровъ, начиная съ Лю-шао-ци, говоритъ о томъ же еще болѣе краснорѣчиво. Свѣдѣнія о вспышкахъ анархіи въ разныхъ мѣстахъ огромной китайской территоріи совѣтская печать приводитъ теперь съ особой старательностью, — можетъ быть не безъ преувеличеній, какъ отмѣчаютъ, характернымъ образомъ, югославскіе наблюдатели, никакъ ужъ не подозрительные въ сочувствіи маоизму. Но какъ бы то ни было, наименѣе вѣроятнымъ приходится признать тотъ единственный выходъ, который еще могъ бы спасти партійное правовѣріе въ СССР, то-есть побѣду въ Китаѣ такихъ “благоразумныхъ” коммунистовъ, которые “возстановятъ братскія отношенія съ Совѣтскимъ Союзомъ”.

Так или иначе, сейчас у власти Мао Цзе-Дун, в общем, при поддержке армий, с некоторыми исключениями, из которых самое значительное, — в Ухань, — повидимому, ликвидировано. А если он и ломает себя шею, что возможно, то сама беспорядочность, анархичность происходящей борьбы может гораздо легче привести к полному крушению коммунистического режима в Китае, чем к утверждению у власти коммунистов более умеренного толка. И наконец, совсем не доказано, что и эти внутрипартийные противники Мао в случае своей победы захотели бы или смогли бы отказаться от своих особых китайских целей ради восстановления расколовшагося мирового коммунистического “монолита”. Об этом нам уже доводилось писать и теперешние обвинения их в сношениях с советским правительством сами по себе не доказывают ничего: они во-первых, могут быть придуманы Мао Цзе-Дуном, а во-вторых, мало ли какой поддержки может искать оппозиция, вовсе и не предвзятая своей политики в будущем. Чтобы взять власть и ее удержать, Мао, вѣдь, тоже “сносился” с Советским Союзом — и как! А потом произошло то, что всем известно.

И в той же статье И. Александрова в “Правде”, в предыдущем (предпоследнем) абзаце, говорится довольно пессимистически, но гораздо более реалистично, что “не исключен большой исторический зигзаг в развитии китайского общества”.

Говоря попросту, наиболее вероятно одно из двух: или России предстоит на более или менее продолжительный срок иметь соседом резко враждебный революционный Китай, или коммунизм в Китае провалится совсем. Но тогда это будет вовсе не “зигзагом” согласно марксистской мифологии, а крупнейшим этапом в обще-мировом изживании насильственно-революционного марксо-ленинского наваждения.

Последние тормоза

За очевидной невозможностью ее продолжать, партийно-“идеологическая” внешняя политика приходит к концу, вытесняемая совершенно неустраняемыми потребностями страны. После этого возможна еще только попытка партийных “догматиков” — тем не менее отстоять свои позиции внутри страны. Не исключено даже, что уже и теперь, при неизбежности полного поворота в международных отношениях, они стараются в пределах России усилить зажим.

Однако, в той же полемике с Пекином, в той же статье “Правды” от 16 августа, бросается в глаза весьма обоюдоострый характер многих приведенных в ней аргументов. Ответственныйшего обозревателя центрального органа КПСС ужасно возмущает усиление в Китае “органов безопасности”, “отстранение от руководства свыше двух третей состава” китайского ЦК, подчинение даже китайской Академии Наук военному представителю диктатуры, пренебрежение “группы Мао Цзе-Дуна” к “жизненному уровню рабочих и крестьян”, не говоря уже о безудерж-

ном восхваленіи самого Мао. Читают все это в Россіи люди, бесспорно уже научившіеся сопоставлять и мыслить критически. А сопоставить нетрудно: с китайской революціей происходит в точности то самое, что в свое время происходило с революціей совѣтской, когда “органы безопасности” были всесильны в СССР, когда почти весь первоначальный состав ЦК был не только “отстранен”, но истреблен физически, когда совѣтской Академіей командовали невѣжественные партійные ставленники, когда с жизненным уровнем русских рабочих и крестьян власть не считалась никак, а слово Сталина ставилось — буквально — “выше Евангелія и Иліады”. Это явное совпаденіе можно объяснить только тѣм, что неладно что-то в самом корнѣ марксизма-ленинизма. Во всяком случаѣ, ратуя теперь против всѣх этих эксцессов в Китаѣ, центральный орган КПСС подрывает возможность повернуть назад и повторить то же самое в Россіи, — и не только повторить в крупном масштабѣ, но даже и частично продолжать.

По меньшей мѣрѣ матеріальным “жизненным уровнем” народа совѣтская власть больше не может пренебрегать. На этих днях, экономическая реформа, охватив уже почти треть всей совѣтской промышленности, получила еще дальнѣйшее распространеніе. Здѣсь, повидимому, ход назад уже и практически перестает быть возможным. Но, как мы писали не раз, экономическое раскрѣпощеніе, даже частичное, влечет за собой и духовное раскрѣпощеніе, и политическое: теперь случившійся взрыв оппозиціонных настроеній интеллигенціи в коммунистической Чехословакии дает тому новое подтвержденіе. По этому поводу, уже и “Ле Монд” — который никак невозможно заподозрѣть в “систематическом антикоммунизмѣ”, — пишет в передовой статьѣ то самое, в чем мы увѣрены давным давно: “на стадіи полу-десталинизации невозможно задерживаться без конца”.

Значит, осуждая теперешнюю китайскую сталинщину, московская власть волей или неволей готовит устраненіе в Россіи всего, что осталось от страшных лѣт. Значит, правы и Солженицын, и Вознесенскій, и всѣ тѣ безчисленные русскіе люди, которые думают так, как они, — правы и в том, что произвола и гнета осталось еще очень много, и в том, что с этим надо покончить.

Тот же обозрѣватель “Правды” пишет об “издѣвательствах над интеллигенціей” и о “звѣрских пытках” в Китаѣ. Но вот теперь стало извѣстным потрясающее письмо жены Даніэля об издѣвательствах и пытках, которым свобододолюбивый писатель подвергается в совѣтском “исправительном лагерѣ”.

Покончить с самой возможностью подобнаго ужаса — это и есть то, чего требует и отталкиваніе от коммунизма китайскаго, и вплотную предстоящій поворот в сторону Запада, и успѣх любых попыток оздоровить народный быт.

Кн. С. Оболенскій.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

„Часовой“

Орган связи Россійскаго Национальнаго Движенія

Под редакціей В. В. ОРЪХОВА

Подписная плата во Франціи: 20 фр. (год), отд. номер: 2 фр.

Представитель для Франціи: Librairie «Кама» — 27, rue de Villiers,
92-Нейи, С.С.Р. 18.446.32.

Продается во Франціи в книжных магазинах: Е. de Sialsky, 2, rue
Pierre le Grand, Paris-8*; «Кама», 27, rue de Villiers, Neuilly-sur-Seine;
Magasin du Livre, 10, rue de Carmes, Paris-5*; «Дом Книги», 9, rue
de l'Eperon, Paris-6*.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ НАДПАРТИЙНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

РОССІЯ

Стоимость подписки для Франціи 50 фр. за 52 номера газеты в год.

Адрес редакціи:

«Rossiya», 480 Canal Str., New-York 10013, N. Y., U.S.A.

Наши представители за-границей :

АРГЕНТИНА: Mr. Jorge Knircha. Villa Balester, Jose Hernandez 149 dep.
2, Prov. Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ: «La Sentinelle». Belgique. Boîte postale 31. Ixelles-4 (Compte
postal 3925.03).

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ: Mr. V. Baratchevsky. 23, Alder Grove, London N. W. 2.

ГОЛЛАНДІЯ: N. V. Martinus Nijhoff-Libraire. B. P. 269, 9, Lange Voorhout.
La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ЗОНЫ ГЕРМАНИИ: Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse
16/II. Allemagne.

США: Mr. P. E. Stogoff. 89-30-164th Street. Jamaica, L.I.N.Y. 11432, U.S.A.

**I. A. Wedrov. The Russian Book House, 277 Fairfield Ave. Bridgeport,
Conn. 06603, U.S.A.**

**Mrs M. S. Kingston. Russian Book Store «Russ», 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.**

ВЕНЕЦУЭЛА: Mme G. Balitzky Sur 5, No 88. Caracas.

БРАЗИЛІЯ: Mr. L. Rubanov. Livraria «KNIGA». Rua Sao-Bento, 217. Sala
124 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛІЯ: Book Import Distribution, 18-24 Canberra st., Carrum,
Victoria, Australie.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1968 ГОД

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ”

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

(44-й год издания)

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Франция:

1 год	80 фр.
6 месяцев	45 фр.
Отдельный номер	8 фр.

Англия (и зона стерлинга):

1 год	7 фунтов ст.
6 месяцев	4 фунта ст.
Отдельный номер	18 шиллингов

Другия европейския страны и Бл. Восток

1 год	110 фр. фр.
6 месяцев	60 фр. фр.
Отдельный номер	11 фр. фр.

С.Ш.А., Канада и Латинская Америка:

1 год	21 доллар
6 месяцев	12 долларов
Отдельный номер	2,50 доллара

**Во избѣжаніе перерыва в получении журнала,
не забывайте возобновить подписку своевременно**

VOZROJDENIE (La Renaissance).

73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8°

Tél. : 359-06-03. C. C. Postaux : Paris 781-81.

Подписка принимается с 1 числа любого мѣсяца.